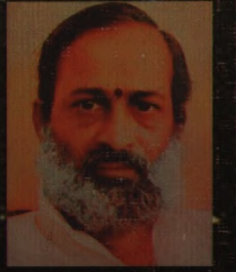
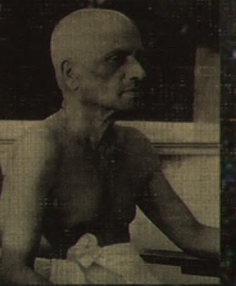
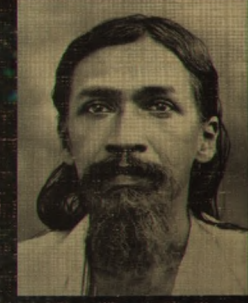

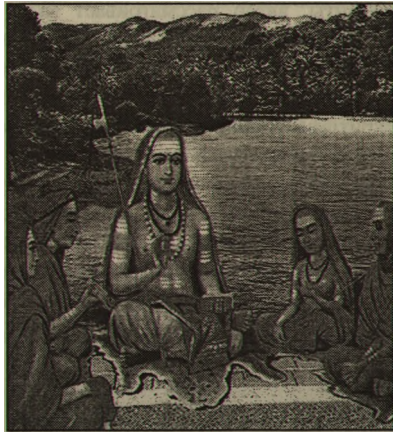
Адвайта-веданта для двадцать первого века

Майкл Момот

Адвайта-веданта
для двадцать **первого** века

Джнянавакья
2006

86.33
M22
291

Майкл Момот

Адвайта-веданта для двадцать первого века. 2006. — 260 с.

ISBN 5-93356-047-2

M 22

Книга раскрывает философские основы Адвайта-веданты, делая акцент на том эволюционном потенциале, который имеет это учение для человеческой цивилизации сегодня. Подчёркнута шубинная взаимосвязь философии и этики Веданты с христианством и другими духовными традициями человечества. Подробно останавливаясь на спорных вопросах учения Адвайта-веданты, автор рассматривает их в русле классической, древней традиции. Многочисленные имена и высказывания известных учителей Веданты приведены в контексте исторического развития этого учения и готовят читателя к восприятию первоисточников. Тщательно подобранная санскритская терминология охватывает весь спектр ключевых понятий Веданты. Отдельная глава посвящена тому, как учение Веданты отражено в новейших богословских, философских и научных исследованиях, направленных на создание обобщающей, всеохватывающей картины мира, методологии познания и самопознания. Книга может стать начальной ступенью для изучения оригинальных первоисточников, которые теперь легко доступны в Интернете на таких сайтах, как <http://dharma-texts.narod.ru/>

ISBN 5-93356-047-2

© Текст и переводы - Майкл Момот, 2006 г.
© Оформление - ООО "Издательство "Левша. Санкт-Петербург", 2006 г.

«Кем побуждаемый, ум летит к своей цели? *Прана*, энергия жизни, своими путями кем направляема? Кем движима речь произносимая? Зрение и слух каким божеством отверзаемы? Мудрецам, то Единое познавшим, что является Слухом слуха, Умом ума, Речью речи, *Праной праны* и Зрением зренья, дарована *амрита* (свобода от смерти), неподвластны телесной они оболочке и отрешились от мира. Не проникает туда ни око, ни речь, ни ум. И не познаём, *как* то Неопишное преподать в наставлении. Оно, поистине, отличается от познанного и выше непознанного, - так слышали мы от древних, объяснявших Его. Что невыразимо речью, но чем сама речь может быть выражена (познана) - знай: это и есть Единый, а не то, чему поклоняются люди. Что не познаётся умом, но чем познан сам ум - знай: это и есть Единый, а не то, чему поклоняются люди. Чего не увидеть глазами и что видит сами глаза (познаёт зрение как таковое) - знай: это и есть Единый, а не то, чему поклоняются люди. Чего не слышно ушами и что слышит сами уши (познаёт слух как таковой) - знай: это и есть Единый, а не то, чему поклоняются люди. Что не обоняемо, неощутимо *энергетически*, но чем обоняние, вдыхание *праны*, само познаётся — знай: это и есть Единый, а не то, чему поклоняются люди».

Кена-упанишада (Самаведа), глава 1, 1-9.

How many years can a mountain exist
Before it is washed to the sea?
How many years can some people exist
Before they're allowed to be free?
How many times can a man turn his head
And pretend that he just doesn't see?
The answer, my friend, is blowing in the wind,
The answer is blowing in the wind.

Bob Dylan, 1964.

«После землетрясения огонь, но не в огне Господь. После огня веяние тихого ветра».

3-я кн. Царств. 19, 12.

«Слова мудрых - как иглы и как вбитые гвозди, и составители их - от единого пастыря. А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг — конца не будет, и много читать — утомительно для тела».

Екклесиаст. 12,11-12.

СОДЕРЖАНИЕ

Бытие.....	5
Колыбель.....	18
Пробуждение.....	41
Ученик мудрости.....	56
Диспут.....	76
Оставление себя.....	107
Ключи свободы.....	131
Два крыла.....	162
Эволюция и путь недвойственности.....	195
Садхана.....	224
<i>Приложение 1.....</i>	<i>248</i>
<i>Приложение 2.....</i>	<i>249</i>
<i>Приложение 3.....</i>	<i>250</i>
<i>Приложение 4.....</i>	<i>252</i>
<i>Приложение 5.....</i>	<i>253</i>
Изображения учителей Веданты на обратной стороне обложки (последовательность перечисления соответствует порядку размещения: слева-направо, сверху-вниз).....	254

БЫТИЕ

Жизнь — это сознание. Все формы жизни, от простейших до высокоразвитых — суть сознание. Но лишь в человеке сознание достигает самопознания — осознания самого себя. Бог дарует живой душе (*джива*) совершенное знание и обретает в ней своё отражение и подобие. Душа, сознающая всё сущее и самоё себя, совершенна, свободна от начала творения и этим тождественна своему Первообразу. Не ведая своей единичности, особенности, отдельности, душа полностью пребывает в Едином, душа и Бог — одно целое. Неразделённое сознание — это ясность, чистота, невинность. В этом покое и чистоте — нет самостоятельного стремления к чему-либо, нет знания или желания чего-то *отдельно* от всего остального. Изначальная творческая энергия познания, энергия души, — проста, добра и непобедима. Она не сравнивает, не выбирает и не задаёт вопросов, но проникает всюду, не встречая препятствий. Недвойственная (*адвайта*) в самой себе, эта энергия не разделяет, но воссоединяет, просветляет и одухотворяет бесконечный бессознательный космос, засевая семенами сознания его молчаливую бездну.

Когда в вызревающем семени рождается разделённое знание, познание добра и зла, возникает *это* — защитная оболочка, боязнь открытости, смущение пред Богом, стремление к самостоятельному обладанию и господству. *Это* не может находиться в совершенном покое Недвойственности. От неопределимой глубины и тонкости сознания и восприятия, от простоты и невинности, *это* увлекает душу к чему-то иному, шаг за шагом удаляя её ко всё более внешним, грубым, осязаемым, материальным аспектам бытия. Оно побуждает к предпочтению, к обдумыванию и борьбе, к движению в разные стороны, к активности, к искушению. *Это* хочет всё выяснить, всё узнать и зафиксировать, и затем оно готово осудить или разрушить узанное. *Это* заставляет душу пробовать, сравнивать, пытаться приобрести, завладеть, выделиться, всегда и всем доказывая свою неповторимость и исключительность.

Глубоко запрятанным воспоминанием остаются обращённая ко всему творению любовь и абсолютное доверие Богу: нагота и простота души посреди нагого и простого бытия. В совершенной чистоте, в

состоянии незащищённости, в отсутствии оболочки *это* — восприятие реальности было кристально чистым, точным, правдивым. Теперь то, что воспринимает «я», — это уже не реальность, но лишь искажённый образ её в зеркале ума, чувств и воспоминаний. Эдем, Реальность — всегда рядом с человеком и внутри него. Древо жизни укоренено в самом его сердце, оно растёт, полное энергии жизни, но прикоснуться к нему не позволяет человеку огненный страж, для нашего же блага поставленный Богом. Имя этому стражу — Двайта: двойственность, множественность, разделение.

ог>

Когда древо жизни станет алтарём, крестным древом, где всё многообразие *это* будет принесено в жертву единой устремлённости, человек вновь прикоснётся к неразделённому, невинному, простому бытию своей души. Когда древний змий (*эро*) потеряет власть в его сердце, когда он придёт к окончательной самоотдаче ради совершенного знания и совершенной любви, тогда огненный страж раскроет ему ворота и как брата или сестру обнимет входящего. Двайта держит меч в руках, как и подобает стражнику. Это — линия, разделяющая добро и зло, это — выбор между истинным и неистинным, высшим и низшим, живым и неживым. Разделение проникает во всё, что принадлежит миру людей, оно — причина всего того, что происходило с людьми на протяжении истории. В мире до-человеческом, в мире природном — нет разделения, там по-прежнему царят гармония и единство. Это блаженная обитель незнания, полнота ещё не проросшего семени.

32

Человек не готов являть *только добро*, он *хочет* разнообразия, он *хочет* противопоставления. *Это* борется за власть, подавляя всё, что противостоит его желанию быть выше, лучше, больше, сильнее. Соперничество порождает зло, которое наполняет умы людей завистью, враждебностью, беспричинной ненавистью к себе подобным. Всё человечество — один общий ум, и все люди — его бесчисленные мысли, по большей части безрассудные, беспомощные и нелепые. Всё человечество есть единый сосуд, откуда все пьют и насыщаются, куда и возвращаются все продукты человеческой жизнедеятельности. Все «личные» страхи, желания, побуждения исходят из этого единого ума: у всех людей они практически неотличимы друг от друга. Каждый

рефлекс испуга или тревоги, каждый жест агрессии или отчаяния, каждое протягивание рук к ускользающему наслаждению — добавляют горечи в чашу, которую люди двадцать первого века приняли от предков и передают послушно своим потомкам.

Зг>

Лезвие меча Двайты незримо рассекает всё сущее на ту часть, что восходит к небесам, и ту, что падает в пропасть небытия. На каждом шагу человек должен *задумываться* о том, что и зачем он совершает. Он должен действовать на свой страх и риск, принимая решения, совершая ошибки и неся за них наказание. Зерно, прорастая, мучительно пробивается сквозь оболочку пустой породы. Мы не видим движений сеятеля, не слышим, как появляется росток и наливается плод, мы не знаем, как, кто и когда переносит новое семя на новую почву. Но мы, как и наши далёкие предки, вкушаем плоды тех зёрен, что были посеяны прежде.

«И взял я книжку из рук Ангела и съел её; и она в устах моих была сладка, как мёд; когда же съел её, то горько стало во чреве моём». Мы живём, делая всё, что нам вздумается, в эгоистической погоне за личной выгодой и удовольствиями. Практически всё, что мы совершаем, каждый поступок в отдельности и вся их совокупность, порождает зло и наказание за это зло — *карму*, принося страдание нам, нашим ближним, неведомым нам людям на другом конце Земли и нашим потомкам. Над всем человечеством властвует закон *кармы*, каждый оказывается несвободен, связан по рукам и ногам. Никто не идёт своими ногами, но *это* волочит всех как беспомощную рыбу — сетью *кармы* на берег страдания. Апостол Павел многократно повторяет в своих посланиях: все — под грехом, каждый человек — раб греха, каждый нуждается в спасении. *Карма* — это цепочка действий и их последствий, бесконечная вереница грехов и наказаний, постоянно воспроизводящих новые грехи и новые наказания, это верёвка, которая как ядовитая змея оплетает и жалит каждого человека, соединяя всех людей в один бесконечно запутанный, отравленный клубок. Человеком движет желание обладать чем-то, стать чем-то большим, чем сегодня, преодолеть чьё-то сопротивление и стать хозяином жизни, хозяином своей судьбы. При этом человек всегда движется по поверхности, лишь накапливая и поглощая, нападая и защищаясь. Ему давно неведомо,

что значит — остановиться и погрузиться на глубину, которая невидимо пребывает за грубой материальной оболочкой. Не имея ясного смысла для своего бытия на этой планете, человек совершает ошибку за ошибкой, оскверняя себя новыми и новыми проступками, за которые ему предстоит нести наказание.

32

В царстве Дваиты «проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от неё во все дни жизни твоей...» А что сеет человек в землю, то и приносит ему урожай, причём «всякому, имеющему (нечто доброе) дастся и приумножится (возможность дальнейшего совершенствования), а у неимеющего отнимется и то, что имеет». В собственной душе человек обнаруживает червоточину — и не знает, что с ней делать. «Что болезнь в теле, то грех в душе», пишет преподобный Симеон Новый Богослов, православный игумен и писатель, живший в начале прошлого тысячелетия. Своей жизнью, своими поступками и помыслами, тем, как он проводит своё время на этой земле, принося горькие, несъедобные плоды себе и бесчисленным людям вокруг себя, человек сам лишает себя надежды на возвращение к Единому. Человек сам отправляет себя «во тьму внешнюю». «...И ты можешь лгать, и ты можешь блудить, и друзей предавать гуртом. Ну а то, что придётся потом платить, так ведь это ж, пойми, потом. И ты решишь, что нет над тобой суда, нет проклятия прошлых лет, когда вместе со всеми ты скажешь *да* и вместе со всеми *нет*. И ты будешь волков на Земле плодить и учить их вилять хвостом. Ну а то, что придётся потом платить, так ведь это ж, пойми, потом...».

3г>

И Евангелие, и мудрецы древней Индии пытались раскрыть людям глаза на то, что *потом* — это ещё хуже, чем *прямо сейчас*. Неизбежность дальнейшей судьбы, которая будет не лучше, а хуже нынешней — в этом «проклятость земли», о чём говорит Адаму Бог в книге Бытия. «Не бела и не черна карма для познавшего Истину», — пишет Патанджали в своей «Йога-сутре». «Но для всех иных людей карма может быть белой, чёрной и смешанной». Белая карма (добрая, вознаграждающая) — даёт передышку, залечивает старые раны. Чёрная — тянет дальше вниз, принося новые страдания. Исполняется, осуществляется карма, по утверждению Патанджали, исходя из жизненных обстоятельств и

состояний сознания человека. Импульсы, побуждения к дальнейшему «кармотворению» определяются «того цвета» *кармой*, что находит отклик в самом человеке к моменту зарождения в нём очередного желания или побуждения. И та, и другая *карма усиливает* в человеке желание иметь, обладать, быть лучшим, первым, главным, — что заставляет ум бешено работать, накапливая некий капитал и развивая в себе всё более изощрённое *эго*.

«Учёные наших дней умеют на сорок частей расщепить каждый волос в своих науках, а того, что для них важнее всего, — не знают!» (Джалаледдин Руми). Не в поглощении информации, не в популярных мифах, не в потоке дел, не в социуме, — но в уединённом размышлении сокрыта дверь к первоначальной чистоте, к восстановлению утраченного единства. Законы *кармы* — не юридические законы, не уголовный кодекс, где на каждый проступок предусмотрено определённое наказание. Кармические кары и поощрения — непостижимы для ума, их действие таинственно и часто невидимо. Священные писания (*шастры*) содержат не посулы и запреты, но ключи — заповеди [*дхарма*]. Эти «указатели» призваны вывести из лабиринта *кармы* — туда, где всё залито светом, где нет греха, соперничества и разделённости. О непостижимости и неотвратимости *кармы* можно прочесть в библейской книге Екклесиаста. Соломон, царь израильский, размышляя обо всём, что происходит с людьми, обнаруживает выход из бессмысленного и греховного круговорота лишь в мудрости, в понимающем и сострадательном *различении*. «Есть зло, которое видел я под солнцем, и оно часто бывает между людьми. Сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их, в жизни их; а после того они отходят к умершим. Обратился я сердцем моим к тому, чтобы узнать, исследовать и изыскать мудрость и разум, и познать нечестие глупости, невежества и безумия. Кто — как мудрый, и кто понимает значение вещей? Мудрость человека просветляет лицо его, и суровость лица его изменяется. Слова из уст мудрого — благодать, а уста глупого губят его же. Соблюдающий заповедь не испытает никакого зла: сердце мудрого знает и время и устав. Только это я нашёл, что Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы. Человеку, который добр пред лицом Его, Он даёт мудрость, и знание, и радость; а грешнику даёт заботу собирать и копить, чтобы после отдать доброму пред лицом Божиим».

Хвост помыслов и страстей предопределяет появление новых страстей и новых помыслов. Всё то, что наполняет человека волнением и влечёт его к себе как магнит, заполняя собой его сны, эмоции, мысли, — рождено эгоистическим умом, лишённым мудрости и сформированным всей предыдущей *кармой*. Эгоистический ум неумолимо вынуждает человека формировать своё *будущее* так или иначе. Человеческое *эго строит себя* из материала своих влечений, переживаний и страхов, всё более *приковывая* человека к миру разнообразия, где всегда находятся новые, ещё более мощные магниты. Человек беспомощно крутится в водоворотах, его несёт и бьёт о камни бурливая река *кармы*. Он проходит через отчаяние, распад, страдание. И всё — лишь для того, чтобы однажды *одуматься* и отлепить, оторвать свой замороженный взгляд от мира вещей, мыслей, эмоций, подняв его туда, где раздробленность преобразуется в цельность, хаос воссоединяется в симфонию. Пока человек живёт в пузыре, в потоке *кармы*, в своём маленьком мирке, наедине со своими нехитрыми идеями, желаниями, заботами и фобиями — как джинн в бутылке — он не ведаёт величия вневременной и безграничной Свободы, скрытой в том изначальном покое невинности, который мы называем «душа». Душа, *джива*, заключает в себе истинное Я, искру великого Пламени, сотворившего и одухотворяющего всё бытие. Но человек живёт за высокой стеной своей «личной жизни», занятый своими *личными* делами и проблемами, и ему нет дела ни до чего иного.

Зг>

Каждый из родившихся пришёл в мир, чтобы развить в себе мудрость, внимательность и сострадание. Творец хочет от своих детей не умственной деятельности, но познания Истины и жертвенного служения другим людям. Во времена, когда нет достойных доверия учителей, каждый человек, хранящий и познающий в себе искру Божию, становится ответственным за весь мир. Такие люди нуждаются в источнике света, в источнике знаний о Боге и о бытии, где нет места мифам, догмам и всеобщему безразличию. Это должен быть источник, незамутнённый обычным человеческим плачем о самом себе. Это должен быть яркий светильник, без налёта каких-то архаичных, чужеземных верований, сомнительных обычаев и ритуалов. Нужен факел, способный сегодня озарить путь во мраке нынешних проблем

и противоречий. Человек двадцать первого века, познавший глубины науки и сложности психологии, хочет знать — как воссоединиться с Богом, каков Он — Бог, какой путь ведёт к Нему. Люди, которым недостаточно одной только «личной жизни», хотят знать, как *надлежит* жить в этом веке, — правильно, осмысленно, достойно. Человек, который задумывается об этом, ищет тот «свет мирр, при свете которого он будет видеть всю реальность, всё бытие — неискажённо.

zл'

Сегодня люди заняты, главным образом, тем, что беспокоятся о себе, пытаются приобрести что-то для себя, хвастаются собой, жалеют себя или опасаются за свою безопасность. Большую часть времени они думают о том, как заработать денег, а затем — как конвертировать их в удовольствия. Ум человеческий приучен к уверенности, что ему и так всё понятно, что он и так знает всё. Обычный ум ищет лишь информации и развлечений, которые развеивают его привычную самоуверенность и скуку. Он накапливает знания, мнения и воспоминания, не вынося покоя, пустоты и открытости. Ум сам по себе, без некоего духовного прикосновения извне, не проявляет искреннего интереса к познанию Истины. Обычный ум прячет себя в привычном, стремясь укрыться от Неведомого. Лишь изредка сознание оказывается открытым, искренне заинтересованным, способным ощутить прикосновение извне, и тогда в нём пробуждается жажда, воля, стремление к тому, что *за пределами* известного и обыденного. Но счёт человеческой жизни идёт не на тысячелетия, а на годы, у каждого из нас не так много времени. Человек должен прочувствовать истинную ценность каждого вдоха и выдоха, который ему осталось совершить на Земле. Духовный интерес сначала вынуждает человека обострить внимание к содержимому его обыденной, «личной» жизни, чтобы увидеть в этих мелочах правдивый портрет самого себя — в свете той Искры, которая начинает пробуждаться в его сердце.

32

«Чем больше и глубже твои знания, тем строже судим будешь, если живешь не свято», начертал немецкий мистик Томас Хемеркен (Хамерке), известный в России как Фома Кемпийский. Человеку стоит глубоко задуматься о своём пути, о том, что он *в действительности* делает, что *на самом деле* происходит с ним, что служит ему «светом на пути».

Ему стоит *поразмыслить о своей жизни* — вместо того, чтобы становиться адептом какой-либо идеологии или секты. Проблему *эго*, проблему внутренней разделённости и дезориентации, не решить той болтливой чепухой, которую предлагают на рынке массовой культуры под видом «духовных практик». То, что кем-то *недавно придумано*, чьи-то выдумки и фантазии — могут развлечь или ненадолго вызвать интерес, но не могут никого спасти, не могут открыть глаза слепому от рождения. Для этого необходим подлинный вкус Реальности, личный, непосредственный опыт пробуждения, возрождения, преобразования. Если мы хотим удовлетворить жажду Истины, нам нужно искать *чистый источник*.

32

В древней традиции не-двойственного знания, известной в Индии как Адвайта-веданта, обычно видят либо средневековую схоластику, либо культ экстатического медитативного транса. Но подлинное учение Единства даёт человеку средство познать и преобразить, воссоединить и *обожить*, — и разум, и то, что за его пределами, и позитивную эмоциональность, и безмолвную отрешенность, и ту сферу, где осуществляется его нынешняя и творится последующая судьба. Духовные переживания - ощущения, вдохновение, восторг — недостаточны сами по себе, чтобы изменить наш «кармический диагноз». Даже после знакомства с не-двойственным знанием Адвайта-веданты, после живого опыта единства, взаимопроникновения, космической тишины, не-ума, - глубокое размышление, самопознание (*вичара*) обычно выявляет значительную степень самообольщения и самообмана в той большей части человеческой жизни, где ум, чувства и тело продолжают активно действовать, принимая участие в условностях этого мира. После живого опыта *единения* с тем, что прежде было внешним, чуждым, иным, становится видна поверхностность обыденного мышления, смехотворность «всезнания» человеческого ума—самообман уверенности в том, что нам *уже всё понятно*. Эту самоуверенность возможно преодолеть, лишь признав, что человек воистину не знает ничего о самом себе, об окружающем его бытии, о той безмерности, что существовала *до нас* и таит в себе некую тайну *о нас*. Учение, которое является *чистым источником знания* о Реальности, ставит себе одну единственную цель — воссоединить в человеческом познании *известное* и *неведомое*.

Самообман одного человека — это самообман всего мира. Чем больше слов о духовных ценностях, прогрессе и процветании, тем более необратимо идёт разрушение традиционных добродетелей, традиционной культуры и традиционной духовности, которые ещё хранят тайны *чистых источников знания*. Хорошие слова нынешних «учителей» обычно ничем не подкреплены — ни традицией, ни личным подвигом: человеческое *эго*, которое сдерживалось рамками патриархального мира, к двадцать первому веку достигло окончательного освобождения. Данная каждому от рождения *искра Ауха* угасает или угасла в сердцах большинства, оставив после себя пепел ненависти, безразличия, цинизма. Неслучайное русское слово: неизменность... Человек, рождённый для того, чтобы быть частью красоты бытия, созерцать бескрайнее творение и устремлять взор к Творцу, проводит жизнь за просмотром телесериалов. Завет нарушен, скрижали разбиты. История развенчала все идеологические мифы, патриархальная вера в Бога утрачена, а вера в человеческий разум сметена очевидным безумием того, что творилось в недавнем прошлом и продолжает твориться в наши дни. Совокупное сознание людей, в древности — укоренённое в «неизменной составляющей бытия», ныне бесцельно крутится в калейдоскопе личности, *эго*. Человечество, сделав разрушительный экскурс в окончательную, всеотрицающую бездуховность, которая обернулась кошмаром и смертью миллионов людей, замерло на краю, — в ожидании нового смысла, нового подвижничества и новой проповеди древних, вневременных, незбылемых истин. На пороге больших перемен наша цивилизация нуждается во вневременной Истине.

32

Учение Адвайта-веданты, не-двойственный путь — это не техника медитации, не череда вдохновений или экстатических состояний, не магия, не оздоровительная система и не психологическая работа над собой. Это собирание себя воедино и отказ от себя ради Истины. Это не набор концепций, мифов или формул самовнушения, не то, во что можно верить и чем можно *заниматься*. Адвайта-веданта — окончательное понимание, незбылемое знание о том, *что есть*, о том, что пребывает вечно, скрытое изменчивым потоком форм и явлений. В то же время — это практика, это воплощение, претворение абсолютной Истины, осуществление, того, что провозглашено. Это не только утверждение того, что или кто есть Истина, но и обучение тому, *как жить* в

совершенном единении с Нею. Часто Адвайта-веданту представляют в виде философских изречений, которые остаются в соответствующих ячейках памяти, — кто-то может их даже процитировать, — но они никак не связаны с той повседневной жизнью, которой *сегодня* живёт человек. Изящные афоризмы доставляют слушателям ощущения комфорта — это приятная, безопасная, никого не обижающая духовность. Приятно слушать правильные мысли, — пока они не начинают наскучивать. Но *что-то происходит* в человеке начинает лишь после того, как он в своей самостоятельной, практической жизни сделает некий шаг, примет некое решение, изменит, сделает или откроет нечто, *созвучное* тому, о чём говорит Веданта.

Учение Адвайта-веданты открывает на уровне опытного постижения ту невидимую и неизменную подложку бытия, тот единый «экран», на который как фильм проецируется весь хоровод событий, лиц и переживаний, поглощающий собой обитателей планеты Земля. Этот «экран» и есть истинное бытие, вечная жизнь всякого сознания, свободного от самоотжествления с телом, умом и той ролью, которую ему довелось играть в фильмах о Небе и о Земле. Адвайта-веданта не учит примитивному отрицанию мира движения, активности и многообразия, но содержит в себе знание о том, как *воссоединить* ту часть нашего бытия, где преобладает движение, активность и многообразие, с той неизмеримо более глубокой частью, где никогда ничего не происходило, где есть лишь покой и неподвижность. Для нашего «я» это означает направить себя в *одну единственную* сторону, *выбрать одно* — вместо бесчисленного множества разнонаправленных векторов: обрести *ясность намерения*.

Веданта — это ключ к познанию тайны, — *как* изначальное сознание, изначальная творческая энергия, не-двойственная и сияющая искра любви, *теряет осознание* своего единства с первоосновой бытия («экраном») и, подпав под власть иллюзии, заблуждения, вовлекается в водоворот активности *эго*, считая себя одним из персонажей «фильма». Веданта подробно объясняет то, как эта искра начинает тускнеть, облекаясь в мутную пелену «личных» намерений и амбиций, попадая, словно рыбка, на приманку *гордыни*. Прописавшись в мире Двайты,

в мире конфликтов, неудовлетворённости, противоречий, искра (душа) наглухо забыла своё истинное предназначение, бытие единого Пламени. Считая себя телом, чувствами, мыслями, она мечется между «жизнью» и «смертью», спасаясь от опасностей, приобретая предметы своих вожделений, сомневаясь, борясь и страдая.

3g

Теперь чистой и бессмертной душе предстоит пройти долгий ступенчатый путь через множество испытаний и постижений, постепенно, слой за слоем снимающих покровы иллюзии, привязанности и греха. Этот долгий, сокрытый во тьме веков путь проходит и всё человечество, складывая мозаику Истины из бесчисленных обломков прежних, разбитых и отброшенных истин. Учение Веданты (*венец знания* или *завершение Вед*) уходит корнями в ведическую древность. Сформировавшись около двух тысяч лет назад, оно выдержало испытание временем и стало основой последующей духовной истории Индии. Это цельное, многогранное мирозерцание, подарившее человечеству действенные духовные традиции ученичества, неоспоримые случаи чудотворения и святости, указавшее путь бесчисленным искателям Истины, раскрывшее неисчислимые сознания к слиянию со своим Первоисточником.

3г>

Все проблемы современного человека коренятся в его раздробленности, многосложности, многослойности — в противоречивости и взаимном отрицании тех целей, к которым он устремлён. Учение Веданты раскрывает понимание *одной единственной* цели, достойной человека, ради которой он сотворён, которую он бессознательно предчувствовал во всех своих иных устремлениях. Одна цель вместо множества — это совершенная простота, претворяющая жизнь человека из обыденной и бессмысленной в цельную, осмысленную и святую. Всякое учение поверяется тем, насколько святой и целенаправленной (непротиворечивой) была жизнь его последователей. Свидетельством жизни своих учеников и учителей от Шанкары (VIII в. н.э.) до Раманы Махарши (XX в.) Адвайта-веданта (недвойственная Веданта) способна ответить на вопросы об Истине и о смысле бытия — с той же глубиной и строгостью, с какой современная наука исследует тайны вещества, энергии, времени и пространства.

Учение Веданты обращено к *совершенным* источникам знания (*кеваяпрамана*); в исследовании и Абсолюта, и Его творения, оно утверждает приоритет Божественного откровения. Истина Абсолюта и законы творения—подобны друг другу (*садришья*), они становятся доступны путём непосредственного, самоочевидного (*апарокша*) восприятия. Помимо Божественного откровения, человек, взыскующий знания (<*джняна*), может доверять трём «земным» (*ятхартха*) путям познания (*анупрамана*): восприятию посредством органов чувств (*пратьякша*), здравому смыслу (*анумана*) и свидетельству Священных Писаний {*агама*}. Ошибки и заблуждения говорят лишь о том, что душа (*джива*), *интуитивно знающий* Истину внутренний свидетель (*сакшин*) — временно бездействует («спит»). Поэтому цель практики Адвайта-веданты — это пробуждение, просветление, восстановление явной (*сваям-сиддха*) власти Духа, *интуитивно знающего* Истину. Пока душа «бездействует», в человеке хозяйничает ум (*манас*), продукт материи, который способен рассуждать, но *не может знать* Истину. Абсолют неопишем (*анабхилапья*), но все достоверные источники познания (*прамана*) символически указывают на Него.

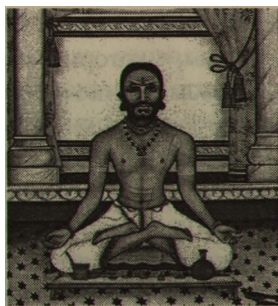
32

Адвайта-веданта — не теория, а практика, совершаемая не телом, не умом, но Духом (самосознанием). Она возвращает в ученике понимание и внутренний опыт, которые ведут к пробуждению ото сна. Осознание Истины (*саткаршана*) сходно с тем, как слепой обретает зрение. Адвайта-веданта подобна ускоренному взрослению души, вновь открывающей (вспоминающей) свою изначальную простоту и невинность, своё изначальное Знание и Самобытие, не зависящее от идеологий, догм, религий, слов и идей. Практика Веданты отвечает на вопрос, *как привести недвойственность* в земную, осязаемую, повседневную жизнь человека. Смысл этого учения — в том, чтобы воплотить, осуществить, претворить Истину в мире времени и пространства. Веданта протягивает современному человеку — через тысячелетия — те ключи, которыми можно отворить дверь темницы — ума, чтобы выйти из тесноты *эго* на ослепительные и неведомые ему доселе просторы Свободы.

Свобода, бесконечность — это либо ноль, либо единица. Ноль — это учение Будды, *шуньявада*. Единица — это Адвайта-веданта. Богословски

единица — это монотеизм (*адонай элохэйну адонай эхаЗ*). Вслед за единицей следует троичность — полнота — совокупность единства (*адвайта*, один) и разделённое™ (*двайта*, два). Веданта говорит о троичном Боге (*вират* или *вайшванара* — *сутратман* или *хираньягарбха* — *акшара* или *ишвара*), о троичном Я (*вишва* — *тайджаса* — *праджня*), трёх состояниях сознания (*джагарита* — бодрствование, *свапна* — сон со сновидениями, *сушупта* — сон без сновидений; плюс неопишваемое «сверхсостояние» — *турья*) и о троичной иллюзии (*тамас*, *раджас*, *саттва*). Иллюзия тройственных качеств (*майя*) скрывает под собой Абсолют, но она же является как бы телом этого единого Духа. Мир, творимый этой иллюзией, тем самым становится полем (*кшетра*) для практики, обучения, изменения, движения, роста и самопознания. Абсолют не только скрывает себя (под покровом *майи*), но и влечёт к себе — той высочайшей Божественной Силой (*ишвара-шакти*), которая есть Его творческая энергия (*лила*), вечно творящая (*парадхина-вишешапти*) постижимое бытие — всё видимое и невидимое. Энергия *шакти* не самодостаточна, но подчинена, зависима (*паратантратя*) от Абсолюта, она — лишь *путь* к Нему.

Вся полнота и простота Знания сокрыта в человеке под оболочкой разделённого ума (*эго*), вся полнота и простота реальности бытия сокрыта под пеленой *майи* — троичной иллюзии (*тамас* — инертность, невежество, *раджас* — активность, страсть, *саттва* — чистота, праведность). Пребывая во власти *майи*, человек живёт лишь тленным, исчезающим, невечным (*шара*). Не ведая ни о Боге, ни о Я, ни о Сознании, он слепо рождается, мечется в погоне за счастьем и умирает в своей слепоте, а его ум (*манас*), обращённый вовне, неспособный взглянуть внутрь, блуждает и спит, видя сны о несовершенстве мира.

КОЛЫБЕЛЬ

Приходя в мир, входя в сон обыденной жизни, человек узнает, что он часть социума, и, будучи наделён чутким разумом, он видит неполноту доступной разделённому уму картины мира. Эта картина мира различает добро и зло, она предполагает конечную победу над злом, будущее торжество добра и здравого смысла, но сегодня в ней преобладает несправедливость, в ней всё неоправданно, незакончено и словно бы напрасно. «Слепец стреляет в мир», и пули ложатся повсюду, внушая ужас и безысходность, уничтожая правых и виноватых. Изучая историю, в том числе самую недавнюю, мы видим непрерывный сериал горделивых амбиций, бессмысленной садистской жестокости, борьбы за власть и, главное, тупого, безрассудного следования огромных масс людей за чужими идеями и лозунгами. Каждый сегодня считает себя хозяином своей судьбы, каждый полагает, что он сам решает, как ему жить. Но при этом каждый оказывается марионеткой, управляемой совокупным человеческим неведением, всеобщей иллюзией: вокруг себя мы видим всегда одно и то же «я» — вместилище страстей, пороков и эгоизма. Давно всё знающее и обученное всему, полностью зашторенное от неизвестного, откорректированное, проштампованное, воспетое и разрекламированное средствами массовой информации. «Мои» желания, «мои» капризы, «мои» фобии, «мои» намерения, «мои» проблемы, «мои» противоречия — такова плоть и кровь этого всеобщего «я». Его начинка — это требование автономности, отдельности от всего остального, это неискоренимая мечта о превосходстве и власти над чуждым и угрожающим (внешним миром).

На деле эта мечта приводит к подчинению бесчисленных человеческих сознаний каким-то искусственным, неизвестно кем выдуманым, примитивным мыслеформам, которые заполняют собой всю человеческую жизнь, не оставляя обычно ни единой лазейки для *осознания реалий своего бытия*, где я, кто я, что я делаю на этой земле? Почему я пребываю в сноподобном состоянии сознания? В этой картине нет ни смысла, ни цели, ни совершенных образов для подражания. Но *сердце*, сопротивляясь механичности и самогипнозу всеобщего «я», жаждет смысла, жаждет цели, жаждет подлинной любви, незыблемости и совершенства. На определённой ступени зрелости сердце человеческое,

пробуждаясь и выходя из состояния сомнамбулы, устремляется в неизвестность в поисках абсолютной Истины. Попытки эти обычно пресекаются в самом начале, раздавленные простыми ответами и цинизмом разделённого ума. Но души, проявившие настойчивость, изжившие в себе косность и животный примитивизм, преодолевшие обыденность, суету и цинизм социума (*тамас*), жар эмоциональных метаний, творческие порывы и личные амбиции (*радžas*), приходят к *саттве*-религиозному благочестию.

Религиозное благочестие — это первая попытка собрать себя воедино, собрать свои бесчисленные лица — и «морды» — в одно лицо, — обратив это лицо к своему Первообразу. Религиозное благочестие даёт нам команду — и шанс — собрать все импульсы тела, психики и ума, прежде разбросанные беспорядочно и устремлённые вовне, чтобы направить их к Богу. Бог для человека, ступившего на путь, может стать путеводной звездой — утешением, иконой, причиной отказа от прежней жизни, заповедью, призывом к служению и молитвенному погружению в себя. Для чувств (*индрия*) и ума (*мате*), воспринимающих лишь малую долю Откровения, — Бог становится *символом* правды, чистоты и добра. Этот символ открывает сознанию дверь и указывает ему путь к истинному Богу. Так человеческое сознание пускается в путь оттуда, где «я всё знаю», туда, где существует лишь Неведомое, где сокрыт истинный смысл нашего рождения, наших испытаний и самого бытия человеческой души.

Зг>

Религиозное благочестие, к которому обращаются наиболее искренние души, принуждает к усилию, к самодисциплине, к борьбе с самим собой. Апостол Павел пишет об этой борьбе своим ученикам в Риме: «По *внутреннему человеку* нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих». «Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех». Человек узнаёт о том, что его природа, каким-то

образом отличная от Я, — несвободна, зависима, «повреждена грехом», и объявляет войну своему естеству. Покой и восторг в начале служат лишь сигналом к отплытию, само же путешествие — мучительный путь слёз и искушений, где всё может послужить к соблазну: всегда есть риск променять правду, чистоту и добро на раздувание своей гордыни — воздушного шарика амбиций, страхов и вожелений. До самого конца «лестницы» благочестия, вплоть до самой верхней её ступеньки, человек рискует упасть и оказаться ни с чем. Ведь он (его «природа») по-прежнему остаётся в значительной степени машиной, полусонной марионеткой, которую бесы страстей так и норовят подёргать за все стороны торчащие ниточки.

32

Посты, молитвенный труд и аскеза помогают подобрать отдельные ниточки и формируют *волю*—сознательную устремлённость к Богу. Воля — как живой зелёный росток из омертвело комочка «повреждённой грехом природы» — это начало подлинного Богопознания, рождение свыше после самоотрицания и борьбы с самим собой. Рождающаяся воля — иного рода, чем эгоистическое упорство, фанатизм или аскетическое насилие над своим телом. Эта воля есть то, с чего всё начинается, то, что в христианстве называется *вера*, а мудрецы древней Индии именуют *ифаддха* — абсолютная открытость, искренняя устремлённость и доверие. Искренность — это вера (*шраддха*), это способность к восприятию и ответу, неокрашенному собственными идеями и эмоциями из старого, личного, эгоистического багажа. Искренность, вера, прямота, непосредственность принятия Божьего прикосновения в сердце — это и ответ ДА, и самоотдача. Об этой вере — как о верности Богу — говорится в библейском рассказе об Аврааме и его несостоявшемся жертвоприношении Исаака. Об этой же вере — как об абсолютном доверии Богу — пишет апостол Павел в своих посланиях.

Эл

Вера, самозабвенная и искренняя до самоопустошения, забывающая о земных желаниях и нуждах, погружающая сознание в беспредельность нездешнюю, окунающая человека в Божественную бездну с головой, вера, сотрясающая человека изнутри, подобная невыносимому и не проходящему чувству жажды, овладевающая всем существом, всюю жизнью человека,

пробуждает живую душу из недр механической, запрограммированной, бессознательной машины. Одна лишь вера (плюс глубокое размышление в попытке *попять* происходящее) учит внутреннему деланию, уходу от внешней дисциплины *вовнутрь*. Вера *пробуждает* человеку Дух, сознательное существо, подлинную искру Божию.

3*

Религиозное благочестие, не выраженное в *такой* вере, легко деградирует в обрядовость, в фарисейство, превращаясь в подпорку для *эго*, в вариант социального и эмоционального сам ©отождествления («я — такой-то»), а в самых патологических случаях — в безумное кликушество и сектантский фашизм. Такая подмена, наоборот, порицает попытки идти *вовнутрь*, но превозносит внешнюю дисциплину и единообразие, надраивает внешний лоск и следит за тем, чтобы все делали «как я». Фанатизм - это та же машина, которая принимает введённые в неё данные (наставления того *авторитета*, который изначально считается ею таковым) автоматически, а затем направляет свою энергию на то, чтобы заставить всех остальных принять те же поучения как конечную истину. В атеистическом обществе именно такую патологию принято называть «истовой верой», именно её возвращают в себе заблудшие и именно от неё шарахаются «агностики». На санскрите эта *патологическая вера* называется *двеша* — ненависть к Единому. Деформированный, извращённый религиозный импульс может проявлять себя также во всех видах наркотической зависимости и маниакальной страсти: спортивный, человеконенавистнический, компьютерно-виртуальный, телевизионный, музыкальный, сексуальный, карьерный, предпринимательский фанатизм, собственно наркотики разного рода и т.д. Всякое посвящение своего сознания чему-то чуждому Богу, бездуховному и глубоко враждебному Его благодати - это продажа себя в рабство, идолопоклонство. Всё это, как суетная вера (суеверие), — хуже естественных привязанностей, ибо делает человека полностью невосприимчивым к Пробуждению, превращает его в машину целиком, безо всякой живой искры внутри.

32

Благочестие, *ставшее* непрестанной устремлённостью к Единому, минует всё наносное и второстепенное, чего много во всякой религии, и приводит первоучителям, к Первоучителю, обретая в них драгоценные,

незамутнённые источники Истины. Человек обращает свой поиск туда, где содержится вся премудрость, необходимая для спасения: к подлинной, неискажённой традиции. Традиция, как некая чаша, хранит внутри себя всю энергию и всё знание, необходимые душе, чтобы пройти предназначенный ей путь до конца. Духовные учителя сияют, словно алмазы, на всём протяжении истории. Их можно отыскать в каждой истинной религии, а в ложных религиях их нет. Истинная религия легко становится *жизнью* искреннего её последователя. Ложную религию надевают на себя как яркий маскарадный костюм, её носят в руках как знамя, но ложная религия никогда не становится источником благодати и не преображает, на ней нельзя построить свою внутреннюю жизнь. Духовное сияние подвижников и учителей всех подлинных традиций творит чудеса, проникая сквозь пыль и грязь истории. Душа *откликается* на преображающую силу этого сияния, распознавая в нём истинность Первоисточника. Не находя этого сияния, дух человеческий равнодушен к любым обрядам, богословским абстракциям и умозрительным назиданиям.

Религиозный импульс, религиозный поиск, несомненно, предшествовал всякой цивилизации. Он был и остаётся первичной эволюционной движущей силой человечества на планете Земля, главным фактором формирования *человеческого* сознания. Побуждая к познанию природных — видимых и невидимых — сил, вплоть до единой, высшей Силы, этот импульс обращён внутрь, к самой душе человека, к самопознанию. Об этом неустанно повторяют духовные подвижники всех веков и всех традиций. «Не зная себя, как мы дерзаем исследовать Творца?», сказал однажды Симеон Новый Богослов (949 — 1022). А в «Подражании Христу» Фомы Кемпийского мы находим слова: «Смирненное познание себя — верный путь к Богу».

Животное начало, преодолевающее свою бессознательную растворённость в природе через развитие личности, самости, *эго*, переходит в противоречивое, вечно неудовлетворённое, борющееся *человеческое* начало. Первичный, движимый эволюцией импульс приводит к развитию эгоцентрического, привязанного к «я» религиозного

самосознания, основанного на инстинктах страха, вождения, выгоды, преодоления препятствий и роста. Он требует познания, упорядочения, размножения и завоевания окружающего пространства. Младенческое сознание, целиком опирающееся на свой животный опыт, но уже начавшее свой *человеческий этап* эволюции, не останавливается на простом различении, познании и пользовании (вспомним, как Адам давал имена всем живым существам). Творчески переосмыслив свои страхи, страсти, пороки и прозрения, эгоцентричное человечество породило мириады языческих мифов, отдав своё сознание *многим богам*. Используя свои экстрасенсорные способности, астральные путешествия, видения и сновидения, инициации, обряды и заклинания, люди создали культ духов природы, пантеон неба и земли, переплетённый множеством взаимовыгодных связей со своим носителем, человеком.

3*

Пока человек учится, он готов быть сознательной частью творения, но не решается прикоснуться к Первоисточнику. «Я — всего лишь знаток мантр, а не Атмана, и потому я не обретаю покоя», — читаем в Чхандогья-упанишаде. Человек познаёт силу слова (*шabda-бхавана*), силу ритуального действия (*артха-бхавана*), он познаёт смысл и силу намерения (*чодана* — «побуждение», «подталкивание») и в особенности жертвоприношения, жертвенного служения (*яджня*). Играя в бирюльки язычества, человек учится азам подлинной Божьей премудрости. Но вот прагматический этап пройден (завершён в тупике колдовства и магии), и эволюция сознания заставляет человека продолжить поиск. Видя экзистенциальное бессилие язычества, человек приходит к религии *этики и подвижничества*, к религии Бога Единого. Теперь, через несколько тысячелетий после Эхнатона, Авраама и Упанишад, это — всем известные мировые религии (за исключением буддизма и даосизма, которые, будучи не религиями, а философскими учениями, лишь *исторически* обросли догматикой и ритуалом).

Ошибочно думать, что мировые монотеистические религии «истиннее» языческих. Все религии древности даны неслучайно (для своего времени, народа, уровня сознания), включая самые экзотические, чуждые нам сегодня. Даже религия индейцев сиу — это величественная и

суровая школа духа. А религия древних скандинавов, викингов, вообще напрямую содержит основную идею жертвы *эго* (распятия «я»): бог мудрости, отец и предводитель скандинавских богов, владыка Асгарда Один добровольно привязывает себя к мировому¹ дереву (*яшень Игдрасиль*) на девять дней, проходя через мучительную смерть и воскресение. Чтобы отпить глоток из источника мудрости, Один отдаёт хранителю источника свой физический глаз. В последней битве добра и зла, в этой огненной гибели нынешнего мира, Один возглавит богов для свершения Армагеддона (*Рагнарёк*) и, погибнув, откроет человеку (*Лив-Ливтрасир*) двери к новой Земле и новому Небу. Таковы многие североευропейские, греческие, египетские, персидские, индийские, китайские космогонические сюжеты, которые выходят за рамки язычества и становятся Откровениями монотеизма — пути человека от множественности к Единому.

ЗЕ

Невидимый Учитель открывает различным народам одни и те же законы духовного пути, даёт схожие методы воспитания в себе цельности, искренности и устремлённости. Во всех великих религиях древности мы находим идею всеединства и не-личностное поступательное движение (познание, устремлённость, эволюция), надежду на *всеобщее* преображение и конечное совершенство бытия, готовность к мученичеству и самоотвержению, к отказу от прежнего, ветхого «я» ради встречи с Единым. Вырастая из пелёнок язычества, человек узнаёт о настоящем Пути. Он познаёт весть спасения и нового рождения, телесно-духовного и не ограниченного *одной лишь личностью*, через соприкосновение и восприятие тайны Единого. Ум и тело становятся прозрачными для действия Духа, просветляются сиянием искры Божией. «Тело причащается неким образом благодати, действующей в уме, и изменяется согласно с ней. Само тело приобретает некоторое ощущение неизреченной тайны, совершаемой в душе» (Григорий Палама, 1296-1359 гг.).

Впрочем, существуют ещё магические школы, перешедшие из древности в современное сознание, а также новоиспечённые «религии» последних двух веков — обычно жалкие компиляции более древних

мифов, эзотерические выдумки, за которыми ничего не стоит, кроме ощущений, догадок и фантазий (и часто личной жажды славы, власти, превосходства над людьми, восхождения по ступеням мифической иерархии). Это путь раздувания именно *личности*, значимости и величия «я» — эзотерика в худшем смысле этого слова, — где изучаются законы энергий и сил ради личного могущества и неуязвимости перед *кармой* (Божьим судом), ради противопоставления «я» страстного Единому Я, в попытке *объехать Бога* на пути к совершенству. Здесь берёт верх магическое познание, стремление подчинить, покорить, использовать *для себя*, горделивая попытка *личности* возвысится над другими людьми, над природой, над всеобщими законами бытия. Это вера иного рода, не доверие и верность, не открытость и самоотдача, — но вера в свою способность властвовать и побеждать, вера в свою *личную* уникальность, неповторимость и богоизбранность, в своё превосходство и право господствовать над тем или иным «участком» мироздания.

Древние и современные магические, оккультные, астрологические и т.д. школы формировали и исследовали представление о независимом от тела, *самостоятельном, индивидуальном* «я» человека. Это *личное начало*, впадающее в грех или преодолевающее его, познающее и заблуждающееся, восстающее против судьбы и при этом влачащее за собой бесконечные нити *кармы*, страстей и страданий. Преодолевающее испытания, наказуемое и побеждающее *личное* «я», во всех его символических и мистических образах, явленных человечеству, продолжает своё существование после смерти тела — как космическое путешествие души по бесконечным ступеням земли и неба. Этот «путь» коренным образом противостоит учению Веданты. В наше время возрождаются и выдумываются всевозможные «науки» об этом пути, создаются новые школы, проводятся курсы и тренинги, пишутся книги. В книгах магической эзотерики читатель обнаруживает те же термины, те же словесные формулы, что и в книгах классической Веданты. Но очень часто эти термины лишены там всей полноты своего *традиционного* содержания, обозначая собой лишь те представления, которые царят в голове автора книги.

Веданта — это опытное знание о мире ведических мудрецов (*риши*), плюс логически стройная средневековая философская система, единая и цельная, несмотря на множество вариаций и ответвлений. Веданта выстроена из аскезы и подвижничества тысяч и тысяч учителей и учеников, по цепочке, из рук в руки, на протяжении тысячелетий бережно, как величайшую святыню, передававших сосуд веры, знания и служения. А современная магическая эзотерика — это эклектика разнородных концепций, большинство из которых было выдуманно европейцами в конце девятнадцатого и начале двадцатого века, как профанно-мистическая альтернатива тогдашней материалистичной науке. За высокопарными фразами там часто скрывается не только неведение исторических корней, которые всегда — ключ к пониманию (важно, не только *что* сказано, а *кто* и *кому* сказал), но также клубок логических и этических противоречий.

Зг>

В отличие от произвольной терминологии тех книг, где санскритские слова и «слова с большой буквы» передают лишь умственные фантазии, с пириту аλισгические теории и вдохновенные чувства автора, каждое понятие санскритских трактатов Веданты до краёв заполнено смыслом. Любое слово подлинного, освящённого традицией текста требует глубочайшего медитативного и философского постижения, ибо там есть что постигать. Древние учителя Веданты с энциклопедической скрупулёзностью раскрывают каждое существенное понятие, порой посвящая одному термину целую главу или целый трактат. Ныне дешёвые имитации Веданты используют традиционную санскритскую лексику как кирпичики, складывая из них абстрактно-мотивационные речи, призванные зажечь энтузиазм в слушателях и читателях, но по глубине смысла не превосходящие уровень рекламного ролика. С переводом санскритских словосочетаний в привычный, литературно-затёртый общеевропейский набор клише, изначально англоязычный, — окончательно теряется особый, вне-словесный смысл каждого из ключевых понятий классической Веданты, превращая Учение в стерильный набор повторяющихся речевых конструкций, часто не доходящих даже до ума.

Зг>

В данной книге предпринята попытка, в исторической перспективе и с учётом противоречивых мнений, дать ясное представление об учении Веданты — без избытка философской аргументации, но с указанием всех оригинальных санскритских терминов. Восприятие, постижение, узнавание смысла оригинальных санскритских терминов является, по сути, ключом к пониманию Веданты не как архаичной, абстрактной, схоластической системы, не как символа чьих-то субъективных «состояний» и «ощущений», а как совершенного пути к совершенной Цели. *Такая* Веданта способна преобразить всё существо человека, как она преображала своих искренних учеников в течение нескольких тысячелетий, — вместо того, чтобы просто занять место на чьей-то книжной полке или служить предметом изучения учёных-востоковедов.

3*

Идея Освобождения, Спасения, конца пути, — краеугольный камень не только Веданты, но всех *монотеистических* мировых религий, — является надеждой, маяком, колыбелью и залогом нового, пост-индустриального и пост-технократического, пост-капиталистического и пост-катастрофического этапа развития человечества. Скрытые ныне от людей, — окончание или даже гибель нынешнего «образа жизни», и новое, невообразимое ныне Начало — станут тем «завершением пути», которое Пьер Тейяр де Шарден назвал «точкой Омега». В этом и заключена вся Веданта: преображение «старого» в «новое», «тленного» в «нетление», Освобождение, Спасение, жертвоприношение ограниченного, временного «я» человека ради *Я* Единого, истинного. Ограниченность, отдельность — должна уступить место единству, недвойственности, глубинному *отвержению себя и сознательной самоотдаче* Единому. Веданта ведёт к этому своих учеников через опытное постижение *всеобщей причастности* тому Сознанию, которое есть Абсолют, и тому Абсолюту, который есть само Сознание. «Осознание единства частичного «я», души (*джива*) и Единого (*Парам-Атман*) — это возможность людям достичь совершенства, вечной жизни, Свободы (*таг-идам-мукти-садханам*)». Таков основополагающий шестой стих «Вакьявритти», «разъясняющего изречения» трактата Шанкары, отца-основателя Адвайта-веданты — VIII век н.э.

Эл

Освобождение или Спасение всего человечества зависит от Освобождения или Спасения одного (каждого) конкретного человека, и именно этой цели посвящены тексты Веданты и все наставления её учителей. Веданта опирается на *знание* о том, что индивидуальное «я» — это только зачаток истинного Сознания. Это лишь *эго*, неистинное, невечное «я», животное страстное начало, способное мыслить и чувствовать, но пребывающее в ограниченности и рабстве (*баддха*) из-за привязанности к объектам материального мира. То, что *скрывается внутри* личного «я», запутанного в тенётах кармы, — должно однажды *пробудиться* к единой, неизменной, вечно свободной Истине, чтобы вместо космического путешествия *эго* — сразу прийти туда, где заканчивается космос, в «точку Омега», в запредельность и бесконечность Единства. Как *путь* к Освобождению и Единству, Веданта ставит себе целью не совершенствование личного «я», но его окончательное преодоление. Ради этого Веданта идёт не только путём веры, но и путём знания. Марк Подвижник, христианский египетский отшельник пятого века, отличавшийся необычайной кротостью, и, согласно легенде, знавший наизусть всю Библию, оставил нам удивительные слова: «Не знающий Истины — веровать не может истинно. Ибо знание Истины по природе своей предваряет веру». Знание всегда передаётся от учителя к ученику. Этот древний принцип проходит через всё развитие богопознания и духовной практики на планете Земля, превращая коллекцию философских и исторических памятников — в живую, осязаемую реальность Учения. В самих *носителях учения* — в их «житиях», в их книгах, в воспоминаниях учеников, бережно хранимых традицией, — заключена вся мудрость и вся энергия, необходимая для того, чтобы пройти этот путь до конца.

Адвайта-веданта исторически выросла из религии Вед, философии Упанишад и Бхагавад-гиты, в полемике (и взаимопроникновении) с ранним буддизмом и с ведическими язычниками-ритуалистами, этими фарисеями древней Индии, успешно дожившими без особых изменений и доньше. Веданта — исторически последняя из шести ортодоксальных философских школ Индии (*даршана*), сформировавшихся к началу нашей эры: санхья, йога, ньяя, вайшешика, пурва-миманса и Веданта. Адвайта-веданта вышла из Брахма-сутр Бадараяны и заняла в восьмом веке нашей эры главенствующее положение среди ортодоксальных *даршан* Индии. Она была и остаётся *наукой* духовной и аскетической

практики. Религиозным выражением Адвайта-веданты является скорее не индуизм — причудливая смесь Единобожия и язычества, — а иудеохристианство, которое неизменно проповедует, что Бог — Един (*зхад*), что Бог есть Любовь (*агапе*), что обряд — лишь тень, мёртвая буква, пустая форма, символ, безжизненное отражение смысла и понимания. Мы говорим здесь лишь об иудеохристианстве, т.е. о первоначальном христианстве, о религии Авраама, Моисея, пророков, Иоанна Крестителя, Иисуса Христа, апостолов и их учеников, древних святых-созерцателей и ранних учителей Церкви. Мы не имеем в виду современные протестантские версии христианства, простые как пакетик растворимого кофе.

«Осознай, что ты един со Всевидящим Владыкой (*Лрашта*, Созерцающим), твердыней высочайшей любви (*пара-према*), к которому отовсюду восходит страстное желание жизни вечной, вечного бытия (*дословно* моление «пусть я никогда не перестану существовать, пусть я буду всегда»). Таков 25-ый стих «Вахьявритти» Шанкары, где заложены прошедшие затем через тысячелетие к нам в сегодняшний, двадцать первый век две путеводных нити Веданты, два ключа к жизни вечной, две высшие Божьи заповеди людям — истина и любовь (знание и служение, понимание и сострадание, безмолвный покой и страстная, огненная устремлённость).

НеАвойственность, адвайта — превосходит всякую языческую односторонность, ибо это — прежде всего, всё соединяющая, всё одухотворяющая *любовь*, которая не деградирует в обрядовое, идолопоклонство или в (диалектический) материализм. Недвойственность, *адвайта* — это реальность бытия, а религиозные символы и языческие мифы — лишь приближают к ней наше понимание. В недвойственности нет места ненависти, нет диалектики «свои-чужие», а кастовость, национальная избранность, унижение одного человека перед другим — являются пред лицом Единства абсурдом. «Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в Духе и Истине». Познаётся Он и из Священных Писаний (*агама*), но лишь прочтённых Духом (*в недвойственности*). «Мудрецы передают, что Он известен из ведической традиции, а познаётся через

гибель разделения и многообразия». (Манданамишра, «Брахма-сиддхи» 1.2. — VII век н.э.) Идеология избранности — достояние кровожадных и суеверных религий древности и средневековья, а также нынешнего политкорректного атеизма. Ни христианство первого века, ни ранний буддизм, ни Веданта — от Шанкары до Раманы Махарши — не знают самовозвеличивания и самоуничужения «я», запрещая своим ученикам деление на «высших» и «низших», предлагая единый для всех, простой и подлинный смысл бытия.

3*

«Мудрец достигает высшего смысла бытия, выше которого нет никакого достижения, продолжая жить в своём теле. Наполнив Атманом ум и сердце, он перестаёт внимать этому миру. Объективно видя двойственность обыденной жизни (вне состояния *самадхи*), он не воспринимает её в чём-либо отдельной, чуждой Всесознющему Атману, ибо единое Сознание течёт через всё (охватывает, наполняет собой всё)». Таков комментарий («*Барттикал*») Сурешвары к краткому трактату Шанкары «Панчикаранам» — Панчикаранам-Варттика, 56-57. Кстати, Сурешвара добавляет в другом месте: «Если же мудрец, познавший эту недвойственность, выходит за рамки дозволенного (начинает вести себя *этически* недостойно), что отличает его от собаки, пожирающей нечистоты?». Сурешвара - один из столпов Адвайта-веданты, современник Шанкары (VIII век н. э.). Единого-Бога (*Брахман-Атман*) и частицу-душу (*джива*) в учении Адвайта-веданты разделяет лишь иллюзия, заблуждение, *эго*, личность, самость, гордыня, безжизненная и страстная оболочка «низшего я», *преодолимая в самопознании и этическом совершенстве*. Библия свидетельствует о том же: «Милость и истина встретятся, правда и мир облобызаются. Истина возникнет из земли, и правда сойдёт с небес; и Господь даст благо, и земля наша даст плод свой. Правда пойдёт пред Ним и поставит на путь стопы свои».

Адвайта-веданта — это духовный путь, где взирать надлежит только на Бога, который есть Абсолют, Первоисточник всего, независимо от смены декораций вокруг нас. Это религия, где грехом почитается лишь нарушение этических принципов, т.е. пожелание или причинение вреда живому существу, а также «хула на Духа Святого», т.е. пренебрежение

Истиной. Разделяя, дробя бытие на чистое и нечистое, достойное и недостойное, «наше» и «не наше», суеверные религии прошлого рассекают и уничтожают Дух, Единое Бытие, Первоисточник всего сущего, невидимую и всеблагую первооснову всего. Адвайта-веданта - это духовный путь, который опирается не на схоластику, а на судьбу человека, не на послушание, а на искренность, не на ум и не на нижнюю часть спины, а на сердце. «Внимай тем отрывкам писаний, где говорится: узел в сердце его был развязан, все сомнения его разрешились, все грехи его были стёрты в познании Того, Кто и высок, и низок, в Ком все причины и все последствия их». Так советует новичку Садананда Йогиндра Сарасвати в своём пространном трактате «Ведантасара» — «Сущность Веданта» (XV век), в главе «Дживанмукта» («Свободный, но пребывающий в теле» или «Прижизненно Освобождённый»).

32

Бог соединяет в себе все качества и не определяется ими, к Нему неприменимы никакие описания. Человечеству давно пора выйти из язычества, поняв, что Бог — не тиран, требующий себе поклонения и жертвоприношений, не агрессор, принуждающий к подчинению народы Земли. Лишь помрачённый животный ум мог приписать кровожадность, завистливость, обидчивость, деспотизм Объемлющему собою всё, Неизменному в вечности и бесконечности. Единый Бог не находится «где-то» и не занят «там» самостоятельной деятельностью по борьбе со «злом» или по построению нового миропорядка. Он — в самом центре нашего сокровенного Я. И Веданта, непрерывно говоря об Освобождении, призывает к живому познанию того, что «Царство Божие внутри вас». Практика Веданты воспламеняет Дух к познанию, которое *выше эгоизма*, к Добру, которое выше добра и зла, к не-двойственной, не-противоречивой и не-исчезающей мудрости.

33

Язычник (от любой религии), забывая Первоисточник, устремляет свой взор к извечной игре в поощрение и наказание, в свет и тень на бесцветном листе бытия. Пантеистический мир язычества, несмотря на всю свою красоту и гармонию, открывает нам лишь пространство бесконечно соперничающих друг с другом сил, земных и небесных, каждая из которых есть очередная личность, *это*, некое подобие

человека. Язычник живёт во времени, он не желает прекращения своего временно-пространственного бытия. Но Абсолют Адвайта-веданты — Бог-Единый иудеохристианства — предшествует всякому *эго*, не занят деятельностью, но пребывает в предвечном покое, вне времени, призывая все соперничающие друг с другом «я» в этот первичный, до-бытийный, неподвижный покой (*шанти*). Он *в недеянии* (подобно магниту или звезде в просторах космоса) влечёт всех к себе и отовсюду обнимает своё творение любовью неведомого, не-проявленного Целого. Он словно океан несёт на себе колыбель нашей души — колыбель всего человечества. Антропоморфность здесь теряет свой натуралистический смысл, оставляя человеку только знаки, символы, многозначные откровения.

«Во Мне, безграничном океане, ковчег тварного мира движется, влекомый ветром законов природы его. Я же, незатронутый движением его, несу его в Себе без нетерпения» (Аштавакра-самхита 7, 1). «Я подобен океану, тварный мир подобен волне. Таково истинное Знание, в котором нет ни принятия, ни отвержения, ни уничтожения чего бы то ни было» (Аштавакра-самхита 6, 2). «Сквозь очищенный ум надлежит видеть (во всём), во всех существах и в себе самом лишь Меня, единый Атман, который — и вовне, и внутри, безграничный как небо» (Уддхава-гита 24, 12). «Помимо единого Я нет иного, о Дхананджая. Словно нить жемчуга, всё бытие лишь украшает Я — Меня, Единого, Бога» — слова, произносимые Всевышним в седьмой главе Бхагавад-гиты, стих 7. «Где обрящет истинную мудрость тот, чьё знание полагается на многообразные вещи? Мудрец видит не переменчивое разнообразие («то и это»), но лишь Я Единое и неизменное» (Аштавакра-самхита 18, 40). «Из сокровенных тайников сердца моего извлёк я занозу противоречивых мнений (учений) щипцами знания Истины». (Аштавакра-самхита 19,1).

«Отсутствие (различающего) вкуса к предметам мысли есть Освобождение. Прилипание к предметам мысли есть рабство. В этом всё Знание. (Познав это,) действуй Свободно» (Аштавакра-самхита 15, 2). «Освобождение обретается, когда ум не набрасывается ни на что и не

скорбит, не отвращается и не вожделеет, не восторгается и не впадает в ярость» (Аштавакра-самхита 8, 2). «Взирая на все изменения тварного мира, и видя воистину лишь неизменность его первоэлементов, ты мгновенно обретаешь Свободу и пребываешь в своей первозданности» (Аштавакра-самхита 9, 7). «Мечом мудрости, заострённым служением гуру, разруби всю эту массу кармы, плоти, страстей, слов и ума, которая, хоть и лишена вечной основы, являет нам себя в бесчисленном разнообразии форм...» (Уддхава-гита 23,17). «*Мысли и чувства* воистину суть *мир*. Отвергни их. Отвержение *мыслечувств* есть Освобождение от рабства миру. Теперь, где бы ты ни жил, ты — Свободен» (Аштавакра-самхита 9, 8). «Непросветлённое сознание привязано к присутствию или отсутствию мыслей, но утвердившийся в Истинном Я — помышляет он о чём-либо или пребывает в безмыслии — остаётся соприродным Недвойственному Единому». (Аштавакра-самхита 18, 62). «Тот, кто *так* знает Его, сам становится бессмертным» (Нрисимха-пурва-тапани, Тайттирия-араньяка). «Только после осознания Единого человек преодолевает смерть, нет иного пути» (Шветашватара-упанишада). «Тот, кто не постиг Единого, неизбежно гибнет» (Кена-упанишада). «Познавшие Его становятся бессмертными» (Катха-упанишада).

Учение Адвайта-веданты утверждает *безличную природу* Истины, а также *безличную природу* иллюзии, скрывающей Истину, никак не ограниченную индивидуальными особенностями универсальность *эго*, ума, человека, природы и всех законов бытия. Адвайта-веданта учит тому, *как* увидеть безличную природу *эго*, *кармы*, соблазнов и их преодоления, неведения и пробуждения, пути и конечной Цели. Человек погружён в бесконечные перипетии земного бытия, воспринимая их всегда лично, имея главной точкой отсчёта самого себя. Адвайта-веданта требует от ученика убедиться в полной иллюзорности такого взгляда на мир. Ведь у всех людей — одно и то же *эго*, один и тот же ум, одни и те же страсти, страхи и заблуждения. Учение Адвайта-веданты даёт человеку ступени — путь - выхода из всеобщей погружённости в личностное восприятие, в жизнь личности, самообольщение личностным. Адвайта-веданта требует отречься от самого себя, от всего комплекса личности (*эго*), чтобы открыться тому, что *безлично*. За пределами субъективного мирка «я» — лежит бескрайняя Истина, которая объективна, проста и одинакова для всех, она не зависит от чьих-либо чувств, идей, слов, мнений и сомнений.

Адвайта-веданта убирает «я» из центра мироздания. Все нынешние хозяева человеческого ума — страх, страсти, робость, самооправдание, надежды, колебания, воспоминания, привязанности, — свергаются с престола и отстраняются от власти. Адвайта-веданта вычёркивает их из списка приоритетов. Весь многогранный мир личности приводится Адвайта-ведантой к единому знаменателю: *устремлённость к абсолютной Метине (мокша-санкальпа)* — решимость любой ценой освободиться от неведения и ограниченности (заблуждениями, страстностью, привязанностью к земным удовольствиям). Вспомним слова Иисуса: «и познаете Истину, и Истина сделает вас свободными». *Мокша-санкальпа* — это воля и неустанное стремление отдать всё ради Свободы. Это неспасаемое желание быть в Истине, быть Истиной, быть Светом, который никогда не меркнет и не может погаснуть. Искатель Истины, которого Веданта готова принять в ученики, обладает способностью различать и принимать решения (*вивека*), он властвует над собой (*вайрагья*) так, что, по крайней мере, грубые страсти не обуревают его, он достойно ведёт себя (*сан-сампат*) и, что особенно важно, он полон огненного желания достичь Освобождения (*мумукшаттва*).

Адвайта-веданта требует от человека упростить свою жизнь до предела. Она помогает, шаг за шагом убедившись в том, что все страсти и побуждения во всех людях совершенно одинаковы, отринуть их одну за другой. Исследуя каждую свою мысль, каждое своё побуждение, ученик видит: субъективное, личностное, эмоционально окрашенное «содержимое» их — иллюзорно и ничего собой не представляет. Он открывает для себя простую истину: *всё*, что движет людьми, что их разделяет, что представляется им исключительным, особенным, — равноценно, универсально, равнозначно, одинаково. Чувство страха — у всех одно и то же. Желания — у всех одинаковы. Достоинства и недостатки всех людей — подобны друг другу. Грехи, страдания, заблуждения, иллюзии — общие для всех живых существ. Желание избавления, спасения, освобождения — также не уникально, не отличается от человека к человеку. Само восприятие, все игры и ловушки ума, все законы человеческой психики — одинаковы у всех людей всегда и повсюду. Таковы и рождение, и радость жизни, и разочарования, и болезни, и смерть.

В основе чувства обособленности, личностной замкнутости лежит врождённая потребность быть «самим собой», особым, отдельным, уникальным. Эта черта определяется Адвайта-ведантой как та завеса, то покрывало иллюзии, которое не позволяет человеку осознать его подлинное, безначальное единство — между различными «частями» его раздробленного «я», с другими людьми, со всем бытием и с Первоисточником этого бытия. Адвайта-веданта уклоняется от психологии и от теологии. Она не рассуждает о Боге, о грехе и наказании, она не делает акцента на поведенческих заповедях и на конкретных практиках самосовершенствования. Хотя всё это не отрицается. Адвайта-веданта обращает внимание на наиболее глубинные причины, импульсы и законы, которые определяют все явления и законы этого мира, и на те реакции, те внутренние установки, которые всегда были свойственны людям. Адвайта-веданта уделяет особое внимание соотношению вневременной Истины, которая навсегда останется Тайной для ума, и обыденной, познаваемой умом и одновременно иллюзорной картины мира. Особенно подчёркивается Адвайта-ведантой то *искажение*, которое вносит личность, *это*, совокупность чувств и ума, в человеческое восприятие реальности и в наше взаимодействие с этой реальностью.

Адвайта-веданта учит стоическому бесстрашию перед лицом безличной, объективной, никак не зависящей от человека реальности. Адвайта-веданта требует великой твёрдости духа, великой убеждённости в выборе Истины среди бесконечного разнообразия иллюзии и самообмана. Заблуждение безлично, Истина безлична. Человеку остаётся лишь выбор между ними и решимость следовать избранному пути до конца. Ученик Адвайта-веданты должен пойти на полное переосмысление основ своего взаимодействия с жизнью и с самим собой, он должен сознательно отказаться от уюта и комфорта бессознательного, иллюзорного прозябания. Он должен убедиться, что вся сфера его личности, по сути, пуста, ничтожна, это полный и окончательный тупик для его стремления к Истине. Всё, чем он считал себя, чем его считали другие люди, ученик должен отвести, как бессмысленный, не имеющий ценности мусор. Всё, что обычные люди пытаются приобрести, присвоить себе, положить в свою копилку,

наполнить своей *личностью*, становится для ученика Адвайта-веданты завесой, стеной, отделяющей его от неопределимой Тайны Единого. То, что кажется важным, великим, ценным, что привязано ко времени, месту, роли человека в обществе, объявляется Адвайта-ведантой без личностным, иллюзорным, пустым.

3*

Переход от личностных привязанностей, от личностных «вложений» к совершенной независимости и непривязанности ни к чему, — не должен сделать ученика Адвайта-веданты равнодушным, циничным, чёрствым. Освобождаясь от иллюзий личности, от довлеющего чувства «я», «мне», «моё», ученик Адвайта-веданты посвящает себя познанию единой Тайны и служению ей. Он не засыпает, не отворачивается в отвращении к миру иллюзии, но включается в совместное (с другими учениками) путешествие к «противоположному берегу». Ученик Адвайта-веданты не удаляется в совершенное уединение, не «усаживается лицом к стене», но становится частью общины, традиции, общности людей, объединённых единым устремлением к Единому. Это во многом похоже на опыт иных религиозных общин, духовных и мистических школ. О конкретных школах и традициях Веданты, об их историческом и философском пути речь пойдёт ниже.

32

Важно понять то, что Адвайта-веданта соединяет в себе глубинное, одинокое *преображение*, новое рождение человека (раб умирает, рождается Свободный), и следование конкретной, часто коллективной, духовной практике, в составе великой духовной школы. Эта школа, как и всякая иная школа, требует верности, полного посвящения себя, и предоставляет огромный объём духовных наработок предшествующих поколений. Для Адвайта-веданты — это, в первую очередь, письменная традиция, скрупулёзно изучаемая и почитаемая всеми ответвлениями школы, многовековыми цепочками учителей и учеников, каждая из которых непрерывно добавляла к этой письменной традиции нечто новое. При всеобъемлющем отрицании всего личностного, индивидуального, особенного самим учением Адвайта-веданты, носители этого учения стали реформаторами и просветителями, чьи философские сочинения поражают и сегодня своей стройностью, поэтичностью и глубиной.

36

Пренебрегая ценностями видимого мира, со всеми его *кажущимися* разделениями и различиями, учителя Веданты оставили после себя *завершённую философскую систему и Путь* — в виде чётко очерченной, тщательно хранимой и изучаемой традиции, — и это неслучайно. Освобождение, Просветление, Пробуждение *имеет смысл*, это не пустое безразличие и бездействие, но просветлённое, целенаправленное, познающее *действие*, направленное в глубины Сознания, и в его Божественном, и в его индивидуальном проявлении. Ибо освобождается от заблуждений, становится очевидным, пробуждается в человеке — его Я, сокровенная сущность всякой индивидуальности и безграничное, всеобщее Богоподобие.

32

Свами Рама Тиртха (1873 — 1906), великий проповедник Адвайтаведанты, впервые заронивший семена практической Веданты в США, в Японии и в других странах, приводит в своих лекциях примеры того, как Единый - Один и тот же — явлен в бесчисленных душах, в бесчисленных телах и творениях мира, оставаясь Единственным, Одиноким, никак не связанным ни с какими формами, образами, качествами, пространственными и временными ограничениями. Ребёнок, увидев себя впервые в зеркале, в восторге: у него появился товарищ, так похожий на него самого. Затем он случайно разбивает зеркало, — и теперь у него уже несколько друзей, похожих друг на друга и на него самого, они дружелюбно улыбаются ему и машут рукой, в ответ на улыбку и жесты ребёнка. Собака входит в зеркальную комнату и в ужасе обнаруживает справа, слева, впереди и сзади стаи собак, которые разевают пасти и делают угрожающие телодвижения. Человек может одновременно видеть своё отражение в стёклах разного цвета, в стёклах выпуклых, вогнутых, призматических, и ему кажется, что он окружён разноцветными, забавными и уродливыми человечками. Но он знает, что во всех этих разнообразных, отдельных, разрозненных образах — одно Я, одна и та же Реальность. За именами, титулами, личностными особенностями, различной внешностью и манерами поведения скрывается один и тот же Человек, одна и та же Душа, которая соперничает, завидует, поклоняется, влюбляется, доверяет или не доверяет, относится дружелюбно или испытывает неприязнь к *самой себе*. В нелепом, смехотворном упрямстве, эта Душа отказывается видеть то, как за множеством масок, ограниченных и ненадолго возникающих

из небытия образов, — пребывает один-единственный Первообраз. Это — невидимый Дух во всей живой и неживой природе, Сияние огня и звёзд, солнца и луны, Движение ветра и волн, Единство мужчины и женщины, Человечество старика и младенца, Жизнь всякого живого существа. Как молния сокрыта в дождевой туче, как энергия сокрыта в материи, — так Безличное Единое пребывает во множественности и разнообразии бытия, одновременно неопишное, непостижимое и открытое, доступное всегда и повсюду.

32

В дальнейших главах этой книги читатель увидит, как *Безличное* становится не концом, но началом новой, активной жизни того Я, которое было закупорено в коконе личности. Ученик Адвайта-веданты, оставив мирскую суету и заблуждения, обретает не индульгенцию на бесконечное безделье, но *время ответственности*, обет нести пламя Истины дальше. Пламя *знания*, спасающее от страстей и нечистоты ума, даётся ему *лично*, чтобы он, не жалея сил, раздувал это пламя и затем передал его возможно большему числу людей. Взамен мук и радостей *личности*, взамен фантазий и миражей, ученик Адвайта-веданты должен обрести ту ясность видения Истины, чтобы в буквальном смысле стать ею, стать Истиной, стать Путём, стать Учением. Вместо маленького «я», ученик Адвайта-веданты должен стать ничем, т.е. всем для всех, чтобы помочь хотя бы некоторым *обрести понимание*.

32

Веданта всегда существовала среди ведической религии Индии, известной в Европе как *индуизм* (или *брахманизм*), становясь во многом её составной частью и философской базой. Этот огонь сохранялся учителями и учениками среди несовершенного человеческого общества, то затухая, то разгораясь ярче, но всегда оставаясь факелом Истины, тем светом, который никогда не был до конца поглощён тьмой человеческих суеверий. Разветвляясь на множество рек и ручейков, Веданта всегда оставалась чистым, незамутнённым потоком, несущим свои воды только в одном направлении — к абсолютной Истине. Каждая ученическая традиция, каждая школа вынуждена была формировать свой собственный небольшой культ, свою собственную скромную историографию и атрибутику, чтобы удерживать цельность общины и

её самоидентификацию в окружающем мире. Верность и даже некоторая степень привязанности, *яичных обязательств*, необходима, чтобы древнее Учение жило и развивалось. Эту мысль очень удачно (по отношению к византийскому православию) выразил Иоанн Лествичник, великий христианский подвижник и учитель святоотеческой мудрости: «Всякого наказания достойны перед Богом те больные, которые, испытавши искусство врача и получивши от него пользу, из предпочтения к другому врачу оставляют первого прежде совершенного исцеления».

32

Гуру, живой носитель Учения — воплощает в себе все те истины, которые Веданта излагает языком философии. Образ Учителя, традиционно окружённый почитанием на Востоке и за последние десятилетия многократно ошельмованный на Западе, является средоточием всей практики Веданты, ключом к ответу на любые вопросы. Учитель берёт на себя ответственность за то, чтобы привести ученика к совершенному очищению и к совершенному единению с Истиной. Исторической ролью Веданты, главной философской школы Индии, стало, благодаря деятельности неутомимых проповедников-учителей, очищение, собирание воедино и пробуждение к Истине целого народа — потомков древних арийских (индоиранских), дравидийских и гималайских (тибето-бирманских) племён Индостана. Предаваясь аскезе и медитируя, познавая Безграничное и не уклоняясь от труда в ограниченном мире, обустривая, очищая от плевел, преодолевая застой и ереси в собственных рядах, учителя Веданты сохранили это учение до сего дня.

3*

Сегодня учение Веданты смешано с полуязыческой религиозной практикой различных этнических групп Индии, отчасти растворено и приспособлено для своих нужд европейской философией и романтическими теориями в стиле «нью-эйдж». В Европе истинных учителей Веданты не так легко распознать среди множества «коммерческих гуру» всех толков, заимствующих нечто из ведантической традиции. В Индии где мудрость Веданты также теряется в потоке академического интереса и бурной народной религиозности, нередко за учителей почитают сумасшедших и извращенцев, принимая их

безумие, их душевное или физическое нездоровье, — за не-двойственную реализацию. Но Адвайта-веданта — это именно мудрость и внутренняя цельность, это чистота и святость; а неадекватность — это нечто иное. Нередко под ведантическим «ворохом слов» скрываются культы фальшивых чудотворцев, дешёвое трюкачество, привлекающее толпу и ведущее к нравственной деградации как самого «кудесника», так и его несчастных почитателей (обман и потребность быть обманутым — активное погружение в *майю* — приводит к извращениям на всех уровнях). По всему миру Веданту изучают историки-востоковеды, смакуют литераторы и эстеты, цитируют собиратели афоризмов. Идеи Адвайта-веданты растасканы множеством личных интерпретаций и служат философским антуражем для бесчисленных сект, от безобидных до социально опасных. Методы ведантической практики (*садхана*) взяты на вооружение «просветлёнными учителями» на Востоке и на Западе, которые далеко не всегда следуют ведантической традиции в личной жизни и в работе с учениками. В своей классической форме — здоровой и аскетической — Веданта также распространяется и проповедуется — с разной степенью понимания, мудрости и искренности. Мы обратимся в этой книге к первоисточникам и к общепризнанным учителям прошлого, чтобы узнать, *как* древнее знание о не-двойственной природе бытия способно менять наше бытие сегодня, в начале двадцать первого века.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Убедившись в несравнимом превосходстве внутреннего опыта над внешним, познав бессилие догм и обрядов изменить что-либо в нашем сознании как таковом, искренний ученик Веданты оставляет религиозный ритуал и восходит на новую ступень, ступень мудрости, где есть только понимание, пребывание в Истине и спонтанное следование Ей. Веданта называет это переходом от *кармаканда купасанаканда*, который рано или поздно *должен произойти*, если душа стремится достичь *конечной Цели* всякого духовного пути. Спонтанно или через целеустремлённое изучение текстов, практику ритуалов либо медитативные упражнения, ученику открывается очевидное: «Глупец усилием ума хочет достичь Покоя и не обретает его. Мудрец духом познаёт Истину, и вся жизнь его исполнена покоя и радости». (Аштавакра-самхита, 18, 39.) За внешней практикой, как правило, скрываются нерешённые внутренние проблемы. Беспорядочность побуждений, неугомность желаний, которые *были подавлены и прятались* за религиозным рвением, фанатичным следованием неким «предписаниям», жадным коллекционированием религиозных титулов или знаний... полный абсурд. Всё та же собака, которая яростно кружится вокруг своей оси, пытаясь поймать собственный хвост.

32

Понимание наносит удар и победоносно выходит из борьбы, которую ум мог вести на протяжении всей своей жизни. Оказывается, что «по новым данным разведки мы воевали сами с собой». Проведя весь свой предыдущий «духовный путь» в картонной коробке, человек вдруг, на ватныхногах, выходит оттуда наружу и озирается по сторонам. Вокруг него - подлинный мир Духа, огромный и новый... Хохот Пробудившегося сотрясает небо и землю. Просветление — это конец жалких человеческих усилий достичь Бога, попыток муравья перепрыгнуть Тихий океан, потуг мотылька взлететь на вершину Гималаев. Перед тем Величием, которое открывается в единстве всего, в принадлежности всего Единому, — все личные заслуги, проблемы, противоречия, сомнения, «работа над собой» — ничтожны и смехотворны. Просветление — это окончательное вручение себя Тому, Кто и Что уже здесь, всегда и неизменно здесь, сейчас, внутри, в самом сердце, где сокрыт истинный алтарь и «Святое Святых», — как и во всех других существах, везде и повсюду.

В этот момент исчезает и мир, и все фантазии, и настоящее, и прошлое, и Учение, и Учитель, и всякая рефлексия. Остаётся одно только бесконечное сияние, одно единое Я, в котором нет ничего личного — ни своего, ни чужого. Лётчик выпал из самолёта и, ничем не защищённый, беспомощный, лишённый своего самолёта и любых внешних, механических средств самозащиты, летит неведомо куда в бескрайней темноте. Если это не минутная потеря ориентации «я» в пространстве, если «выпавший лётчик» стал тем счастливецом, которому открылись врата Освобождения, этот полёт окажется вечным.

зЛ

Познав *всё, увидев Истину*, вобравшую в себя множество малых истин, сознание соглашается на то, чтобы расстаться со всем своим познанием. Оно закрывает глаза на всю полноту знания, — чтобы позволить ему уйти, чтобы остаться с пустыми руками. Ученик мудрости пребывает *в святом незнании*, зная всё, он не оглядывается больше на своё знание и не вспоминает о нём, — кроме той ситуации, когда это знание должно быть передано другим или спонтанно претвориться в правильный выбор. Упражнение под названием «жизнь» превращается после этого в упражнение *по отсутствию претензий* на какую-либо мудрость, опытность, значимость.

Вся жизнь человеческая, вся деятельность познающего ума, неугомонных эмоций и ненасытного тела, вся предыстория — становится (для Пробуждённого сознания) лишь работой машины, механизма, «человеческого компьютера», запрограммированного на определённый набор реакций в соответствии с известными импульсами, поступающими извне. Отчаянно борясь с механическим умом, *не-мудрый* человек делает этот механический ум всемогущим. Заставляя себя реагировать так или эдак, он зацикливается на уровне ментальных и эмоциональных реакций. «Работая» над своим *эго*, человек превращает плохо работающую машину в разъярённого демона, который только и рад привлечь к себе *всё наше внимание без остатка*. Такова ловушка на пути любой методики самосовершенствования, любого религиозного благочестия, которое накапливает заслуги и знания, но не ведает мудрости.

Вставая утром, ритуалист должен совершить все предписанные мероприятия, принуждая свой ум к неуклонному следованию своей «программе действий», не забыв и не перепутав ничего в течение дня. Наблюдая движение помыслов и страстей, подвижник-аскет обязан любой ценой продолжать борьбу, за своё усердие вознаграждаясь опытом, волей и очищением сердца. Следуя религиозному благочестию или избранной методике самосовершенствования, «работник над собой» остаётся воином до конца, бегуном на дальнюю дистанцию. Бегун вкладывает всю свою жизнь в то, чтобы первым достичь финальной черты. А ученик мудрости? Он решается разом прекратить всякое механическое усилие, отдав все бразды одному лишь пониманию, прекратив всякое *личное* вторжение в симфонию бытия — словно выпустив шарик из рук. И шарик падает вертикально вниз. Раз - и всё. На смену круговращению ума приходит *покой*. На смену непрерывной последовательности действий приходит *недеяние*.

&

Только *покой* открывает в недрах неживой механики *это* проблеск искры-души, истинного Я: это Дух, Сознание, луч Божий. Одного лишь мгновения бывает достаточно. В миг *недеяния* являет себя чудо остановки ума и подлинной медитации. *Недеяние* оживляет уснувшее от века бессмертное существо, которое, пробуждаясь, узнаёт радостный голос своего Творца и устремляется к Его сиянию. Пребывание, покой, *недеяние* — это успокоение ума, некоторое ослабление хватки *эго*, вызов, брошенный нашей гордыне. Человек уже не работает больше садовником в саду своей собственной души, он лишь прогуливается по этому саду. Он просто созерцает всё, что там растёт, всё, что там *есть*. Он созерцает и прекрасные цветы, и старые, полуживые, уже не плодоносящие кусты, и аппетитные ягоды, и зелёные хвостики овощей, и сорняки, и новое ведёрко с водой, и гниющий, поваленный заборчик. Его овевает нежный ветерок, доносящий до него разные запахи, утреннее солнце ласкает его лучами, а от земли поднимается пар. Он видит и молодые побеги, и старые листья, и буйно разрастающиеся заросли, и насекомых, поедающих некоторые кусты, и пчёл, и мошек, и Муравьёв. Ему *ничего не надо*, он не планирует ничего с этим всем *делать*. Ничто не принадлежит ему, да он ничего и не пытается присвоить себе. Он даже не обдумывает ничего, глядя вокруг,

— а просто любит и гуляет. Этот человек позволил всему жить своей жизнью, он отбросил любые притязания и может теперь в . полной мере насладиться тем, что уже *есть*.

32

Недеяние ведёт туда, где нет конкретного знания, становления, преодоления и приобретения, где ничто не появляется и не исчезает. Там лежит цель Адвайта-веданты — освобождение от иллюзии личности, отдельности, двойственности. Но до этой цели может быть ещё очень далеко. Прильнувшие к источнику мудрости чувствуют, что столкнулись с чем-то неведомым доселе, но таким же неизбежным, как закон *кармы* или закон всемирного тяготения. Здесь начинается духовный опыт, который превращает философские абстракции в реальные ощущения Цели и препятствий на пути к ней. Внутренняя тяга стать чем-то, достичь чего-то, - оказывается препятствием к тому, чтобы *быть с тем, что есть*, оставаться в неизменном созерцании того, что пребывает неизменным. Адвайта-веданта есть наука о само-бытии, о пребывании там, где есть лишь единая, изначальная, неизменная сущность, Первооснова всего. Познав *недеяние*, человек сразу становится профессором, знатоком этой науки, которому, как выяснилось, давным-давно уже всё было известно.

32

Раньше активность личности, «я», *это* — была центром всех проблем и объектом постоянного внимания. Повинуясь тем программам, которые были в него заложены предшествующими событиями (*кармой*) или обстоятельствами, «я» барахталось, опутанное бесчисленными завязками, взаимоотношениями, страхами и желаниями, занятое их непрерывным пересмотром и обновлением. При этом оно ещё пыталось самосовершенствоваться и служить Богу. Оно то принимало, то отвергало, то одобряло, то пыталось изменить, улучшить, переделать, перекроить заново. Вся жизнь «я» проходила в сомнениях, неудовлетворённости и борьбе с самим собой. Но вот открылось *недеяние*, безвоздушное пространство, где *это* не может более трепыхаться: и оно замирает, обездвиженное. *Недеяние* лишило ум системы координат, точек опоры, и он перестал понимать, кто он и где он. Ему ничего не осталось, кроме как замолчать и открыться Неведомому.

32

«В этом мире плотник (сознание, вовлечённое в иллюзорную активность *эго*) несчастен, когда у него в руках топорик и прочее (ум, эмоции, страстные телесные функции и побуждения). Только вернувшись к себе домой и сложив инструменты, — топорик и прочее, — довольный, бездеятельный, незанятый, этот плотник счастлив. Так и Атман, соединённый с двойственностью (*двайта*), которую приносит заблуждение (*авидья*), пребывая во сне со сновидениями или в бодрствовании, погружён в активность *эго* и потому несчастен. Но тот же Атман, для уничтожения усталости войдя в самое себя, в Абсолют (*Парам-Брахман*), свободный от причин и следствий (*кармы*), бездеятельный, — счастлив и пребывает самосветящимся, сияющим» (комментарий Шанкары к Брахма-сутрам 2, 3, 40).

Зг>

Когда занятость уступает место незанятости, и в этой незанятости нет ни скуки, ни уныния, ни беспокойства, приходит восприятие сознания как такового. Это оказывается самым естественным состоянием, где пустота озарена покоем и беспричинной радостью. Прекратив борьбу с самим собою, *недействующий* обнаруживает, что всё пространство воссоединяется в «тут», а всё время — в «сейчас». При всём желании ему уже некуда больше отлучиться. Видя *всё* как оно есть, видя «я» как оно есть — как неизменное чДА», открытое, ясное, бесконечное, сознание не может и не хочет более менять что бы то ни было. Сама идея перемены на фоне этой невыразимой чистоты кажется глупой, смешной и абсурдной. Вся психология, все сложные взаимосвязи с людьми, запутанные отношения с самим собой, бесконечная череда страхов, амбиций, привычек, сомнений, обид — всё это выглядит на фоне невыразимой чистоты *реальности* как жалкий, бессмысленный самообман. Адвайта-веданта не оставляет сомнений в иллюзорном, «неполноценном» характере всего, что не есть Единое, одно без иного.

Зг>

«После исчезновения всех мнимых явлений, слою иллюзии закрывавших душу, Абсолют, Безграничный, помимо которого нет иного, пребывающий вне деяния, покоится в своей собственной сущности. Когда всякая активность сознания поглощена и исчезает в *Парам-Атмане*, *Брахмане*, Высочайшем, из восприятия исчезает мир форм и явлений, где возможно

лишь разглагольствование об Абсолюте. Ибо откуда взяться разнообразию в Том, что неизменно, бесформенно, абсолютно? В Едином без иного — сама идея разнообразной Вселенной не более чем фантом». Это стихи 397-399 «Вивекачудамани» Шанкары, за которыми следует множество подобных стихов, где подчёркивается, что нет никакого движения, невозможно никакое изменение там, где корень иллюзии растворён в Свете, где всё однородно, неотлично от Первоосновы, подобно чистому блаженству глубокого сна, что познаётся в сердце в наивысшем состоянии медитативного транса (*самадхи*).

30

Что нужно ещё, когда сам Бог даровал человеку радость *познавать* и *быть познанным*? Что нужно ещё, когда (ничтожным подобием известному видению Арджуны в Бхагавад-гите) очам сознания предстал Абсолют — мимолётным отблеском своего безграничного величия? Ещё нужно доверие, абсолютное и смиренное доверие тому мгновению, которое открывает человеку тайну незыблемости и величия. Вот, на мгновение или навсегда, сознание вышло за пределы образов, форм, отражений. Но делает ли кто-то в действительности какой-то шаг, или же, поистине, не совершается ничего, ни внутри, ни вокруг, нигде ничто не меняется? Остановив деятельность в мире форм, прекратив перебирать разнообразные дела, слова, мысли, — сознание внезапно осознаёт, что (цитируя Экхарта Толле) «тишина—это единственное во всей вселенной, что не имеет формы. Это — ничто, которое не от мира сего».

32

Рано или поздно, однако, возникает вопрос: вправе ли человек *полностью отбросить* все психологические и практические проблемы, которые мучили его *до шага* в Неведомое, *до того*, как нечто *открылось* ему в *недеянии*, тишине и безграничности? Следует что-либо ещё *делать* по поводу кажущихся теперь самообманом проблем? Вправе ли теперь человек объявить все несообразности относительного бытия не имеющими власти над ним и вовсе несуществующими? Можно ли с презрением отбросить тот факт, что *в обычном состоянии сознания* продолжает ощущаться привязанность, зависимость, несвобода, эмоциональная нестабильность? Можно ли отбросить *это* на том основании, что удалось *ощутить нечто иное*? Является ли переживание Абсолюта оправданием

всему? Существует ли причинно-следственная связь (*карма*) для «духовно продвинутых»? Надо ли ещё о чём-то беспокоиться тому, кто уже *в недеянии*, во внутренней тишине, в дружбе с самим собой? Является ли Абсолют теперь вполне «нашим»? Символически сжигая, стирая и отбрасывая всякое воспоминание о суете, можно ли считать себя *достигшим Единого*?

Зл

Готов ли безликий Абсолют заключить нас в свои объятия, как любвеобильный папаша из сентиментальной бразильской мыльной оперы? Или предстоит ещё некий экзамен, новое испытание на прочность? Можно ли лежать с сигаретой и банкой пива на диване, глядя, что там по телевизору, — никак не уменьшая применимость к себе стихов «Вивекачудамани» Шанкары? Допустимо ли уравнивать Трансцендентное Откровение с кучей дерьма на дороге? Многие учителя «осовремененной Адвайта-веданты» (нео-адвайты) легко отвечают ДА на эти вопросы. Ведь очевидная истинность Я не зависит ни от чего внешнего, она всегда — единственная Реальность! Древнее, историческое учение Адвайта-веданты медлит с окончательным ответом, предлагая «соискателю» прежде пройти путь ученичества *до конца*, не соблазняясь лёгкостью *словесного совершенства*. Классические тексты Адвайта-веданты не дают однозначного ответа на подобные вопросы, строго разграничивая *сферу пути, сферу обучения*, постепенного, ступенчатого восхождения (*садхана*), с одной стороны, и *сферу неизблемых истин, сферу понимания (брахма-джняна)*, с другой. В сфере *садханы* причинно-следственные связи продолжают действовать. В сфере *брахма-джняны* истинна лишь Первопричина, Непроявленное; всё остальное — иллюзия.

32

Совместив две стороны монеты, можно сказать, что следствие *сокрыто* в причине (*саткарья-вада*): изменчивое бытие, как следствие, *коренится* в Непроявленном. Иллюзия (неведение, не-постижение Истины) мнимо ограничивает или как бы скрывает (*упадхи*) *То, что есть* на самом деле. Материя покрывает собой, «накладывается» (*адхьяса*) на Дух (*Брахман*), неизменно запуская причинно-следственный механизм *кармы* для всех, пребывающих телом и сознанием в ней. Привязанность, подчинённость материи (*пракрити*) де-факто не пускает душу в неопишемую, лишённую

качеств, непостижимую, вездесущую и неизменную Чистоту *Ниргуна-Брахмана*. Рад бы в Рай, да грехи не пускают. Небеса закрыты плотным слоем облаков.

Для «я» продолжает быть актуальной изменчивая видимость (*виварта*), которая появляется и исчезает, дряхлеет и развивается, составляя собою *путь* к Первопричине, полностью иллюзорный (*асат*) с точки зрения *Атмана*, но предельно реальный (*сат*) для «я». Безначальная (*анади*), одновременно реальная и нереальная (*сад-асад-анирвачанья*), *виварта* есть по сути *авидья* (неведение) и *майя* (иллюзия), но вместе с тем это — осязаемое, зримое, имя и форма (*нама-рупа*) — единственно реальный опыт человека, любого из нас, не соприкоснувшегося доселе с реальностью Непроявленного. Мир не сотворён бессмысленным, как нелепая забава, он есть то лоно, из которого Сознание, преодолевая пути иллюзии, должно восстать во всём своём изначальном тождестве Первооснове всего — Богу. Тогда и сама *пракрити* оказывается Духом, неотъемлемой частью Единого.

32

Удивительную формулировку этого откровения, подробно описанного в метафизических трактатах Веданты, мы находим у Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского, ученика Оригена: «Бог не подпадает власти природы; но чего хочет Бог, то и есть природа». *Сагуна-Брахман*, всё та же неизменная Первооснова, но в аспекте Бога-Творца, *Пуруши*, вдыхающего и выдыхающего своё творение, есть действующая (*нимитта*) и осязаемая (*упадана*) причина бесконечно разнообразного, подвижного и переменчивого мира явлений. Сам Шанкара, основоположник Адвайта-веданты, определяет *Сагуна-Брахман* как *Ии/вару*, Бога-Творца, Владыку, смысловой центр бытия, тогда как *майя* понимается Шанкарой (и средневековой Ведантой, и йогической традицией Патанджали, и религиозным индуизмом) как *шакти* — созидательная и животворящая энергия Ишвары-творца («И вдохнул Бог дыхание жизни...»).

3*

Бог вдохнул дыхание жизни в тело, созданное из праха земного, — душу и Дух, сознание и способность к познанию. Пробуждаясь, душа

обнаруживает в себе неистребимую тягу к своему Первоисточнику. Но Бог же по необъяснимой причине набросил плотную завесу иллюзии (неведения) на истинную, неизменную суть бытия, оставив нас наедине со множеством, которое есть лишь *нама-рупа, аджняна, авидья, асат, майя-шакти, пракрити*. Бог даёт Свободу всему творению быть, сознавать и познавать Истину *всё более истинно, всё более абсолютно*. Он как бы Сам становится всем и дарит всему разнообразию тварного мира радость Сознания, Само-познания и Само-бытия. Пребывая в своём творении неизменным, Он *не несёт ответственности* за бесконечное множество происходящих здесь мимолётных движений, превращений, изменений, ибо Он даровал Свободу каждой частице и каждому мгновению этого многообразного бытия.

Свами Вивекананда (1863 — 1902) пишет в своей книге «Джняна-Йога» (глава «Человек истинный и мнимый»): «Когда солнце играет лучами в брызгах воды, каждая капелька становится безупречным образом солнца. Так единое Я, единая Душа, единое Бытие вселенной, отражённое в бесчисленных капельках, имеющих каждая своё имя и форму, кажется множеством «я» и множеством душ. Но воистину нет ни «я», ни «ты», есть лишь единство. Всё это либо одно Я, либо одно Ты».

Бог входит как Истина в это кажущееся, переменчивое бытие, этим делая его *также истинным!* Он становится всеобщим, всё привлекающим к себе Центром, Альфой и Омегой, Я и Ты этого многообразного бытия. Единый Бог становится единым вектором, единым эволюционным потоком, *постепенно* творящим из неживой материи — жизнь, из бессознательной жизни — сознание, а в комочках слепорождённого сознания, которые появляются и исчезают подобно мотылькам, — *самопознание* и *богоподобие* — изначально свободное, единое Сознание (*Атман*). Эволюция сознания, ступенчато, концентрически расширяясь, открывает законы Духа, пока ещё неведомые безжизненным комочкам космической пыли. Один из них заключается в следующем: *ответственность передаётся вместе со знанием*. Обретая откровение Истины, обретаешь и ответственность в равной мере. «Кому много дано, с того и спросится много», чем более высокое понимание или переживание было открыто, тем важнее то, *как человек*

воплощает этот опыт *в каждом мгновении своей жизни*. Находится ли он *сейчас* там, где надо, в тот момент, когда это необходимо, и занят ли тем, что важнее всего *сейчас* в той ситуации, которая дана ему - как экзамен, или как поле битвы, или как место служения.

Эл

Учениками записаны слова Пуджы Чандра Свами: «Явлены Истины: «один Бог — действует». Или «Бог — *Акарта* (не действующий, не совершающий деяний)». Однако не только бессмысленно, но и опасно использовать эти Истины как индульгенцию, отменяющую все наши грехи, ибо ложное утешение отнимет у нас всякую надежду на подлинное преобразование» («Живые зёрна йогического сознания», 1971). Бог дарует Свободу, и при этом сознание, прежде подобное пылинке, становится огромным как гора. Во столько же раз тяжелее становится каждый наш прошлый и будущий поступок на весах Истины, где добро и зло различают не по принятым «в обществе» условностям, а по правде, по эволюционным законам бытия. Главный текст Веданты — Брахма-сутра — описывает Бога, Первопричину творения, как скрытого пеленой *майи*, которая из Него же исходит, будучи одновременной и чуждой, и тождественной Ему. Его реальность угадывается через законы творения, которые действуют сами по себе, но вызваны Им к жизни и указывают на Него. Веданта приводит следующую иллюстрацию. Плетя свою сеть, паук использует нить, которая исходит из него. Паук — это сознание, первоисточник вселенской паутины. С точки зрения паутины, он — творец, владыка и первопричина. Но паук свободен, он может в любое время удалиться, он ничем не связан со своей паутиной и никак не тождествен своей паутине. Запутанность человека в этой паутине коренится в том, что *человек знает лишь паутину*. Ученик Веданты должен опознать её первоисточник, найти светильник жизни в себе и этим избавиться от отождествления себя с безжизненной и прилипчивой паутиной.

Эл

Рама-гита, пятая адхьява (глава) утара-канды Адхьятма-Рамаяны (стих 30) подтверждает то, что «*майя*, которая, будучи не-рождённой и необъяснимой, является причиной этого космоса, есть причинное и тонкое тело Атмана, а индивидуальная высшая Сущность (Атман) *кажется* отличной от всеобщей Высшей Сущности (Брахман) вследствие *упадхи* (наложения, ложного отождествления)». Богоподобный Атман есть сама Свобода, дар Божий, вечное, неограниченное временем и пространством,

трансцендентное Сознание, свободное от привязанности, материализма, эгоизма. Это Я, не знающее гибели, изначально лишённое зависти, гордыни, вожеления — Абсолют, сокрытый в индивидуальности. Таково Я человека, обретшего Свободу. Оно есть путь, смысл и цель пути Адвайта-веданты. Но мудрый ученик не перепрыгивает законов пути, не ставит горделиво *себя* в сферу незыблемых истин (словно бы прилепив свою фотографию на икону...), ибо он внимательно читал книги Шанкарачарьи и другие хорошие книги. Кстати, не так уж трудно прочитать мудрые книги. Можно даже сесть в изящную позу и начать изрекать некие абстрактные истины. Можно написать книгу афоризмов, можно воспроизвести кое-что из «антуража» в своём быту и в манере держаться. Очень трудно потом объяснить, *зачем это всё*, что всё это значит *практически*. Серьёзный ученик не доверяет разглагольствованиям. Но он чувствует зов Истины и понимает, что за всеми этими декорациями *что-то есть*. Изначально это не придумано; выдумки появились много позже. Он готов отдать всю свою жизнь на то, чтобы разобраться, *что всё это значит практически*.

32

Ибо существуют *степени, уровни* Просветления. Ступени Освобождения перечислены, в частности, в пятой главе краткого текста «Йога-Васиштхасара-санграха» («Диалог Рамы и Васиштхи»), составленного мудрецом Вальмики, автором «Рамаяны». Та или иная *ступень* пробуждённости открывает Реальность более или менее неискажённо, незамутнённо, более или менее правдиво. Сам Пробуждённый может явить ту или иную степень мудрости, цельности, искренности — или, наоборот, наивности, беспечности, нечестности перед самим собой. Даже будучи затопленным водами Просветления, можно вновь подать руку своему *эго*, вновь, самостоятельно, вывести его из шока и поднять с колен. Многие «просветленные» двадцатого века успешно сделали это. Многие из тех, кто лишь ступил на путь, вскоре увязли — либо в философских умствованиях, либо в экстатических, трансовых состояниях, либо в новоявленных откровениях, либо в тантрических выкрутасах «безумной мудрости». Все они пытаются учить, интерпретировать, комментировать, инициировать и направлять других на путь истинный. Ученик преисполнен абсолютного доверия Богу, великого почтения и интереса — к древней традиции, великой настороженности — к заблуждениям человеческим.

Историческая Веданта — это не разнообразные пути, а *единое*, дельное, внутренне непротиворечивое учение, со своим *единым* каноном, философией, этикой и методологией. Веданта, во всех её разнообразных традициях и философских интерпретациях, (о которых пойдёт речь ниже), утверждает вечность (но переменчивость и иллюзорность, не-совсем-реальность) материи, циклично сменяющей проявленную и непроявленную стадии своего развития. Веданта утверждает незыблемость законов бытия, отражающих в себе своего Творца и Владыку, который никак не связан ими и является их скрытой, тайной движущей силой. Веданта видит в многомерном мире явлений *единый* поток, охватывающий собою всё *смысл*, освобождение, пробуждение, раскрытие Сознания, которое, подобно Творцу, сокрыто, спрятано в бессознательной материи. Этот поток есть *эволюция*, непрерывный импульс многоступенчатого, концентрически расширяющегося развития, о котором заговорила наука последних двух столетий (см. предпоследнюю главу данной книги). Всеобщая Свобода от зависимости (зависти, гордыни и вожделения) — это смысл непрерывного импульса эволюции, та *Воля Божия*, которой движимо творение пред очами неизменного, никак не вовлечённого в это движение Владыки. В этой Свободе нет и не может быть греха, ибо там ни в какой микроскоп (или телескоп) не разглядеть следов зависти, гордыни и вожделения. Пребывая в *недеянии*, Бог *действует* (скрытый в потоке эволюции), уча тому, что безгрешность выше греха, благо выше зла, любовь выше ненависти. Это та Адвайта, недвойственность, которую Евангелие называет «жизнь вечная».

Как в каждой душе сияет нетленная искра Я (*Лтман*), так и всё бытие оживотворяется пламенем вселенского Я (*Парам-Лтман*). Веданта, парадоксальным образом, утверждает тождество бесстрастного, неизменного, ни во что не вовлечённого, чуждого этому миру, непостижимого, сокрытого, неосязаемого Абсолюта, для которого мир и все его противоречия не существуют (*Ниргуна-Брахман*), — и любящего, сострадающего, открывающего себя людям, милосердного Бога (*Сагуна-Брахман*, *Ишвар а*), который является Творцом, Хранителем и Спасителем мира. Соответственно, ученик Веданты должен соединить в себе совершенное бесстрашие, отречение от любых предпочтений

(симпатий и антипатий), - и высший приоритет не-эгоистической нравственности, с любовью и заботой взирая даже на самого несовершенного человека, молясь за всех и прощая своих обидчиков, жертвуя всем ради победы Добра над злом и Спасения каждого живого существа. Наиболее ярко это «единство противоположностей» представлено в Бхагавад-гите, основополагающем тексте Веданты. Древняя Адвайта-веданта акцентирует внимание на первой (сокрытой, бесстрастной и неизменной) составляющей, но позднейшие учителя Веданты (от Рамануджи до Раманы) учат безупречному равновесию внутреннего и внешнего. Движение *бхакти*, о котором пойдёт речь в последних главах книги, — это учение Веданты о любви к Богу и к ближнему, о самоотдаче и уповании на благодать Божию.

3*

Осовремененная, упрощённая до предела Адвайта-веданта, ставшая радикальной идеологией *недеяния*, считает «добро и зло» - одним из тех фантомов, которые существуют только в человеческой голове: что «хорошо» для одного, то «плохо» для другого. Как человек проживает свою жизнь, что он совершил или может совершить, как он поступает по отношению к другим людям, — всё это рассматривается «нео-адвайтой» как не имеющее никакого значения. Любые события, вместе с теми мыслями и чувствами, которые рождаются при этом в головах и в сердцах людей, вместе с будущими последствиями этих событий, — отбрасываются, игнорируются «нео-адвайтой» ради покоя и невозмутимости. Ни подвиги, ни злодеяния, ни помощь, ни подлость - не должны оставить следов на той жемчужине *недеяния*, которую «нео-адвайта» взращивает в своей раковине. Следующая глава нашей книги будет полностью посвящена «разночтениям» между радикальной «нео-адвайтой» и классической Ведантой, для которой благодать и служение Добру выше бесстрастия.

32

Истина парадоксальна. Один её лик — безмолвный и бесстрастный — безучастно взирает на этот мир и всех его обитателей. Но другой лик той же самой Истины — это благодать, беспричинная милость, источник незаслуженных даров, помощи и спасения. Адвайта-веданта, вместе с христианством и другими религиями единобожия, приводит своих учеников к познанию самого Источника благодати, к непоколебимой

верности Ему, к посвящению Ему самого себя. Рамана Махарши (1879 — 1950), великий учитель Адвайта-веданты нашего времени, неизменно пребывавший в том состоянии сознания, которое описывают Шанкара и его ученики, свидетельствует: «Человек, сознающий Я (*Атман*), превосходит космическое растворение (*пралай*) и становится освобождённым (*мукта*)». «Основная цель Вед — учить нас природе неразрушимого Атмана и показать: *ты есть То*». Но «Боговидение (*Ишвара-дришти*) есть благодать Божия (*Ишвара-прасада*)». «Сама мысль о Боге — это Божественное благоволение (*Ишвара-а)суграха*)». (Рамана Махарши, Беседы — 1935 год.) Благоволение, благодать, милосердие, милость: для обозначения этого понятия Рамана использует тамильское слово «*арул*», мы же приводим санскритские аналоги: *каруна, крипа, прасада, ануграха*. В греческом оригинале Евангелия это же слово звучит как *харис, харизма*.

Едва ли существует хоть один истинный духовный путь на Земле, который не являлся бы искрой, зажжённой от огня благодати Божией, озаряющего мрак бесконечного и бездушного космоса. «Помимо и сверх» безличного потока эволюции, в некоем противоречии с равным присутствием Единого в каждой частице тварного бытия, являет Бог своё особое проявление в этом мире: милость, благодать, любовь, чудотворную силу *спасения*, преодолевающую всеобщие законы природы иным, более высоким законом. «Если Ваш взгляд станет взглядом мудрости, вы увидите, что мир — это Бог. Но ни разу не ощутив *Брахман*, как вы можете обнаружить Его вездесущность?» (Рамана Махарши, Беседы -1935 год.) «Божественная милость (*Ишвара-прасада*) необходима для окончательного Освобождения. Она *ведёт* человека к осознанию Бога. Но устаиваются благодати только настоящие преданные (*бхакты*) или йогины. Она даётся лишь тем, кто упорен в своём усердии и не останавливается на пути к Свободе». (Рамана Махарши, Беседы — 1935 год).

Согласно учению Раманы, истинное Я открывается через интенсивное самопознание «кто я», самоисследование (*атма-вичара*), как проблеск нашей изначальной природы, неотъемлемого само-бытия (*свабхава*). Но успех даётся вместе с *ответственностью*-, необходимо пройти весь путь до конца, *живя в мире людей* как святая, освобождённая душа, полностью

очистив сознание от *санскар, васан* (скрытых тенденций, привязывающих к земному). Искреннее, смиренное и совершенное *принятие* этой *ответственности*—это и принятие энергии *благодати* (*шактипата*), которая важнее всего на пути к Совершенству. Благодать открывает дверь к окончательной Свободе от *кармы* (Освобождение — *мукти, мокша*). Это уже постоянное состояние *дживанмукти* (*садеха-мукти*), а не только опыт экстаза (*бхава*), не переживание или восприятие как таковое (*упалабдхи*). Эта Свобода есть *знание* — и само изначальное Сознание (*Лтман*), тождественное Единому (*Брахман*). Став единожды явным (*сваям-сиддха*) сквозь все покровы *эго* в человеке, *Лтман* проявляет себя во всех аспектах жизни в мире *множественности* — ослепительным недвойственным сиянием (*сваям-пракаша*).

УЧЕНИК МУДРОСТИ

Во многих учениях Просветления идёт подспудный спор между идеей мгновенного Просветления (прыжок с обрыва) и идеей ступенчатого пути. Прыжок с обрыва — это полный разрыв со всем, что связывает человека с его предысторией. Это сознательный отказ от себя «прошлого», от своего мысленного и эмоционального содержимого, от тех привычек и личных черт, от тех накоплений, которые позволяли локализовать, опознать человека на всём протяжении времени до момента «сейчас». Идея мгновенного Просветления стоит на первом месте у современных учителей Адвайты. Постепенный, ступенчатый, восходящий, сопряжённый со временем, усилием и усердием *луть* — излюбленный образ ученичества в древности. Это *садхана* — средство, способ, метод, практика и образ жизни подвижника, где есть место предыстории, школе и письменной традиции.

32

Прыжок с обрыва—это отказ от времени как такового, вызов, брошенный прошлому и будущему от лица настоящего. Прыгнув с обрыва, можно жить дальше только в совершенной цельности, разом отрубив все проявления колебаний, сомнений и эгоизма. Заглядывая внутрь, такой человек не обращает внимания на мысли (пользуясь, однако, умом как необходимым инструментом), он слушает лишь *повеление*, которое должно быть внутренне очевидным. Единственным критерием подлинности *прыжка* является абсолютное и неизменное соответствие того Бога, которого обнаруживает внутри себя подвизающийся, после того, как он стёр самого себя, тому образу Божию, который мы находим в Писаниях (Евангелии, Упанишадах, Бхагавад-гите, позднейших трудах общепризнанных мистиков Востока и Запада). Этот совершенный, незыблемый и благой образ открывается внутри и являет себя в каждом жизненном взаимодействии с другими людьми, подтверждая божественность, а не безумие «прыгнувшего». Так можно отличить подлинный *прыжок* от эмоциональной или интеллектуальной *осеённости свыше*, которая, как всякая мысль или чувство, уходит, уступая место чему-то иному.

3*

Прыжок с обрыва совершает тот, кто достиг «критической массы» развития души на пути индивидуальной эволюции. Этот прыжок воистину нельзя *сделать*, но «тренировка в прыжках» (*садхана*) — лучший способ приблизить момент настоящего прыжка (который, возможно, окажется не единственным!). *Садхана*— это и есть тот постепенный путь, о котором рассказывают нам и древние учителя Веданты, и христианские отцы-подвижники, и различные школы йоги, и Упанишады, и Бхагавад-гита. Ступив на путь *садханы*, человек становится учеником, независимо от того, видит ли он пред собой Учителя во плоти и крови. Гаудапада, Шанкара, Манданамишра, Рамануджа, Мадхва, Рамананда, Чайтанья, Рамакришна, Рамана Махарши — великие учителя Веданты, чьи поучения отражают различные, внешне противоречивые грани Истины, — наставляют бесчисленные поколения своих учеников в многотрудном, ступенчатом, восходящем и сопряжённом со временем пути ученичества.

Основа всей Адвайта-веданты — Брахма-сутры Бадараяны — состоят из четырёх глав, в самих названиях которых выражена постепенность обретения Цели: *Саманвая* («последовательная взаимосвязь»), *Лвиродха* («непротиворечивость»), *Садхана* («образ жизни, пути и ступени») и *Пхаяа* («цель, плод»). Все труды Шанкары и современных ему наставников Веданты — лишь попытки изложить более просто и доступно учение Брахма-сутр Бадараяны. Философские и практические наставления Веданты концентрически вырастают из этого центра: Упанишады, Бхагавад-гита, Брахма-сутры. Но помимо учения как такового, сегодняшним подвижникам, не имеющим живых учителей поблизости, важно осознать то, что *жизнь* каждого из вышеперечисленных подлинных учителей, известная ныне по письменным воспоминаниям учеников и легендам, сохранённым традицией, сияет одним и тем же чудотворным светом. *Их жизнь* содержит ответы на те вопросы, которые возникают при чтении древних рукописей, в несовершенных переводах дошедших до сегодняшних последователей Адвайта-веданты.

Проповедь Веданты — не только в философских трактатах, но в сиянии того негасимого света, который ощущается в каждом из этих мудрецов. Жизнь Совершенного становится проповедью. Жизнь

того, кто *стал учением*, содержит в себе в предельно простой форме те символы, понимания и смыслы, которые современные исследователи пытаются выудить из санскритских трактатов древности. Образ Учителя — совершенного проводника в царство Абсолюта — является главным, ключевым символом Веданты, краеугольным камнем, альфой и омегой этого пути. «*Турубрахма гурувишнур гурур-дево махешвара, гурур-зва парабрахма, тасмай шри-гураве намаха*» («Шри-Гуру-гита», 32). «Это — подлинная эзотерика, знание, неведомое богам и героям, доступное лишь тем, кто целиком отдал своё сердце поиску Истины, чьё сознание созрело и возмужало — для последнего шага. Храни его как зеницу ока, не разглашай это понимание тем, кто лишён нравственности и веры». (Так заканчивается песнь «Шри-Гуру-гиты», стихи 177-181). «Истина (*Брахман*) постижима только через наставления учителей (*ачарьёпадеша*), передаваемые от одного к другому, а не благодаря логике, рассуждению, разуму, многознанию, аскезе или жертвоприношениям» (Комментарий Шанкары к Кена-упанишаде, 1,4).

32

Последующие три главы целиком посвящены этому краеугольному камню Веданты: что такое Учитель на пути недвойственности, каков он должен быть поистине, чем отличается от этого идеала дешёвая, общедоступная версия *гуру*, предлагаемая обществом массовой культуры сегодня. Прежде, чем погрузиться в это исследование, человек должен признать, что он — тот безвольный винтик, каким он является сегодня, — вряд ли встретит истинного Учителя «вживую», но ему следует вложить всю свою надежду, волю и устремлённость в то, чтобы найти в этой жизни *путь к Нему*. Ухватившись обеими руками за веру и устремлённость, можно *уже в этой жизни* обрести и путь, и Истину, и Бога, и совершенство. Для начала вкратце, конспективно рассмотрим основы, исходные принципы и ориентиры, на которые должен опереться всякий, начинающий свой путь к недвойственности. Вот что написал своим ученикам Блаженный Диадокх, епископ Фотики (V в. н.э.): «Если ум начинает испытывать непрерывное действие Божьего света, *он становится* весь как бы прозрачным, так что сам явственно видит свой свет; ведь он весь *становится светом*, когда сила души овладеет страстями». Помыслы истинного мудреца — прозрачны, деяния — свободны от эгоизма. Мудрец делает лишь то, что, несомненно, должно быть сделано. Истинное делание — то же, что познание Истины. Поступок

_ зеркало души, а душа — свидетель Безымянного. Мудрец делает всё для Бога и ничего для *эго*. Мудрец ведаёт Бога и знает, чем является *эго*. 2) *ю* _ это гордыня, заикленность на самом себе. Огонь Освобождения сияет там, где нет *эго*. *Эго* — это кокон или скафандр, внутри которого «я» живет отдельной, самозаикленной жизнью. *Эго* — это необходимость быть кем-то или чем-то, это самоутверждение по отношению ко всему остальному. «Ты носишь в себе укус великой черной змеи (*эго*): «я есть Некто — действующий, властвующий, творящий»-, испей же духовный нектар (противоядие): «я — никто, я ничего не творю, ничего не совершаю», чтобы вновь обрести блаженство». (Аштавакра-самхита, 1,8).

Герметично скрытое в своей оболочке, *эго* не ведаёт, не ощущает и не желает ничего, кроме своего иллюзорного мира. Мир *эго* — это мир тел, вещей, страстей, ума, борьбы, побед, поражений, мир кратковременных радостей, страданий и смерти. Это *майя*, принятие верёвки за змею, ошибочное видение многообразной материи там, где есть лишь единый Дух. Мир *эго* — это мир автономного, отдельного «я», занятого только самим собою, привносящим нечто иллюзорное, *личное*, во всё, к чему прикасается, в том числе и в богопознание. Симеон Новый Богослов (946 — 1021) пишет: «Многие, привнося своё собственное, не получали того, что даётся Богом». А Фома Кемпийский (ок. 1380 — 1471) добавляет: «Смирненное познание себя — верный путь к Богу». Христианские мистики называют иллюзию *эго* хорошо известными всем нам словами: самоволие, гордыня, плоть, искушение, мир, «лукавый». Адвайта-веданта видит причину эгоистической самозаикленности в заблуждении, т.е. несвободе, связанности, привязанности, подобно кандалам и цепям, приковывающим узника к его темнице. Одно из ведантических определений этой замкнутости, ограниченности: *вьяктитва* — личность, личина, ложное «я». Это — иллюзорное самоотжествление с вещественным, проявленным, зримым аспектом реальности (*вьякта*). Способно ли человеческое понимание стать столь глубоким, чтобы превзойти *вьякта*, превзойти самоотжествление — и стать свободным от него, увидеть то, что ум неспособен видеть: непроявленное, *авьякта*? Существует ли *дверь* из двойственности (*двайта*) в недвойственность (*адвайта*)?

Рамакришна (1836 — 1886), воплотивший в своём мистическом опыте и учении непротиворечивость, единство, равноценность *джняны* и *бхакти*, познания Истины и религиозного поклонения, служения Богу и служения людям, объяснял путь из двойственности (*двайта*) в недвойственность (*адвайта*) простым языком повседневности. «Когда человек спасётся? Когда его себялюбие умрёт». «Если человек *видит* присутствие *майи*, она тотчас исчезает. Так убегает вор, которого обнаружили». «Как на возмущённой поверхности ручья луна отражается лишь блёстками, так в уме того, кто бежит за *майей*, Бог сияет лишь отблесками». «Бог во всех людях, но не все люди в Боге, - вот причина страданий». «Когда ты будешь свободен? Когда любовь к «я» исчезнет, а воля растворится в Боге». «Как скряга постоянно помышляет о своём золоте, так пусть томится твоё сердце по Нём». «Кувшин, погружённый в воду, покрыт водой и изнутри, и снаружи. Так душа, погружённая в Бога, и внутри, и снаружи видит лишь Дух». «Кремень может оставаться под водой тысячу лет, но вода не проникает в него. А глина быстро превращается в грязь. Сильное сердце не отчаивается среди испытаний, а слабый человек смущается от всякого пустяка». «Сахар можно смешать с песком, но муравей оставляет песок и уносит сахар. Так благочестивый и мудрый человек умеет отличать добро от зла».

Зо

«Истинно благочестивый человек - тот, кто не делает ничего дурного, когда он один (когда никто не видит его и не может его осудить)». «Дерево, отягощённое плодами, склоняется до самой земли. Так и ты, если хочешь быть велик, будь смирен и мягок». «Не спорь. Если ты твёрдо стоишь в вере, позволь и другим пребывать в своей вере. Споря, никогда никого не убедишь в его ошибке. Когда Благодать снизойдёт на человека, он сам увидит все свои заблуждения». «Почему с течением времени религиозные учения вырождаются? Дождевая вода изначально чиста, но становится нечистой, если стекает с ветхой крыши по грязным трубам».

З%

О том же говорит Кабир (1440 — 1518) в своей поэме «Грантхавали». «Имя Бога — молоко, все остальное — вода. Редкий *садху* (странствующий мудрец-отшельник), подобно лебедю, способен отличить их. Не

приобретай пороков, но собирай добродетели. Как пчела (собирает нектар с каждого цветка, так и ты) ищи в каждом теле Всевышнего. Бесчисленное множество (различных) цветов (и) плодов на земле. (Но) Кабир выбрал (из них самое) сладкое (и) ароматное, ибо какой прок от ядовитого плода?». «Кроме Творца, нет у меня добродетельней Друга. Обладаю ли я достоинствами или из корысти имею дело с людьми, — Он все равно не бросит меня. В начале, в середине и в конце Бог остается Нераздельным и Невидимым. Слуга Его никогда не отделится от (своего) Творца». «Кабир — кукла, надутая воздухом, словно пузырь (на воде, который однажды лопнет). В этом пузыре Творец возжег пламя, и только поэтому пузырь способен действовать. Девять манов (9 X 40 кг) нитей, о Кабир, запутано в каждом доме. Тот распутает (их), кто познает любовь ко Всепривлекающему».

3*

Пока запутанным остаётся клубок поступков, мыслей, побуждений, желаний, — *это* будет непрístupным подобным алмазу. Когда внимание к этому клубку хотя бы на краткий миг ослабевает, перестаёт отвлекать человека, тут же проступает нектар беспричинной радости, прорывается пламя понимания, внутренние очи отверзаются после векового сна. Впрочем, ничто не угрожает оболочке *это*, пока клубок поступков, мыслей, побуждений и желаний не распутан до конца. Желание увидеть, познать Реальность (*брахма-джиджняса*) должно пересилить все иные желания, *навсегда* стать той единственной страстью, которая приводит в движение ум, эмоции, намерения, поступки и волю. «Мудрый человек, зная сколь редко и драгоценно человеческое тело, обретенное после многих перерождений, весьма хрупкое, но дающее душе шанс достичь совершенства, с великой поспешностью, прежде чем смертное тело сие рассыплется в прах, устремляется к Освобождению. Ибо наслаждение возможно в любых телах, (но дверь Освобождения открывается лишь человеку)». Улджава-Гита (4, 29).

Зл

В комментарии к первой из Брахма-сутр Бадараяны Шанкара настаивает на том, что, вслед за изучением текстов, вслед за формальным изучением канона, ученик должен опереться в своей практике на ряд добродетелей, позволяющих ему «претворить теорию в жизнь». Через

эти добродетели, утверждает Шанкара, ученик сможет действительно обрести неискоренимое желание познать Реальность (*брахма-джиджняса*), готовое на любые жертвы, не покидающее сердце и разум ни при каких обстоятельствах. Вот эти добродетели: различение истинного и неистинного, вечного и не вечного (*нитья-анитья-ваस्तувивека*), способность не подпадать под власть наваждения, самообмана («равнодушие к внушению»), покой (*мама*), самообуздание, власть над своим телом, самоконтроль (*дама*), сосредоточенность, концентрация внимания, твёрдая устремлённость (*самадхана*), аскетическая воздержанность, «отказ от вкушения», отсутствие желания иметь более наличествующего (*упарати*), терпение, бодрая выносливость (*титикша*), искренность, вера (*шраддха*), и, самое главное, желание Освобождения (*мумукшутва*).

Познание великой неотложности Зова, нежелание задержаться даже на то, чтобы «похоронить своих мертвецов» — решает массу надуманных проблем в человеке, расставляя в нём всё по местам. Если единственное желание, которое владеет человеком, — это желание Истины, человек становится простым, искренним и целеустремлённым. «Свободнее всех тот, кто ничего не желает на земле», пишет Фома Кемпийский. *Прыжок* совершает лишь тот, кто не согласен ни на что, кроме Единого, готовый стать «никем» ради познания Его тайны. Но этот «никто» обычно поражает своей внутренней красотой, цельной, непротиворечивой мудростью и *неким сиянием*, помимо воли и помимо ограниченности своего природного ума являя людям любовь, мудрость и милосердие Божие. Пока человек остаётся «кем-то», он весь — одно только *это*, он смотрит на мир глазами своих личных эгоистических предпочтений и предубеждений, он пытается быть хозяином своей маленькой империи «я».

Будучи «кем-то», живя в *своём мире* помыслов и желаний, человек остаётся чуждым безграничной и светоносной Тайне Божией, которая знает только одно Истинное и Вечное Я, где нет никого и ничего иного («ни тени перемены»). Пока он — «кто-то иной», человек остаётся чужим Богу, он топчется «вне врат», в пустыне ума, искушаемый демонами

страстей, страха, властолюбия и гордыни. Начиная с первых дней своей жизни, человек позволяет уму считать себя чем-то обособленным, исключительным, уникальным. Но является ли индивидуальный ум чем-то особенным, что принадлежит только ему одному? Кто не хочет ничего для себя, кто отдаёт всё ради того, чтобы всякое сознание достигло познания Истины, — тот ощущает, что ум всех людей — это один и тот же ум. *Это* всех людей — это одно и то же *это*. И путь к выходу из-под власти *это* - это один и тот же путь. Обретая это понимание, ученик *становится частью* безличной созидательной энергии эволюции, неразличимой частицей и носителем воли Единого. Каждый, кто на духовном пути приобретает или стремится сохранить нечто, еще не ступил на *истинный* путь. В Истине нет ничего, отождествляемого с личностью, ничего индивидуального, чем можно гордиться или обладать. Ничто, связанное с именем, образом, достоинством, званием, персоной, не должно стать для человека объектом вождения или поклонения, затмевающим в нём устремлённость к слиянию с Истиной.

Привычки ума, накопившиеся в людской обыденности, остаются тем багажом, который всегда будет тянуть ученика вниз, пока этот ученик пребывает в своей телесной обители. Уму скучно, и он хочет развлекаться. Он любит сплетни, он любит разнообразные забавы, он любит споры и мнения. Выходя из сосредоточенности, рано или поздно ум «сникает» и требует себе «выходной», — а лучше «отпуск». Эмоции хотят кушать, насыщаться. Им наскучила манна с небес, они хотят — на вечеринку, где будет музыка и шашлыки. Уму и эмоциям тяжело долго жить в трезвости, им хочется выпить и пошалить. Но серьёзный, искренний ученик не позволяет себе переходить в состояние дурашливости, он удаляет от себя глупые шуточки, глумливые насмешки, занудное брюзжание, равнодушный цинизм, которые так популярны у людей. Раз он хочет объективности, безупречности, он должен идти путём трезвения. Ученик не «впадает» ни в разгул, ни в экзальтацию, он сохраняет бесстрашие и равновесие, он движется по лезвию бритвы. Он устраняет всё то, что нарушает объективность, неискажённость, ясность восприятия, что снижает адекватность реакции и препятствует безупречности. В своей аккуратности он подобен лучнику или канатоходцу. Серьёзный, искренний ученик Адвайта-веданты не может позволить себе быть субъективным, взирая на мир через призму

собственных ощущений и мнений. Не доверяя капризам чувств и ума, он смотрит на мир глазами всех тех сотен и тысяч ведических учителей, которые предшествовали ему на пути Веданты. Поскольку все они — в настоящем, взгляд ученика всегда исходит из «здесь» и «сейчас».

32

Веданта приглашает своих учеников в божественный вытрезвитель. Она требует полного обновления, *катарсиса, метанойи*, обращения от всего прежнего *ко всему новому*, — рождения нового, внутреннего человека, как говорили гностические и христианские мыслители эллинского мира. Просветление — это новая, вечная жизнь, в которой умирают и растворяются все дурные повадки ума. Просветление пополяет, сжигает дотла — листья, стебли и корни тех сорняков, что покрывают густыми зарослями ум и душу непросветлённого человека. Что же происходит в момент Просветления? Возгорается ли искра, зажжённая чьей-то окончательной решимостью, или в душу ударяет молния — ослепительное откровение Божие? От искры внутренней либо от молнии Благодати должно возгореться в человеке *самопожертвование*, воссоединяющее его со всем торжествующим бытием, простирающимся за пределами заскорузлого кокона *эго*, со всей природой и со всем человечеством. *Самопожертвование* соединяет душу и Дух, человека и Бога, ибо Бог есть изначальное Жертвоприношение. К этому событию направлена вся подготовка, вся *садхана*, вся теория и практика Веданты. Это момент *уязвлённости Истиной*: стрела попадает в цель. Но Просветление — не просто дар, не просто новогодний подарок. Оно требует ответа со стороны человека. Будет ли этим ответом *самоотдача*, окончательное предание себя Ему, скажет ли сознание: «да будет воля Твоя»? Или ответом будет страх, сомнение, смятение? Закрыв вход мыслям, душа, в ожидании ответа, в молчании открывает себя Благодати и, бодрствуя, остаётся в этой открытости.

32

Даже не ведая потрясающих откровений, ярких переживаний и экстазов, — истинный ученик готов *довериться* едва заметной, но постоянной, интуитивной *тяге* к Истине, тому *чутью*, которое исходит изнутри и рождает в нём распознавание между мнимым и Истинным. Главная его задача в том, чтобы не поддаваться страху. Бесстрашие и бесстрашие

— это ключ к Тайне, это дверь в Неведомое. «Тот, кого не боится никто в мире, и кто не боится никого в мире, кто свободен от ликования, нетерпимости и страха, такого человека называют освобождённым при жизни» («Йога-Васипгга-сара-санграха», глава 4, стих 6). Начиная свой новый день, ученик Веданты оставляет прошлое в прошлом. Он каждый день вновь входит в огонь, и мотыльки его воспоминаний гибнут в пламени Освобождения. Пока медитативный опыт человека подобен проблескам света, его главной духовной практикой (*садхана*) должна быть *внутренняя самодисциплина*. Ученик Веданты проявляет поспешность не в том, чтобы призывать Откровение, а в том, чтобы *очистить сосуд*, дабы Откровение, явившись внезапно, не сокрушило бы его и не сожгло дотла, оставив после себя смятение и внутренний хаос.

3Л

Золотой песок мудрости рассыпан повсюду, он не соединяется ни с чем иным, не пачкается и не ржавеет. Истинный золотоискатель не берёт его *себе*, но находит по нему Дорогу. Ученик Веданты ни от чего не отворачивается и ничего не избегает. Он смотрит глазами Бога, отклик его на всё один и тот же: добро, сострадание, внимание, понимание. Очищение сосуда — это суть пути ученичества, его заповедь: не оскверняйся ни тем, что входит в тебя, ни тем, что исходит из тебя. Не поклоняйся чистоте, не испытывай страха перед нечистотой, соедини в себе святость с мудростью. Ум отвлекает ожиданием всплесков эмоций, суетным предвкушением чего-то волшебного, — необходимо понять: это *майя*, иллюзия. Не следует говорить или читать слишком долго: любое знание вызывает о немедленном воплощении в жизнь. Ученик Веданты занят лишь тем, что бросает зёрна в землю и учится быть прилежным садовником. «Жизнь — это великое паломничество, это путь пилигрима. Не уклоняйтесь от этого пути, но идите прямо к Цели — к познанию Бога. Пробудитесь, восстаньте, очищайте себя и медитируйте. Молитва, *джапа* (молитвенное повторение имён Бога на чётках), медитация, чтение Писаний, «безубойное» питание, вопрошание святых и общение со святыми — очистят ум от нечистых помыслов. Соблюдая молчание, овладейте своей речью; следуя практикам *яма-нияма*, обретите *сатвичность*. Так дурные наклонности и нелепые поступки забудутся и останутся в прошлом; *сатвические привычки* как стрекало погонят вас к достойным, безгрешным, мудрым решениям и действиям» (Свами Шивананда).

Единственное, что необходимо для практики медитации или молитвы, — это зрелость сознания. Медитация — это сознательный выход из эгоистической круговерти становления, это решимость быть одиноким, ничего не желать и ни перед чем не испытывать страха. *Это* приучило людей непрерывно двигаться, цепляться, догонять и спасаться бегством. Медитация говорит этой привычке «нет». Внезапно остановившись, человек может увидеть дверь в истинное бытие. *Это* толкает человека к тому, чтобы *достигать и становиться*, медитация учит его *быть*. Медитация или молитва — это выход из повиновения *эго*. Для ума невыносимо созерцание самого себя. Будучи созерцаем, он усиленно применяет испытанные средства, побуждая человека думать об изменении, приобретении, преодолении, становлении чем-то, чем человек сейчас не является. Практика медитации учит постоянному соприкосновению с Бесконечным Покоем, *Боб^схъелтоукореняет* в Нём и учит неотрывно, молча смотреть в Невидимое.

Медитация есть *неусыпное* пребывание там, где ничего нет. Правильная медитация — это и практика, и завершение практики. Правильная медитация есть само Просветление. Правильная медитация возвращает человека к первооснове бытия, где нет становления, нет желаний, нет знания о чём-либо, нет жизни и смерти. Медитация — это сознательное состояние абсолютной открытости в Бесконечность. Метод прост: пребывая в покое и не погружаясь в сон, позволить всему быть *таким, как оно есть*. Не вмешиваясь, не говоря ни «да», ни «нет» никакой мысли, никакой эмоции, не принимая участия, не перемещаясь, не реагируя, не увлекаясь никаким движением, *«перестаёт быть»*. Успокоившись, отдыхая от непрестанного напора ума, сознание останавливает свой поиск и лишь изумлённо взирает на Реальность. Если ему удаётся не выходить из покоя, бодрствования и *бесстрастия*, не терять эту точку равновесия, сознание пребывает в медитации.

Позволив всему *быть таким, каково оно есть*, душа закрывает за собой дверь в мир становления, чтобы *быть-*, быть частью бытия. Позволив *всему быть таким, каково оно есть*, разум (*буддхи*) не принимает и не отвергает,

не участвует ни в чем и ни с чем не борется, не различает и не пытается что-либо понять. Позволив *всему быть таким, каково оно есть*, человек ничего не совершает, ничего не удерживает и *ничего не знает*. Он лишь бодрственно пребывает в тишине, внутренней чистоте и открытости. Медитирующий «ум есть ум, бесстрастно воспринимающий мысли мира сего». Сознание «становится сильным тогда, когда во время молитвы (медитации) оно не представляет в воображении ничего из принадлежащего миру сему». «Душа, очистившись полностью заповедей, приуготовляет незыблемое положение ума, делая его способным воспринять искомое состояние». Эти последние цитаты вывел на пергаменте Евагрий Понтийский (Черноморский) более 1600 лет тому назад. Вот ещё некоторые из его высказываний. «Молитва есть отрешение ума от всяких помыслов». «Если желаешь молиться как должно, не ввергай в печаль душу. Иначе - все подвизаешься». «Вообще нет *праведного* гнева на ближнего, ибо всякий гнев на ближнего — это путь в погибель. «Молись, как тебя научили, говоря: да будет воля Твоя на мне». «Стремись к тому, чтобы во время молитвы ум твой стал глухим и немым, и тогда сможешь молиться» (в точности такое же наставление оставляет ученикам и Нил Синайский).

3%

Приведём ряд кратких наставлений раннехристианских учителей Церкви, близких по духу. Игнатий Богоносец, ученик апостола и евангелиста Иоанна: «Укрепляйтесь в единомыслии с Богом, имея неразделённый дух». Антоний Великий (годы жизни 251 — 356): «Все грехи мерзостны, но мерзостнее всех гордость сердца». «Ежедневно умирай, чтобы жить вечно». «Идя дорогой, молись умом Богу». «Боголюбивый ум есть свет, освещающий душу, как солнце — тело». «Всегда дышите Христом». «Святые соединены с Богом простотою своею». «Есть совершеннейший страху святых, рождающийся от любви: я уже не боюсь Бога, я уже люблю Его». Нил Синайский (умер ок. 430 г.): «Во всех делах своих, как светильником, пользуйся руководством *совести*». «Занятый пустыми размышлениями ум далёк от Бога. Но, сосредотачиваясь в самом себе, ум видит уже не нечто чувственное или рассудочное, а обнажённые умные смыслы и божественные воссияния, льющиеся миром и радостью». Симеон Новый Богослов (946 — 1021): «Большая часть людей, когда поют псалмы и молитвы, устами только произносят и псалмы, и молитвы, а ум их ведёт беседы с бесами». «Без

внутреннего делания вы подобны, пожалуй, прокажённым, одевшимся в светлые одежды к обману видящих». (Но для истинных подвижников Бог делает) «тело дворцом, а царским сокровищем — душу, которую соединившийся с ней через делание Бог наполнил божественным светом и её саму богом соделал через единение и благодать. В это боголепное состояние приходит всякий, шествующий по названному пути добродетелей».

Поражает удивительное родство иудеохристианской монашеской традиции с Ведантой, начиная с их почти одновременного зарождения и вплоть до огосударствления византийского христианства. Наиболее яркими представителями этой традиции были ессеи, египетские и палестинские пустынножители-христиане, малоазийские и греческие исихасты более поздних времён, молитвенники и аскеты Афона. Особая близость монашеской традиции Восточной Церкви и индийской Веданты ощущается и в сходных методах духовной практики, и в единогласии учительских наставлений, и в богослужебном сходстве. Достаточно сравнить литургические песнопения современной Коптской Церкви, наиболее ревностно хранящей христианские обычаи первых веков, с пением мантр в различных общинах Веданты, — их подобие поразительно. Через слова и жизнеописания святых обеих традиций человек обретает водительство Бога, если человек не уклоняется от *своей* традиции, от *того пути*, к которому был изначально призван. Единый Бог сам становится Учителем для тех, кто искренне прокладывает себе путь в неведомые обители Духа и лишён общения с истинным духовным учителем здесь на Земле. Бог всегда отвечает на устремлённость души, на искренний, неослабевающий *зов*. Он учит своих учеников незнакомой людям науке: как понимать *не только* на уровне ума, как чувствовать *не только* на уровне эмоций и психики. Бог *учит сегодня устами великих учителей древности*, свободных от всего того, чем грешат почти все современные «гуру»: несоответствие между учением и жизнью, неспособность явить в повседневной жизни ту высоту, то единство, тот свет, что несёт в себе само Учение, сама традиция Веданты. Учение — это величайшее испытание для ума, ибо ум - это очень несовершенный инструмент для общения с Богом.

Не вынося стояния в Истине, не вынося абсолютной открытости, ум стремится спрятаться, стушеваться, скрыться во влечениях: похоть, выгода, зависть, обида, споры и власть над людьми. Ум хочет иметь свой укромный уголок. *Это* хочет некоторой «свободы самовыражения». Учитель стремится избавить ученика от разыгравшихся фантазий, от праздного мифотворчества, он воспитывает в человеке понимание того, что *реально* творится в нём и вокруг него. Ученик должен неискажённо видеть причину всего того, что с ним происходит, *что* движет им, *что* побуждает его к действию. Ученик должен адекватно ответить себе на ключевой вопрос: «что такое эго?» Твердая косточка ума, окруженная сочной мякотью влечений, покрытая защитной кожицей страха... «Плоды того дерева приятны для глаз и вожделенны». *Это* хочет всегда оставаться хозяином в доме, оно наполняет весь внутренний опыт, всё внутреннее пространство собой, ослепляя, отвлекая, лишая тонкого восприятия и водительства Божия, гася в человеке пламя устремлённости, блокируя в нём чувство сокровенного. Даже длительное «пребывание на духовном пути», успешная «карьеря» в какой-то общине, в духовном сообществе или в церкви — может оказаться той ситуацией «плато», духовного загнивания и застоя, когда острие внимания, а с ним и само сознание опускается всё ниже, и ниже, и ниже. Душа, незаметно для самой себя, повторяет историю пушкинской неугомонной старухи, которая, несмотря на контакт с золотой рыбкой, заканчивает свой жизненный путь у своего старого, разбитого корыта.

Зл

Адвайта-веданта учит своих учеников тому, чтобы их видение не искажалось умом, а восприятие не искажалось эмоциями. «Тот, кто есть начало и завершение вселенной, Бог, да наделит нас ясностью постижения» (Шветашватара-упанишада 4, 1). Адвайта-веданта *не* учит тому, чтобы стать бесчувственным камнем, но она требует совершенной внутренней неизменности, ничем не обусловленной внутренней Свободы, какие бы эмоции, какие бы помыслы и образы не коснулись ученика. «Кто, как не Бесстрастный, знает, не зная, видит, не видя, говорит, не произнося ни слова?». (Анггавакра-самхита 18, 90). Что же противопоставить ослепляющей неугомонности страстей, врождённой силе привычки, безмерной власти *эго*? Решимость, безупречность, готовность идти на смерть ради Истины. «Мечом мудрости, заострённым служением Гуру, разруби всю эту массу *кармы*,

плоти, страстей, слов и ума, которая, хоть и лишена вечной основы, являет нам себя в бесчисленном разнообразии форм...» (Уддхава-гита 23, 17). Будучи *не* погружённым в эгоистическую круговерть «ловцом наслаждений», *не* суетливым «делателем», но свободным Созерцателем, человек должен *пройти свой жизненный путь без падений*, утвердившись *не* в привычках и пристрастиях, но в покое, Свободе и непривязанности. «Две птицы, друзья, соединенные вместе, льнут к одному и тому же дереву. Одна из них поедает сладкую ягоду; другая лишь смотрит на это, не поедая». (Шветашватара-упанишада 4, 6). Веданта учит своих учеников быть второй, мудрой птицей.

32

Ученик Адвайта-веданты учится смотреть *сквозь* свои эмоции, смотреть *сквозь* свой ум с его сомнениями, надеждами, страхами. Не принимая ничего как само собой разумеющееся, ученик остаётся неизменным в своей устремлённости к Истине, в ясном видении того, *что есть*. Он не должен прятаться ни от чего, он не должен привязываться, цепляться, пытаться овладеть или присвоить себе. Адвайта-веданта не обогащает, не наделяет неким новым знанием, статусом, могуществом, но хочет лишить человека всего прежде имевшегося знания, самомнения и самоутверждения в мире людей; она требует отдать Единому все накопленные идеи, концепции, привычки, предпочтения: стать ничем не знающим «ничем», отдать Единому Богу самого себя. Ученик Адвайта-веданты избавляется от привычки присваивать себе, коллекционировать, собирать «про запас», он учится с мудростью *отдавать*, освобождаясь от всего, что загромаждает то пространство Сознания, которое должно быть открытым, ничем не занятым. В этом он познаёт естественность, простоту, неизменно присутствовавшую в поведении и в жизни всех подлинных Учителей Веданты, о чём мы узнаём из древних санскритских текстов, что видим в рисунках и старых фотографиях, донесших до нас облик этих Учителей. Ум *отдающего* открыт и спокоен, ибо он в этот момент «вливается» в Даяние, совершаемое всем бытием ежечасно, ради чего каждый пришёл в этот мир, к чему мы призваны Богом. «В истинном отдавании нет жертвы, нет мучительного лишения себя чего-то нужного или желанного. Отдавать — значит жить, жить — значит учиться, учиться — значит знать, знать — значит расти, расти — значит отдавать, отдавать — значит жить. Таков круговорот жизни, таковы законы бытия», — пишет Свами

Чидананд Сарасвати (Муниджи). Ученичество Адвайта-веданты постепенно приводит человека к пониманию того, что значит «отдать самого себя».

32

Большинство людей, в том числе и на духовном пути, имеют массу проблем с брожением ума, а ещё больше — с беспорядочным потоком противоречивых эмоций. Но цель Веданты — Свобода — это способность ясно, неискажённо видеть то, *что есть*. Человек привычно сфокусирован на том, что он чувствует, как он себя чувствует, что наполняет его ум в каждое конкретное мгновение. Он привык видеть реальность и воспринимать себя через мутное стекло, густую вуаль своих ментальных и эмоциональных переживаний. Эта навязчивая субъективность оставляет его наглухо запёртым в сфере личного, где звучит лишь голос собственного *эго*. Ученичество в школе Бога возможно *только* за пределами сферы личного, сферы ума, чувств и *эго*, где внимание не отвлечено и не сковано страхом или беспокойством, где зрение и восприятие *объективны*. Множество психофизических упражнений *садханы* в традиции Адвайта-веданты, в традиции йоги — направлены на то, чтобы успокоить, уgomонить сферу ума, чувств и *эго*, чтобы обрести то внутреннее подтверждение *Истинности*, когда понимание переходит в ощущение, в интуицию. Необходимы покой, отсутствие страха и подавленности, отсутствие противоречивых желаний, отсутствие довлеющих воспоминаний, отсутствие эмоционального возбуждения. Об этом людям постоянно напоминают бесчисленные тексты йоги и Адвайта-веданты. Всё это — лишь для того, чтобы зрение-восприятие ученика оставалось *объективным*, ничем не окрашенным, неискажённым.

38

Когда ум, чувства и *эго* становятся незаметны, прозрачны — сознание раскрывается, расширяется, пробуждается от привычного ступора, насыщается энергией, становится ясным, сосредоточенным и живым. Аля непрестанного пребывания в этом состоянии ученик *не должен терять себя* в мыслях и в эмоциональных порывах. Он не должен отдавать себя ни восторгу, ни страху, ни агрессии, ни унынию, ни страстям, ни циничной смешливости, ни зависти, ни надеждам, ни воспоминаниям. Ни добрые, ни злые эмоции не имеют права овладевать его сознанием.

Ученик являет себя Учителю-Богу полностью, до конца, он не оставляет для *эго* ни единой частички себя. *Весь, каков есть*, он тут, пред алтарём Единого. Ученик всегда, во всех обстоятельствах, - спокоен и серьёзен. Смирение сочетается в нём с готовностью ко всему. Он знает, что путь к величайшему Откровению пролегает всегда — через жертву, через страдание, через отказ от «я» и от всех его «достижений». Он готов к мученичеству и к самоотвержению, он готов отказаться и от телесных, и от умственных благ (накопленных концепций и идей), но он не расстанется ни с мудростью, ни с трезвомыслием. Он оставляет внутреннее пространство незанятым, пустым, открытым для Неведомого. Ученик Адвайта-веданты готов к *абсолютному незнанию* ради прикосновения Истины, ради совершенной открытости. Готовя себя ко встрече с Единым, он учится *непривязанности к знаниям*, оторванным от Единого. Знание принимается лишь ради гармонии, непротиворечивости, цельности внутри самого себя. Мудрый ученик распознаёт между знанием оккультным, «которое надмевает», и знанием не-двойственным, которое рождает понимание и неискажённое видение.

32

Учитель Адвайта-веданты не позволяет ученику увлекаться знаниями о пути души, подчинившейся законам *Лсармы*, астрологии, судьбы, реинкарнации (*метампсихоза*), где неизбежно присутствует личность, психология, привязанность к «я», ограниченность, предыстория, двойственные противоположности. Ученик Веданты принимает участие во временном, лишь служа Абсолюту, Единому, который *не ведает* противоречий и перерождений *личности*, *не ведает* прошлого и будущего, где все переходы и состояния - суть одно, где все уровни и перипетии *кармы* — одно и то же: ад, неистинное, несвобода, *эго*. Идущий путём Адвайта-веданты смотрит на множество глазами Единства. В многообразии мнений и теорий, в учениях о многоступенчатых иерархиях бытия — он видит разнообразие *майи*, красочную игру *шакти*, — и не позволяет себе отвлекаться на эти забавы. Он хочет взирать только на Одно и гасит в себе увлечение множеством, он хранит в своём сердце верность Единому. Истинный учитель, как и истинный ученик, — это образ беспредельного, безграничного, неизменного. Такой человек привносит вкус этой беспредельности - в обычную, полную ограничений и противоречий, повседневную жизнь. Его главная черта в том, что он *непротиворечив*, что он *последователен во всём*.

Истинный учитель, как и истинный ученик, *обязан* быть безупречен во всём, но, оступившись, он без гордыни во всеуслышание признаёт своё падение. Он думает не о формальных предписаниях религии, а о тех обетах, которые хранит его совесть. В нём всё подчинено единой устремлённости к Истине, он как сверкающая снежная белизна, на фоне которой любые шероховатости видны как яркие чёрные пятна.

ни

Ни учитель, ни ученик Адвайта-веданты никогда не прекращают своей битвы с *эго*, ибо *эго* до конца неуничтожимо. Ни учитель, ни ученик Адвайта-веданты никогда не останавливаются на пути познания Тайны и всё большей отдачи ей самого себя. На этом пути нет той точки, когда наступает завершённости, где остаётся лишь неподвижная и величественная статуя Просветлённого. На этом пути нет и тихой гавани, где Освобождённое сознание лишь нежится в лучах Адвайты. Если вместо ничем не ограниченного, неведомого пространства Свободы, с его одиночеством, уязвимостью, незащищённостью и ответственностью *за всё*, учитель предоставляет своим ученикам уютный, хорошо организованный, комфортный уголок, где он сам играет роль заботливого папы или мамы, это, скорее всего, *не* учитель Адвайта-веданты, *не* учитель Истины. В своём комментарии к Бхагавад-гите (13, 2) Шанкара пишет: «Лжеучитель-самозванец говорит: я раскрою сущность пут (*сансары*) и сущность Освобождения, я раскрою сущность *шастр*. При этом он сам сбив с толку и других вводит в заблуждение, ибо отверг традицию рассмотрения смысла *шастр* и, таким образом, пришёл к отрицанию Писания и к домыслам, не соответствующим Писанию».

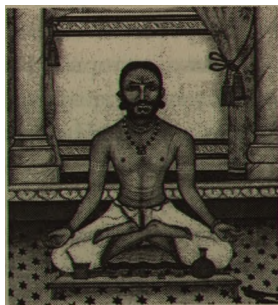
Санскритское слово «учитель» (*гуру*) несёт в себе значение «тяжёлый», «весомый». Оно связано праязыковыми нитями с русским словом «гора» и, соответственно, с понятием «горный», «обращённый ввысь». Теперь слово *гуру* обычно переводят как «рассеивающий тьму». Само *существо* Гуру содержит в себе учение и передаётся искреннему ученику в большей степени, чем любые знания и навыки. Истинный учитель, как и истинный ученик, — демонстрирует учение более своей жизнью, чем лекциями и тренингами. Он *являет* Освобождение, он *являет* жажду Истины и *реальность* встречи с ней — каждым мгновением своей жизни на Земле, каждым словом, каждым поступком. Доверие между учителем и

учеником—это символ единства, символ безупречности и того, и другого. Истинный *ученик*, пребывающий в этом единстве и разумом, и жизнью, даже не имея осязаемого, земного учителя, становится продолжателем традиции Адвайта-веданты, подобно Рамане Махарши, подобно ныне здравствующему (в деревушке в окрестностях Бангалора) сельскому мудрецу Аджже, подобно множеству неведомых нам самородков Духа, рассеянных по Земле и *смирно* пребывающих в безвестности.

32

Ученик мудрости не делает себя *рабом другого человека*, провозглашающего древние истины с учительского седалища (*вьясана*), но находящегося ещё на пути к окончательной Истине. Ученик воспринимает зов Истины, свидетельство Истины, он вкушает нектар наставлений, — чтобы завтра вновь встать на ноги и двигаться дальше. Отдать себя в рабы несовершенному человеку — значит стать заложником его возможного потакания своим слабостям, его возможных заблуждений, косности, ограниченности. Ученик мудрости начинает каждый свой новый день с чистого листа, осознавая себя *учеником Бога* и ожидая Его новых, сегодняшних откровений. Независимо от своей опытности, учёности, философской начитанности, искренний ученик Веданты читает древние тексты всякий раз словно впервые. Классические тексты изначально были созданы как письменная фиксация устных наставлений; они несут в себе преображающую энергию, *если воспринимаются как обращённые к самому себе*. Писания Веданты — это передача просветлённого Сознания, — поверх всех условностей и двусмысленностей языка, — и *ключи* к обретению, обнаружению этого *абсолютного состояния* в самом себе. Сегодня главный и, возможно, единственный Гуру — это *агама*, священные тексты Веданты. Соотнося каждое воспринятое из этих текстов зерно Истины со своим реальным, обыденным состоянием сознания, можно иметь ежедневный *даршан* (встречу с Учителем) и *сатсанг* (общение со Святыми). *Агама* имеют и свидетельствуют всегда одну-единственную Цель, высота и абсолютность которой должна быть явна в ученике во всех жизненных ситуациях. Обнаружив в самом себе множество этически и логически несовместимых целей, — ученик *уже получил* своё наставление. Внутренне он *знает*, что делать, хотя внешне он может никогда не сознаться в том, насколько программа насущных действий для него самого *очевидна*.

Цельность, простота, прямота, несомненность Сознания, явленного в санскритских стихах *агама*, делают для читающего их с верой ученика бестолковый, расслабленный, двусмысленный, противоречивый стиль жизни невыносимым. Отсутствие твёрдости духа и *единого стержня* внутри, — что ничего не значит и незаметно «для мира», — начинает мучить сердце ученика, требуя что-то предпринять для исправления ситуации. Известные ему одному поступки или чувства, направленные к кому-то из людей, *не* исходящие из любви и сострадания, из *искреннего желания Спасения всем*, остаются колючками в сердце, которые скребут и зудят, ибо на эту двойственность направлены прожектора священных текстов Веданты. Грешки и грехи, мелкие пакости и тайные злодеяния, эгоистические «задние мысли» или сектантская гордыня, грубое отношение к ближним или ненависть к инакомыслящим — не пустят человека дальше формальной, фарисейской праведности. Внешняя, показная «духовность» *не замечает* нечистоту внутри сосуда, но для человека, пытающего достичь Бога, это означает крушение и падение в пропасть, окончательную утрату всякой надежды. Следование «двойным стандартам» и познание не-двойственной Истины не могут сосуществовать в одном человеке. Два медведя не живут в одной берлоге, один из них должен уйти. Жизнь ученика, не обретшего цельности, не разрешившего в себе *всех* противоречий, превращается в противодействие самому себе, в бессмыслицу и абсурд. Известное высказывание Шанкары: «Тот, кто видит единое Я во всех существах, но при этом считает кого-то своим врагом, воистину пытается сделать огонь холодным».

ДИСПУТ

Истинная Веданта не идёт по пути политкорректного «не судить», «не выносить суждений». Древнейшая традиция Веданты - и до, и после Шанкары, — состояла в познании Истины через состязание мнений, через философскую беседу, диспут, теоретическую аргументацию (*вада* или *витанда*). Содержанием этой главы станут многочисленные «разночтения», незаметно укрывшиеся за торжественной вывеской Единства. Это спор, который теперь ведут обычно не учителя Веданты между собой, но *это* и истинное Я - в судьбе конкретного ученика, конкретного человека. Либо собеседниками могут быть разные части многоликого *это*. Предметом разногласий являются вещи тонкие, неосязаемые для ума, никак не вовлечённого в практику. Источники этих мнений сокрыты в древнейших текстах и в оттенках их интерпретации. Попытка рассмотреть их в прямом состязании оказывается чрезвычайно грубой, порой неадекватной, как набор абстрактных обобщений. Их подлинное состязание происходит в живых, конкретных ситуациях, через которые проходят учителя и ученики Веданты, и познаётся по сладким и горьким плодам их зафиксированной в истории жизни.

3*

Использованный ниже термин «нео-адвайта» является личным, авторским, произвольным. Он не имеет конкретной привязки (по этой причине он, кстати, пишется с маленькой буквы). Это лишь способ обозначить комплекс идей, не более того. Упрощая и обостряя, мы просто попытаемся вчувствоваться в эти вопросы, поставить жирное «нота-бене», чтобы впоследствии, на практике, в реальной жизни — колокольчик зазвенел в тот момент, когда необходимость принимать решение или делать выбор встанет во весь рост. Вся высота, вся необъятность откровений Адвайта-веданты интуитивно понятна современному человеку, который испытывает благоговение перед бескрайними горизонтами, открывающимися в современной физике, астрономии и других науках. Интуитивно человек ощущает свою сопричастность, своё тождество всеобъемлющему Единому. Но эта высота и необъятность *меркнет* в сознании человека, когда он сталкивается с непреодолимой стеной повседневных противоречий, эмоциональных и мыслительных пертурбаций, всех проблем и всей

дуки своей обыденной жизни. Человек слушает учителей Веданты, христианских святых и т.д., переполняясь восхищением и восторгом, а затем возвращается к своей обычной эмоциональной неустойчивости, пытаясь как за ниточку держаться за то, что он там услышал.

3*

Но метод Веданты — совсем иной. Учителя древности не предполагали, что за их знание кто-то будет эмоционально или мысленно *цепляться*, и, сохраняя равновесие, *удерживать себя* от погружения в суету. Они рассматривали свои тексты как учебник по преображению, перерождению самосознания — от раздробленности к Единству. Писания Веданты требуют рождения себя заново, это кнут, который гонит сонное сознание к пробуждению, очищению, изменению всех его жизненных проявлений. Принимая заинтересованного и достойного ученика, учитель раскрывал ему секрет того, как превратить заинтересованность во *всегда пылающий*, безо всякого топлива, огонь (*джнянагни*). Этот огонь, не нуждающийся в постоянном «раздувании», но способный осветить космический мрак сна и неведения, передаётся каждому, кому случится приблизиться к носителю такого пламени. Учителя Веданты предполагали, что этот огонь устремлённости будет *сам* вести ученика через трудности суровой дисциплины, аскезы и медитативной практики. Всё личностное в ученике должно стать *бесличностным* отражением Истины, которой он служит. *Безличностными* должны стать помыслы, эмоции, желания, намерения и поступки. Учителя древности брали на себя ответственность за всё, имеющее бытийную ценность, с презрением отбрасывая мелочи обыденности. Они предполагали и в учениках готовность брать на себя безграничную ответственность за всё.

32

Вся психология, с её многоэтажными проблемами, травмами, взаимозависимостями, подлежала уничтожению в ученике Веданты раз и навсегда, рассекаемая *мечом знания* как кочан капусты. Ученику предлагалось смотреть в глаза себе вчерашнему, смотреть в лицо всей «психологии», собирательно именуемой *сандеха* (сомнение), — и усердно работать *мечом знания*, ничего не удерживая, ни о чём не скорбя и не сожалея. В этом нет ни тени нищества. Ученику Веданты предстоит

стать не «сверхчеловеком», а смиренным человеком, человеком без *эго*: тем истинным человеком, о котором говорят христианские святые, чьи цитаты в изобилии приведены в конце предыдущей главы. *Мир личности* в общепринятом человеческом понимании — есть для Веданты лишь *эго*. Это тот кокон, скафандр, внутри которого «я» живет отдельной жизнью, заикленной на своих личных переживаниях. *Эго*, в понимании Веданты, — это яростная защита своего права быть «самому по себе», постоянный поиск своей роли во всеобщем спектакле, поиск своей точки на карте социума. Это потребность лелеять и оберегать свой мыльный пузырь, это страх *вторжения извне* и *выхода наружу*. Это поиск своего места под одеялом неведения. Дом без окон и дверей, гроб прочный и богато украшенный. Зверь, возжелавший стать Богом.

«В сердце каждого действительно сидит дикий зверь, который жаждет только случая, чтобы посвирепствовать и понеистовствовать в намерении причинить другим боль или уничтожить их, если они становятся ему поперек дороги. Именно из этого «зверя» проистекает страсть к борьбе и к войне, что задаёт работу его спутнику, сознанию, которое его обузывает и сдерживает в известных пределах» (Шопенгауер). Посвятив всю свою философскую «лиру» описанию и анализу *эго*, Артур Шопенгауер (1788 - 1860) определяет его как *волю к жизни* (der Wille zum Leben): коренное, наиболее глубинное желание жить и наслаждаться отдельно, единолично, находя удовольствие в подавлении других, в собственном превосходстве и в страданиях всех, кроме самого себя. «Мир всё равно, что ад, в котором люди, с одной стороны, - мучимые души, а с другой — дьяволы», - пишет Шопенгауер. И добавляет: «Некоторые люди были бы готовы убить своего ближнего просто для того, чтобы смазать себе сапоги». В своём ничтожестве и убожестве, страдании и бесконечных амбициях, человек испытывает нездоровое чувство удовлетворения, он ощущает своё страдание и свои амбиции — особыми, ни на кого не похожими, исключительными. Он держится во всех своих достижениях и даже в своём мучении — за свою непохожесть и отдельность от всех остальных и всего остального, локализуя себя в бесконечном мире как неповторимую личность, *эго*.

Это окружает душу толстой бронёй самоидентификации, где есть только «я», но нет места ближнему и, тем более, нет места Богу. Из этой отдельности рождаются превозношение, гордыня, поправление «иногое», зло и наказание за зло — страдание. В этой отделённое™ от Единого — циклично повторяется процесс самоидентификации *личности*, который ведёт к дальнейшему закабалению души в неведении. «Ибо», — как утверждает Шопенгауер, - «*miseria humana* (человеческое страдание) и *nequitia humana* (человеческое неведение) равны по величине и вполне соответствуют друг другу». *Это* — это отождествление себя с неживым, неистинным, невечным. Это свобода без любви и без самопожертвования. Это бог иной, кроме Единого, бог, чуждый любви, бог человеческого ума. *Это* — это самозванец, отчаянно борющийся за право сидеть на престоле. Это ум в прошлом, настоящем и будущем, светливый слуга, привыкший к роли скучающего властелина. *Это*

- *Это* самоутверждение несуществующего, это язычество души, это потребность быть любимым, известным и безответственным. Это вечное цепляние за «ничто» и вечный страх перед пустотой «ничто». Это гордое малодушие, это бесконечное копирование умом самого себя. *Это* — это *карма*, инерция, круг, цикличность бессмысленного повторения, это первородный грех, каждым вновь и вновь, привычно и непрерывно совершаемый.

Эл

Шри Рамана Махарши сказал, отвечая на вопрос посетительницы (беседа 26.01.1936): «Если мы ассоциируем своё истинное Я, Атман, с *это*, то становимся *это*, если с умом — умом, если с телом — телом. Именно мысль воздвигает оболочки многоразличными способами. Тень на воде - движется, и может ли кто-нибудь прекратить движение тени? Если бы это удалось, то вы заметили бы не воду, а только свет. *Это* - это самозацикленная мысль «я хочу», «я желаю», но истинное

— это Атман». И далее: «*Это* напоминает человеческую тень. Глупо пытаться закопать её. Существует только Я, Атман. Если существующее ограничивается, сужается, то мы видим лишь *это*. Если же ограничения нет, мы видим Бесконечность, Реальность. Пузыри отличаются друг от друга, и их множество, но Океан только один. В «Йога-Васиштхе» сказано: «То, что реально, скрыто от нас, а то, что ложно, кажется единственно существующим». Реальность — это утрата *это*. Уничтожьте *это* исследованием его реальности. *Это* не имеет подлинного бытия, и

поэтому оно, будучи исследуемо, исчезнет, а Реальность воссияет. Это прямой путь, все остальные духовные практики выполняются при помощи *эго*. Поиск «кто я?» - это топор, которым *эго* может быть отсечено».

ЗЙ

Эго переменчиво, тогда как истинное Я неизменно. *Эго* раздробленно и многослойно, но истинное Я просто и невыразимо - как исходная точка бытия. *Эго* увлеченно питает себя духовными практиками и религиозностью, но оно заклятый враг их подлинной Цели. *Эго* убеждает нас в том, что абсолютное Совершенство невозможно. Оно же соблазняет человека возомнить себя Достигшим, которому «позволительно всё». *Эго* нашептывает человеку, что его шанс упущен, что доступное иным - ему недоступно. И *эго* же хочет по любому поводу возвышать себя над другими. *Эго* - это безобразное чудовище, которое остается хозяином в человеке от первого до последнего мгновения его жизни, - если не происходит нечто, нарушающее естественный ход событий. Укротить это чудовище должен сам человек - силой благодати Божией, благодаря помощи Учителя или мудрых наставников, духовных друзей, попутчиков-товарищей на пути к Богу, на которых Бог укажет человеку. Все наставления Веданты, христианства или сокровенного Советчика, обитающего в каждом сердце, - направлены на то, чтобы показать ученику, ка/г может быть, наконец, расколота скорлупа, которая закрывает человека и от мира, и от Бога. Душа подобна цыплёнку, который проклёвывается изнутри и открывает для себя красоту и радость окружающего мира. Но часто скорлупа так прочна, что только Бог может пробить ее извне. *Эго* - это толстая, многослойная скорлупа вокруг живой искры Души (*джива*), внутри которой душа несвободна и нуждается в Освобождении, Спасении. Если не разрушение, то превращение этой скорлупы в невидимые, совершенно прозрачные одеяния, - вот цель того обучения, через которое ведантические Учителя на протяжении многих столетий проводили своих учеников. Ради этого обучения написаны все тексты классической Веданты.

ЗЙ

Сегодняшний человек лишён возможности ученичества в живом общении с Гуру во плоти и крови. Он обращается к первоисточникам

евнего знания, к текстам Веданты, пытаюсь с их помощью познать различения между Источником света и неживыми объектами, ^одушевлённые структуры *эго*, освещённые этим светом, *кажутся лсивыми* и считаются неотъемлемой частью человеческого существа. Веданта рассматривает *эго* как совокупность пяти оболочек (*коша*): телесно-физическая оболочка (*аннамайякоша*), астрально-энергетическая оболочка (*пранамайякоша*), оболочка памяти, аналитического и страстного ума (*маномайякоша*), оболочка мудрости, различения и познания (*буддхи* или *виджнянамайякоша*) и оболочка блаженства (*анандамайякоша*). Так, «снимая» *кошу* за *кошей*, ученик Веданты достигает в своём исследовании неизменного основания Я, Первоисточника той *жизни*, которой неведение наделяет неодушевлённые структуры *эго*. Все оболочки, все слои *эго* - безжизненны сами по себе, но «оживают» благодаря тому свету, которым сияет сам источник жизни - истинное Я, Атман. Шанкара так говорит об этом в своём «Толковнике изречений» («Вакьявритги», 12-18). «Отбросив ошибочное отождествление себя с телом и иными (оболочками, аспектами *эго*), всегда знай себя как Я (*атматайя*). Ты - сознание (*бодха-виграхам*), бытие и блаженство (*сатъя-ананда-сеарулам*), свидетель, созерцатель мышления». «Итак, приди к заключению: Я - зрящий движение чувств, но не сами чувства. Утвердись в понимании: Я - не ум (*манас*), не распознающий разум (*буддхи*), не энергия (*прана*)». «Пойми, Я - не сочетание (тонких и грубых оболочек, аспектов *эго*). Обрети окончательную ясность: Я - созерцатель, всегда отличный от созерцаемого». «Осознай, что Я есть Тот, рядом с которым лишённые жизни структуры *эго* (тело и тонкие оболочки) обретают способность действовать - принимать или отталкивать». «Знай безо всякого сомнения: Я — Тот, кто не подвержен переменам, глубочайший, движущий разумом и иными (оболочками, аспектами *эго*), как магнит перемещает железо. Пойми это окончательно».

Смысл *брахма-джняны* не в том, чтобы потерять способность реагировать на происходящее, *не* в том, чтобы стать ничего не чувствующим роботом. Ученик должен обрести совершенную власть над сферой чувств и ума, *стоя вне* этой сферы. Что бы ни происходило внутри или вовне, то, что *исходит из сознания*, — должно оставаться чистым, совершенным, богоподобным, должно являть «вкус» Атмана. Ибо та Истина, которой ученик Веданты посвящает свою жизнь — пребывает

вне сферы чувств и ума. Истина не меняется, не колеблется и не зависит от чего бы то ни было. Взгляд ученика Веданты не уклоняется от многообразия *жизненного опыта*, он лишь исходит из Я. Поэтому его интерес *не ограничен* жизненным опытом, он устремлён во глубину, в первопричину этого опыта, в первооснову происходящего. Люди, чей взгляд скользит по поверхности, *теряют себя* в потоке мыслей, чувств, воспоминаний, фобий и привязанностей. Но ученик Веданты не может себе позволить *терять себя*, он посвятил свою жизнь поиску себя. Его задача — не увлекаться потоком, но обрести постоянство.

32

Читая о жизни Учителей и учеников Веданты в бесчисленных санскритских «житиях», которые входят в канон традиции, легко заметить, что они не теряли способности воспринимать и адекватно отвечать на события окружающей реальности — повседневной жизни. То, как они это делали, отражало высоту, изящество и непобедимость их философских постижений. Их слова и поступки становились частью учения, единой и равной своим сиянием той Тайне, которую они несли миру. Адвайта-веданта отличается от современных путей самосовершенствования («ню-эйдж») тем, что опирается на древнюю письменную традицию, за которой стоят сотни тысяч подвижников, соединивших свой духовный опыт и аналитическое исследование Реальности, помноженные на усердие, самоотречение и аскезу. Веданта имеет конкретный, исторически зафиксированный канон: Веды (Риг, Яджур, Сама, Атхарва), *веданга* (*шикша* — произношение, *вьякарана* - грамматика, *чанда* - стихосложение, *нирукта* - толкование, *джьотиша* — науки, *кальпа* - обряды), *пурва-миманса* (знание о мантрах и ритуалах), *уттара-миманса* (познание высшей Истины), *ньяя* (философия и логика), *пураны* (исторические повествования, направляющие к богопознанию), *дхарма-шастры* (этика, правила поведения). Ведическая основа Адвайта-веданты — это *упанишады* и *араньяки*, которые канонически считаются комментариями к четырём Ведам. Они являют то, что стоит за гимнами и жертвоприношениями, раскрывая их суть, те истины, ради которых даны Веды. Веданта («венец Вед», «окончательное Знание») — это *уттара-миманса*, высшая миманса. Она объясняет соотношение реального и нереального, сокрытого и явленного, причины иллюзии и заблуждения, приводящие ко греху и страданию. Веданта формулирует те принципы, те знания, на которые

может опереться человек, желающий знать Истину такой, как она есть, и положить конец неведению.

32

Адвайта-веданта (Веданта недвойственности) совмещает в себе парадоксы, неразрешимые для ума: Атман, самотождественный, вечно единый, неизменный, лишённый качеств алмаз Сознания — это первоисточник беспорядочной деятельности *эго*, противоречивой активности (*картритва*) в мире множественности и иллюзии (*виварта*). *Ниргуна-Брахман* - великое Непроявленное, неизменная и вездесущая основа всего - первопричина переменчивой, непрерывно эволюционирующей вселенной. Непостижимое, неопишное Высшее Я - всепоглощающей жадой самопознания (*брахма-джджняса*) влечёт к себе пробуждающееся «я», способное осознавать себя лишь посредством ума и мирской жизнедеятельности. Высшее Я побуждает к самопознанию. Однако Адвайта-веданта Шанкары утверждает полную нереальность чего-либо иного, кроме Единого. Таким образом, познание бессмысленно, лишено и цели, и средств, ибо всё частичное нереально, реально лишь Целое.

32

Всякое познание несоразмерно (*апраматритва*), иллюзорно и лишь как *упадхи* «накладывается» (*адхьясыате*) на Непостижимое (*Атман, Брахман, Абсолют, Я*). Но, вместе с тем, Адвайта-веданта призывает ученика к пониманию, *к усилению* самопознания. Большинство текстов Шанкары — это полемика, вопросы и ответы, активный спор и поиск Истины. «Непосредственное знание» (*апарокша-анубхути*), «самопознание» (*атмаджджняна*), «пробуждение Истинного Я» (*атмабодха*) - таковы названия знаменитых трактатов Шанкары. В самом названии они содержат идею постижения Непостижимого, они предлагают прыгнуть в Неведомое, сделать шаг в открытый космос, и в этом они — парадоксальны, но не противоречивы. *Ниргуна-Брахман*, необъяснимый, непроявленный, не подпадающий ни под какое определение Абсолют, — единственно существующая реальность, хотя и сокрытая под покрывалом иллюзии, — реальность, помимо которой нет ничего иного. Но при вновь и вновь повторяемом утверждении об абсолютной иллюзорности всего, что не есть *Ниргуна-Брахман*, в текстах классической Адвайта-веданты

преобладает учение о том, что Первооснова (*Брахман*) — изначально неделимое единство — *открывается через преодоление* иллюзии, через проникновение за её покрывало, что является сознательным, целенаправленным действием. Так Веданта переходит к *практике* к окончательному *выходу из-под власти* эго, неведения, заблуждения, неспособности видеть Истину и быть Истиной.

<<Две птицы, подобные друг другу, неразлучные друзья, порой садятся на ветви дерева и вьют там гнездо. Но одна из птиц любит клевать плоды, (которыми усыпаны ветви), другая же, превосходящая первую красотой и силой, не притрагивается к плодам». «Птица, которая не притрагивается к плодам, исполнена мудрости, ей открыто и внутреннее, и внешнее. Но той, что жадно клюёт плоды, неведома мудрость, её неведение связало её узами рабства, а мудрая птица - вовеки Свободна. (Уддхав-Гита, 6, 6-7). Мудрая птица, Истинное Я — всегда рядом, это безграничный источник познания, радости, жизни. Истинное Я — это сам Бог прямо здесь и прямо сейчас. Но Веданта *ставит ученику задачу* пробудить «уснувший» образ Божий во глубине сердца, сделать Его самоочевидным, сделать Его подлинным владыкой своей жизни вплоть до самых её земных проявлений. *Это будет всегда* занято поглощением плодов с ветвей дерева-тела, ему не оторваться от самого себя, от своей самозабвенной игры вещами, эмоциями, планами, намерениями, страстными помышлениями о прошлом и будущем. Веданта требует либо уничтожить его, либо сделать ничтожным, незаметным, невидимым в ослепительном свете знания Атмана. «Лишь знание (*джняна*) устраняет неведение (*авидья*), подобно свету, разгоняющему мрак. Из-за *авидьи* Атман представляется как бы ограниченным: когда же мрак неведения исчезает, то Атман, будучи единым, сам проявляет себя, словно солнце, рассеивающее тучи. *Благодаря постоянному упражнению* существо, оскверненное *авидьей*, очищается знанием. Совершив это, и само знание исчезает» (Шанкара, «Атмабодха»).

32

Уничтожение коренного неведения (*мулааджняна*) *равносильно* *узнаванию* (*прагьябхиджня*), т.е. преодолению уз, оков *аджняны* (*авидьи*). *Усилие* по преодолению ошибочного понимания - на всех уровнях иллюзорной,

воистину несуществующей псевдо-реальности (*виварта*),— есть действие, усилие (*праятна*). Это единственное действие, которое должно быть, согласно учению Шанкары, с великим усердием *совершаемо*. Действие это есть усилие, стремление *ис* увидеть себя неделимо единым, *тождественным* той безгрешной простоте и любви, которая созерцаема в пустоте и сиянии единственно существующей Реальности. Сознательное приведение себя в соответствие этой божественной простоте и любви означает дерзкую попытку воспротивиться власти *эго*, которое составляет основу всей нашей повседневной жизнедеятельности. Классическая Веданта, как монета, имеет две стороны: путь действия (*п्राвритти-марга*) и путь отречения от любых действий (*нивритти-марга*).

32

Однако, не все учителя Адвайта-веданты согласны с тем, что в учении о нереальности всего, что не есть Абсолют, есть место действию, усилию, устремлению, познанию Абсолюта и самопознанию. В конце двадцатого века возобладало то понимание Адвайта-веданты, — подспудно существовавшее, безусловно, на всём протяжении её истории и, возможно, окрашенное философским влиянием буддизма, — что само усилие, само устремление есть *авидья*: препятствие, барьер, корень человеческой неспособности видеть Истину. «Нео-адвайта» учит, что *недеяние* самодостаточно, ибо мы *уже свободны*, ибо изначально не существует какой бы то ни было несвободы, и никто не нуждается ни в познании себя, ни в понимании, ни в освобождении. Это утверждение может легко быть обосновано множеством высказываний классической Адвайта-веданты. Из этого делается вывод о том, что никакие действия и события в мире *виварты* не имеют никакого значения. Что-либо *совершаемое*, дурное или доброе, — образ жизни, жизненные приоритеты, поступки, уровни понимания, ступени постижения Истины, — всё это ничего не меняет, ибо всё неизменно. Всё *совершаемое*, любые ступени — изначально суть иллюзия. Всё это, от начала до конца, — порождения заблудшего ума, которые не оказывают влияния на ничем не нарушаемое блаженство (*ниджананда*) истинного Я.

32

Механизм тела-чувств-ума-эго (bodymind), т.е. «деятель» (*карта*) в понимании нео-адвайты, по определению *запрограммирован*, он не может

менять направление и нести ответственность. Внутри этого «деятеля» нет никого, кто мог бы принимать решения, и поэтому все его *действия* бессмысленны, они ничего не способны изменить и ничего не значат, — с точки зрения абсолютной Истины. Это машина, которая молотит, мигает, крутит шестерёнками, ездит по рельсам туда-сюда, - и ей нужно дать отбарабанить всё, заложенное в ней. Нео-адвайта предлагает освободить этого робота от всех обязательств и ограничений, с тем, чтобы он, когда ему предопределено, отгромыхал и успокоился. Или же попросту не отвлекал сознание от Главного. Сценарий прошлого и будущего изначально записан, плёнка давно уже заправлена в бобину и крутится. Всё происходит так, как предreshено, и сознание может лишь *признать* эт)' неотвратимость, эту предreshённость. Нео-адвайта предлагает расслабиться и получить удовольствие, не впадая в то заблуждение, что чьё-то усилие, решимость, воля — способны сдвинуть хотя бы пылинку с пути судьбы, предписанного ей от сотворения мира. Нет ни критериев добра и зла, ни того, кому дано выбирать и решать. Единственный на свете грех заключается в том, чтобы считать себя грешником. Абсолют — это одинокий игрок на поле нео-адвайты, кроме Него ничего нет, не было и не будет. Он ведёт игру, он судит, он же распоряжается и наслаждается. Он выдумал всё это, он и совершает всё, что совершается.

ЭЙ

В нео-адвайтической интерпретации, Абсолют-художник рисует огромную, постоянно меняющуюся картину мира, которая всегда остаётся незавершённой. Он выбирает краски, наносит их на холст и любит, глядя на своё творение. Насладимся же и мы, говорит своим ученикам нео-адвайта, ибо это всего лишь картина, не имеющая в себе никакой реальности, кроме фантазии живописца. Человек, вовлекаясь в эту мнимую реальность, теряет ощущение её нереальности, он принимает всё взаправду, он беспокоится, стремится оказать влияние, пытается чего-то достичь, чему-то противостоять. Человек зря теряет своё время на бессмысленные усилия, вместо того, чтобы праздновать, смеяться и с лёгким сердцем созерцать происходящее. Ведь он всегда был, есть и будет *брахма-ништа* (пребывающий в Едином). Сводя весь опыт человечества к нулю, объявляя его чередой безнадежных заблуждений, не имеющих никакой практической ценности, нео-адвайта делает заключение о *бесцельности, бессмысленности всего*. Вся

совокупность деяний этого мира (*карма-самья*) — иллюзия, не стоящая нашего внимания чепуха. Не имеет ни смысла, ни реальности любое сознательное участие в жизни людей, в том числе и побуждение помогать, делать добро, достигать каких-либо целей или дарить кому-то любовь, поддержку, сострадание. Усилие воздерживаться от зла, усилие принимать правильные решения и поступать достойно, усилие преодолевать собственную инертность и страсти, - по мнению нео-адвайты, так же абсурдно, как и любое другое усилие.

В традиции Адвайта-веданты можно найти обоснования для такого мировоззрения. Таково учение *майявады*. Но таков ли *путь* классической Адвайта-веданты, этому ли она учила тех, кто принял её не как философскую игру ума, но как практику, как Путь? *Вистину ли* нет в ней ни лестницы, ни ступеней, ни стремления по ним взойти, ни самого Восходящего, снедаемого неутолимой жадной Истины (*брахма-джиджняса*)? Ведь все эти понятия мы находим и в текстах ведантического канона (*ифути, смрити*), и в комментариях учителей, включая самого Шанкару. Весь канон Адвайта-веданты подобен призыву, повелению. Однако то, что надлежит совершить ученику Адвайта-веданты, не похоже на действия, совершаемые людьми из эгоистических побуждений. «Да будет воля Твоя!» - великое изречение (*махавакья*) и ведических гимнов, и главной христианской молитвы — не означает безволие, безвластие, безгласность человека пред совершаемым и совершающимся. Произнося «Да будет воля Твоя!», человек сознаёт «искушения» (*васаны, санскары, клеши*) и оберегает себя «от лукавого» *{от майи}*. Он не отвергает память о своих «долгах» перед людьми (*карма* и *дхарма*), наоборот, он принимает на себя ответственность за свою жизнь и за весь мир.

32

Вера нео-адвайты в то, что всё движется (или пребывает в неизменности) *само по себе*, что люди — лишь актёры в абсурдном спектакле *и не более того*, — рождает свободу хаотического безразличия, свободу потакания *эго*. Подобно экзистенциалистам, самоуглублённая *личность* воспринимает себя *лишь как эго*, я — ни за что не отвечающая машина (*bodymind*), бессмысленно скитающаяся среди подобных ей машин, ненужная пылинка тварного космоса, механическая игрушка

неведомых сил. Этическая амбивалентность, равноценность добра и зла, отрицание всякой разницы между грехом и праведностью, упразднение «поведенческих заповедей» Библии и Бхагавад-гиты, - это философская индульгенция на любой разврат или злодеяния. С точки зрения древней Адвайта-веданты, нео-адвайта передаёт людям *огонь* (сокровенное знание о недвойственности), не предупреждая о том, как им пользоваться. Ориентируясь на желание современного человека не иметь проблем, - так, чтобы разом избавиться от сомнений, от мук совести, от повседневных стрессов, - нео-адвайта допускает фривольное обращение с абсолютной Истиной.

Классическая Адвайта-веданта, учение Упанишад, Шанкары и Раманы Махарши, в отличие от нео-адвайты, содержит идею о том, что внуфи паровоза (*эго, bodymind*) сидит машинист (*джива*), пусть пока полупьяный-полуспящий, но всё же способный открыть глаза, и это его открытие глаз *имеет* величайшее значение. Теперь уже паровоз не просто вперёд летит. Машинист, независимо от своего состояния, - всегда в ответе за то, куда и как движется его паровоз. Такое смещение акцента есть шаг от экзистенциального абсурда, от безысходного детерминизма к эволюционной, творческой Свободе, где каждое действие, каждый помысел, каждый проблеск сознания, каждый вздох предельно важен *с точки зрения всего сущего*. Учителя нео-адвайты настаивают на том, что вершится лишь судьба, предначертанная свыше забава, бесконечная мозаика, где нет ни добра, ни зла, ни действия, ни смысла, ни цели. Это чувство воистину даёт стабильность покоя, избавляя от борьбы и от любых обязательств, однако лишает побудительной энергии (*иччхашакти*), воли к пробуждению, к преодолению, к прыжку через великую пропасть. Полный детерминизм и совершенная безответственность «я» - великолепно дают возможность сбросить напряжение, смыть с себя все заботы и противоречия. Искреннее следование нео-адвайте может приводить к «поглощению ума» (*самапатти*), к вдохновенной спонтанности. Но даст ли нео-адвайта своим ученикам то *бесстрашие* ту *самоотверженность*, ту *решимость*, ту *совершенную цельность*, которые необходимы для окончательной Победы? Будет ли *джива*, ведомая учением нео-адвайты, готова прыгнуть в огонь Освобождения в реальной жизни, а не только на словах, не только в своей голове?

учение нео-адвайты, несомненно, имеет много общего с классической философией и «умонастроением» древнеиндийской метафизики. Это, безусловно, шаг на ступень более высокую, чем привязанность «конкретным практикам», «методикам самосовершенствования», к идеологии «работы над собой», но за этой ступенью часто открывается плато бесцельности и нигилизма. Это равнина покоя, где есть место красоте, где есть место юмору, но плато есть плато: здесь отвыкают взбираться в гору, здесь отвыкают прыгать над бездной. *Недеяние* без любви и жгучего сострадания, *недеяние* без принятия на себя ответственности за весь мир - это всего лишь башня из слоновой кости, божественный транквилизатор, «чай для одного». Подобно тому зиккурату, который возводили библейские строители вавилонской башни, *недеяние* может легко стать обителью *эго*, персональным убежищем «я», где под маской Адвайты будет скрываться гордыня.

Эй

Недеяние может превратиться в путь потакания своим страстям, лени, желанию понежиться в бездельи. Если тьма *недеяния* не будет озарена светом сознательного служения людям (*самадж-сева*), эволюционного *сотворчества* (вспомним учение Бхагавад-гиты, вспомним легендарные жизнеописания Шанкары и других учителей), такое *недеяние* может стать ловушкой и тушиком, где «всё равно» означает «всё дозволено». *Недеяние* учит покою, извлекает сознание из марева мирской суеты и ставит его лицом к лицу с Неведомым, где всякое знание, всякое усилие, всякое желание что-либо изменить оказывается бессмыслицей. Но Неведомое таит в себе не только статику, покой, неизменность. В нём есть энергия просветлённого действия, динамика, повеление «встать и идти», призыв к служению. Вспомним, как Иисус мягко разубедил своих учеников в том, что надо идти в близлежащие селения, дабы накормить собравшийся народ. Обратившись в молитве к Отцу и преломив хлеб, он дал им неисчерпаемый источник пищи, без необходимости обычных для человека усилий, в *недеянии*. Однако, познав чудо *недеяния*, уже в этой новой, запредельной ситуации, ученики должны были сами раздавать народу хлеб и рыбу, полученные от их Учителя и Господа. Куски хлеба и рыбы не полетели к людям в руки по воздуху, но от

учеников потребовалось *служение*, новый вид деяния: бескорыстный и безличностный, в сотворчестве и единстве с Богом.

ЗИ>

Нео-адвайта учит, что само понятие о добре, о смысле, о созидательном эволюционном движении, вообще о любом жизненном проявлении как-то связывающем человека с другими людьми, — суть лигцэ измышления человеческого ума, столь же бессмысленные и нереальные, как и любые действия, будь то помощь нуждающимся или любые проявления зла, ненависти и разрушения. С точки зрения нео-адвайты, всё просто существует, без изменения, вне всякой связи с нами, с нашей волей, с нашим желанием творить добро или зло (или просто немедленно уйти из жизни). Сознание, *единственное, что воистину есть*, ни на грош не интересуется нами, людьми, нашими представлениями о Нём и о самих себе, и вообще чем бы то ни было, будучи полностью, окончательно *не вовлечённым ни во что*. Оно совершенно недоступно обычному человеческому восприятию, оно живёт в самом себе особой, таинственной, неподвижной жизнью. Не ведая Я, человек *полностью* пребывает в мире иллюзии. Одна иллюзия перед ним - в бодрствующем состоянии, другая - в сновидениях, третья - во сне без сновидений. Что бы он ни делал в бодрствующем состоянии или в сновидениях, об этом можно забыть сразу же, в следующее мгновение. Радикальная нео-адвайта отрицает законы *кармы* и любые обязательства (*дхарма*) вместе со всей остальной иллюзией, вместе со смыслом и законами всего и вся. Всё «происходящее» происходит случайно, спонтанно, не неся в себе никакого смысла, совершенно независимо от чьего-либо сознания, воли, ответственности, «грехов» или добродетелей», стремления к добру или ко злу. Ибо, по мнению учителей нео-адвайты, всё «происходящее» никогда и не происходило, будучи изначально несуществующим, как само «я», самосознание, восприятие, воля или ответственность за что бы то ни было...

Нео-адвайта лишает жизнь человеческую цели,—ради того, чтобы покой стал невозмутимым, ненарушаемым, непроницаемым. «Ты совершенен, божественен, тебе нечего обретать или терять, ты Бог — таков как ты есть, прямо здесь и сейчас. Ты можешь быть каким угодно, совершать

«ди не совершать что бы то ни было... Но ты — Бог, совершенство, независимый от игры окружающих тебя, никак не подчиняющихся тебе потоков событий. Ты — единственная Реальность в этом иллюзорном мире материи, тел, умов и досужих человеческих идей о добре и зле, полностью относительных, случайных, никак не связанных ни с Реальностью, ни друг с другом». Продуцируя мысль, человек, по мнению радикальной Адвайты, ставит непреодолимую стену между восприятием и Реальностью; он находится в состоянии неразрешимого конфликта между своей человеческой природой и своей божественной природой Абсолюта. И от того игривый тон нео-адвайты, когда она говорит о бытии как о шутке, забаве, развлечении, порой приобретает оттенок абсурда, — в смысле отчаяния и безнадёжности. Бесконечность досуга, бесконечность ничегонеделания, — для этого ли миллиарды лет развивалось сознание из глубин неорганической и органической жизни, засеявшей своими семенами поверхность планеты Земля, чтобы через развитие животных форм создать человека? Человек, наделённый разумом и чувствами, тончайшими и многофункциональными инструментами познания и реагирования, способный подобно Творцу творить и созидать, созерцать и возвещать Истину, — должен ли он, в конце концов, уподобится красивому камню? Или ему надлежит бесконечно веселиться и праздновать, «отдыхая от суеты»? Ещё древние римляне на закате империи убедились в том, что праздность, даже просветлённая, это — своего рода тупик: *otium sine litteris mors est et hominis vivi sepultura*. Досуг без духовного делания есть гибель человека.

3g

Но для нео-адвайты тупик и даже гибель — не проблема, ибо никого нет, кто бы мог зайти в тупик, оценить смысл или бессмыслицу своего бытия. Нет и никогда не было никого, кто бы погибал или рождался, кто бы мог быть спасён или, наоборот, низвергнут в пучину страдания. Тут и убийство не грех, и горе не беда. Единственный грех для нео-адвайты — это считать себя грешником. Ведь никого нет и быть не может, кто совершал бы что-либо, воспринимал бы, осознавал или нёс бы за что-то ответственность. Есть лишь неопределимые энергии мысли, которые случайно и неконтролируемо взаимодействуют между собой, помимо решений и воли, не являясь причиной или результатом чего-либо. Богословие радикальной Адвайты предельно просто: Я — Бог.

Или: я - не существую, ничто не существует, возможно, и Бог также не существует. И уж, в любом случае, не существует здравый смысл как способ самосознания человека во взаимодействии с окружающим бытием. Нео-адвайта, входя в противоречие с очевидной практической жизнедеятельностью самих её «носителей», всегда ссылается на необъяснимость, игру и вседозволенность. Её адепт не действует, а *наслаждается* от одного мгновения до другого, в каждое последующее мгновение забывая о предыдущем. Не в этом ли культе наслаждений, не в поиске ли *экстаза любой ценой* — «ахиллесова пята» неканонической Адвайты? Не зря осталось в истории высказывание Аристотеля, столь созвучное наставлениям Шанкары, Гаудапады и Будды: *quod dolore vacat, non quod suave est, persequitur vir prudens*. Рассудительный стремится к отсутствию страданий, а не к наслаждению.

Зл

Адвайта-веданта Шанкары и Гаудапады — это не маргинальное учение хиппующих наркоманов. Это ведическая традиция, где в равном почёте хранятся древние знания логики (*ньяя* и *миманса*), прикладные научные знания (*веданга*), правила поведения и этики (*дхарма-шастра*), литературно-философская и историческая традиция (пураны, самхиты, араньяки, упанишады, законы Ману, Махабхарата, Рамаяна и т.д.). Здесь есть место наставлениям о том, как поступать по Истине, а не только - о том, что есть Истина. Веданта, завершение и сущность Вед, духовная основа всей *ваидика-дхармы* (*санатана-дхармы*), квинтэссенция, стержень ведической самоидентификации, просто *не могла быть* декадентской идеологией абсурда. Аскетическая традиция дисциплины, сурового отшельничества и самоотвержения ради Истины - имеет коренное отличие от философии безоглядного, ничем не сдерживаемого наслаждения. Адвайта-веданта Шанкары и Гаудапады - требует сосредоточенного освоения в постоянном контакте с Первоисточником. *Эго* и *авидья*, наши якоря в мире *майи*, не исчезают в одночасье. Чёрно-белое упрощение радикальной Адвайты — дань современной психологии, запросам цивилизации потребления. Для потребителя - учение должно звучать свежо, экзотично, прикольно, круто, - но при этом «свобода личности» не должна ограничиваться ни на йоту. Такая игра в трансцендентность может стать ширмой, маской, скрывающей гримасы *эго*, которое *не желает* поступаться своими принципами.

В комментариях к Брахма-сутрам Шанкара пишет о человеке, который воспринимает мир обычным образом, но при этом человек этот, обманывая сам себя, отрицает очевидную *реальность, достоверность* этого восприятия: «он уподобился тому, кто ест и говорит: *я не вкушаю, я не насыщаюсь*». Древняя традиция Веданты, как часть совершенной ведической цивилизации, всегда соединяла философию с духовной практикой (аскеза, самоотречение, исполнение предписанной *дхармы*, общественное служение). Все первоначальные ведические *Пгсксты-шрути (самхиты* — гимны и поучения, *брахманы* — жреческие разъяснения, *араньяки* — «лесные» трактаты для отшельников, *упанишады*) — наполнены образами и духом *практического применения* — в едином, общем сакральном *делании*. Дальнейшее развитие философских знаний об Истине, фиксация всех последующих Откровений, — остаётся в русле брахманской цивилизации (*амнайя*) и передаётся по цепи ученической последовательности (*парампара*). Знание, чтобы принадлежать традиции Веданты, должно не просто обретаться в состоянии экстаза, вдохновения, но быть неотъемлемой частью данной ветви учения (*сампрадайя*). Помимо *шрути* («услышанное» откровение Вед), ученик должен принимать *смрити* («запоминаемое»: в ведантической традиции — это Бхагавад-гита) и *ньяя* («логическое рассуждение»: в ведантической традиции — это Брахма-сутры). Все три тысячи лет письменной и устной истории Веданты *вопиют* против отождествления её с идеями Фридриха Ницше, Юлиуса Эвола или маркиза де Сада.

зг>

Диспут между сторонниками радикальной, осовремененной Адвайты (нео-адвайты) и классической, исторической Адвайта-веданты, которая соединяет Небо и Землю в ведической гармонии и вкладывает *смысл* как в относительное, так и в абсолютное бытие, — продолжается. И в пылу полемики было бы большой ошибкой не сказать о том, что учителя нео-адвайты, как индусы, так и европейцы-американцы, способны совершать (или, скажем, их присутствие или общение с ними способно вызывать) мощнейшие, экстатические переживания недвойственности. Человек, напиваясь их покоем, их ясностью и *недеянием*, наконец, после десятилетий абстрактных разговоров, живую ощущает глубину и безграничность Реальности, её простоту

и самоочевидность. Эта шоковая терапия часто оказывается эффективнее для людей нашего времени, чем методы классической Веданты. Каждое слово, каждый жест или взгляд *некоторых* учителей нео-адвайты становятся волшебным камнем, прикосновение которого обращает обычные материалы в драгоценности, обиденное сознание «с улицы» - в сознание, брызжащее энергией свежести и ликованием радости. Косноязычные вдруг начинают говорить как мудрецы и поэты, унылые скептики становятся твёрдыми последователями, полными энтузиазма. Несоответствие канону, отсутствие формальной принадлежности древней традиции — не мешает Духу изливаться. Но трудно сказать, насколько глубоким и стойким, в конечном счёте, окажется эффект. Когда ум исчезает вместе с головой, это может быть великий, драгоценный опыт, это может быть сам прыжок Пробуждения, но это может обернуться и рабством, худшим того, что связывало человека прежде. Весь вопрос в том, что станет с тем кармическим хвостом, который волочится далеко позади активной части сознания. Не начнёт ли потом «хвост вертеть собакой», и чем сможет помочь нео-адвайта, когда базовые психологические и этические вопросы встанут во весь рост. Существуют глубокие расхождения между исторической Адвайта-ведантой и современной нео-адвайтой — в тех исходных принципах, которые берутся за основу, а также в этике, в том, как учение надлежит претворять в жизнь.

ЭЙ

Исследуя сознание, современная англоязычная нео-адвайта охотно говорит о внимании к «bodymind» — комплексу «тело-чувства-ум». Этот громоздкий «bodymind», который, по сути, есть *это* - в противоположность истинному, несвязанному страстями Сознанию, *Я (сат-чит-ананда)*, - обучается спонтанности и освобождается от любых рамок «приличия», получая в нео-адвайте индульгенцию «безумной мудрости», иначе говоря, право делать всё, что ему вздумается во имя свободы от контроля ума. Не принимая *бремени служения*, радостно пребывая в «трансцендентной беззаботности», нео-адвайта допускает возможность любого буйства на уровне «bodymind». И в себе, и в других она признаёт право на любые выходки и «теневые проявления», лишь бы не был задействован ум. Но классические Адвайта и Йога, наоборот, связывают, обуздывают, очищают, облагораживают, шлифуют по отдельности каждую ступеньку нашего грешного «bodymind». Все тексты

Адвайта-веданты учат строгости к себе, безупречной внимательности к любому отклонению от не-двойственной Истины, суровому подчинению рамкам традиции, самоотречению и дисциплине.

38

Адвайта-веданта — это наука различения (*вивека*) между истинным (*сатья*) и неистинным (*асатья*), это наука *объективного* распознавания, опознавания (*пратьябхиджня*) тончайших оттенков несовпадения различных состояний сознания, уровней понимания или интерпретации духовного опыта. Адвайта-веданта — как наука — предполагает словесную и понятийную классификацию сознания и бытия. Адвайта-веданта — это бескорыстный поиск Истины, это огненное стремление — познать, понять, обрести Свободу (*мокша-санкальпа*). *Ажняна* — это сочетание «незнания» (неприсвоения себе никаких знаний, свободы от ограничений ума), познания и всеведения (мудрости). *Ансняна* — это и путь, и Цель (путь и Цель — одно). Снова вспомним приведённую выше цитату из «Атмабодхи» Шанкары: «*Благодаря постоянному упражнению* существо, оскверненное *авидьей*, очищается знанием. Совершив это, и само знание исчезает».

3Й

Нео-адвайта делает акцент лишь на статичном «быть» — вне ума, помимо интерпретаций и без обобщений. Созерцая *лишь* то, что «здесь и сейчас» (*кшаника*), живя *лишь* опытом, переживанием, непосредственным восприятием (*пратьякша*), радикальная Адвайта отказывает своему адепту в обобщённом *понимании* пережитого, в воссоединении с предшествующей традицией и с совокупным опытом остального человечества. Излюбленные метафоры нео-адвайты (любовь, милость, спонтанность, игра, божественность) не предполагают никакого шага или прыжка *осуществления*, никакого перехода от слов и ощущений к тому, чтобы это *произошло* на самом деле. Всё уже *так*, всё уже *идеально*, всё уже *предбывает в состоянии абсолютного совершенства*, в том числе и то «я» (нереальное само по себе), которое заинтересовалось и задало вопрос. Отвечая на любой вопрос, нео-адвайта демонстрирует те ощущения, те состояния (*бхава, раса*), которые могут быть переданы через речь, через энергетику, через взгляд, жесты и манеру держаться. Нео-адвайта — это путь без пути (для всадника без головы), это медитативный субъективизм,

«искусство ради искусства», залитая солнцем река и над ней — беспечная бабочка, летящая от восторга к восторгу, от праздника к празднику.

32

Не отрицая философские постулаты классической Адвайта-веданты, нео-адвайта приучает в практической сфере жить непосредственным восприятием (*пратьякша*). Увидев змею на дороге, ученик просто *воспринимает*, «змея». Ему нет дела до того, что Шанкара и весь сонм его учеников вновь и вновь повторяют: сознание человека погружено в иллюзию. То, что кажется змеей, на поверку часто оказывается брошенной кем-то на дороге верёвкой. Классическая Адвайта-веданта - хочет знать Истину такой, какова она *всегда, для всех*, независимо от сиюминутного опыта созерцающего. Нео-адвайта готова признать равноценность бесконечного множества истин: новое мгновение, новое «я»—новая истина. Классическая Веданта утверждает единую, всеобщую, *объективную*, вечную и подлежащую познанию Истину. Нео-адвайта изымает из ученика сам импульс к её активному познанию, оставляя лишь «без-умное» восхищение. Ведантическая традиция уделяет большое внимание соотношению свободной воли Я и бездушной, лишённой воли природы. Веданта утверждает, что сознательное действие, исходящее из освобождающегося, пробуждающего Сознания, эволюционно преобразует всеобщее, единое, осмысленное бытие. Противостоят этому Освобождению и Преобразованию — привычки и пристрастия иллюзорного «я», *эго*. *Эго*—это образ бездушного комплекса многослойных оболочек, это тень, которая сопутствует повсюду, но в ней нет самостоятельной жизни. Ум претендует на то, чтобы действовать и принимать решения, — будучи либо агентом Сознания, либо агентом *эго*. Для Веданты ум может быть либо врагом, либо другом, нео-адвайта же называет всякое побуждение к действию и любое сознательное планирование — проявлением *эго*. Для нео-адвайты всякая активность — это импульсы, исходящие от механической машины, бесперебойно работающей среди подобных ей бездушных машин в неведомо откуда возникающем, предопределённом и в то же время бесконечно случайном, лишённом кармических связей мире нео-адвайты. С точки зрения классической Веданты мир и *эго* — это не только иллюзия, но ещё и средство, — ладья, конь и колесница, — чтобы *проложить себе путь* из хаотического разнообразия вещей (*самудайя самхити*) в абсолютное Единство знания и бытия.

ученик классической Адвайта-веданты не воспринимает путь как скитание, как бесцельное бродяжничество, — ибо всё равноценно, едино. Признавая реальность смысла, реальность Цели, реальность желания достичь этой Цели, он идёт целеустремлённо, он готов к принятию решений и к преодолению препятствий. Путь Адвайта-веданты - это не празднование и не весёлый эпатаж, это предельное усилие, это движение с максимальным напряжением сил: подобно Ясону в поисках Золотого Руна, подобно Гераклу, добывающему яблоки Гесперид. «Машинист», связанный (*бандха*) по рукам и ногам иллюзией, всё же *существует* и подлежит *активному* пробуждению, развязыванию, высвобождению. Хотя, по мнению наиболее «шуньявадинских» версий нео-адвайты, там внутри - никого нет. И будить, и развязывать-то некого. Искра, способная к самопознанию «кто я?» (*кохам*) и к выбору «да или нет», *джива* (живая душа) объявляется изначально несуществующей. Это напоминает историю о том, как Винни-Пух пришёл в гости к Кролику. Просунув голову в нору, Винни-Пух спрашивает, есть ли там кто-нибудь. А Кролик, выбравшись наружу «через чёрный ход», отвечает Винни-Пуху сверху: «никого нет дома». Озадаченный Винни-Пух начинает размышлять. «Не может быть, чтобы совсем никого там не было. Ведь кто-то должен был сказать о том, что дома никого нет». Логический тупик. Просто Кролик, зная о том, какой Винни-Пух обжора, не очень-то хотел принимать его у себя. Кролик был прав: всё кончилось тем, что Винни-Пух опознал-таки Кролика, с трудом пролез внутрь, съел весь имевшийся в запасе мёд и всё сгущённое молоко, а затем застрял в узкой кроличьей норе, выбираясь наружу.

В понимании Шанкары, мир разнообразия, мир элементов, вещей — производные природных стихий и психических состояний (*б-ута* — *бхаутика*, *читта* - *чаитта*) - подлежит последовательному опознанию, узнаванию (*пратьябхиджня*) и отделению от источника познания, Я. *Пракрити* познаётся, узнаётся как *нахам* (не-Я). Это подразумевает активное, волевое *растождествление Я* и «не-Я», что равносильно *преодолению* коренного неведения (*мулааджняна*). Сам импульс, сама воля к опознанию и различению исходит от обитателя домика «я» — *дживы*, незатронутого *созерцателя*, *свидетеля* разнообразного мира

элементов, стихий и психических состояний. *Пракриты* познаётся *Гурушей*. Так достигается шоковое осознание «Я есмь», пробуждение от погружённости в само-отождествление с миром разнообразия, миром элементов. Импульс опознания и различения, вспышка Я, — позволяет глазам открыться и увидеть очевидное, узнать, например, что верёвка не является змеёй, не обладает самостоятельным бытием и не представляет собой никакой угрозы. Пелена спадает с глаз, наше восприятие вдруг расширяется до вселенских просторов (*чидвьоман*), эмоциональная волна захлёстывает нас с головой, ум ошарашено умолкает. Это восприятие «*на медхайя*» («не через посредство разума»). Промежуток молчания подобен молнии, искре, он длится, насыщенный этим невероятным энергетическим разрядом, где Я — не только пассивный вакуум, но и первоисточник, сам «электрический элемент».

32

Внутренний опыт «не-ума» приходит неожиданно, внезапно, но он уже содержит в себе волевой импульс, *действие* истинного Я. Это Свобода (*само-бытие* и *жизнь*) истинного Я, которое изначально предшествует феноменальному миру и потому способно *вернуть* самосознание в свою исходную запредельность. Неведение, действие иллюзорной силы (*шакти*) Непроявленного, порождает индивидуальные особенности «я», что позволяет некоторым учителям Веданты (школа Мадхвы и т.д.) говорить о сущностных отличиях между *дживами*. Традиция Адвайта-веданты подчёркивает сущностное единство, предназначение к полному воссоединению Единого Я (*Брахман*) и индивидуального Я (*джива*). В этом воссоединении *осуществляется* истинность четырёх великих изречений (*махавакья*) Адвайта-веданты: *тат твам аси* («То есть ты»), *ахам брахмасми* («я есмь Единый»), *айям атма брахма* («сей атман есть Единый»), *праджнянам брахма* («Единый Абсолют есть Сознание»).

Освобождение от неведения — это и результат обретения знания (*джняна-дриштьи*), и само Знание, существующее прежде и вне сотворённого мира элементов. Безжизненное «псевдо-я» неспособно ни обрести Освобождение, ни «понести» его. *Это* не может объявить себя свободным от законов («связанности» — *баддха*) природы (*пракриты*) по собственному желанию, т.е. всезнающим, неподвластным *карме*, непогрешимым.

Проникаясь энергией Освобождения, *это* не может сохранить это состояние в себе и передать его другим. *Это* — это лишь неживая оболочка, скрывающая под собой истинный Источник жизни, воли и самопознания. О реальности произошедшего (или не произошедшего) самопознания, о том, насколько оно окончательно, в традиции Адвайта-веданты допустимо судить лишь внешнему наблюдателю (наставнику, Гуру) по словам, поступкам, по всем жизненным проявлениям ученика. Гуру смотрит на то, *кто* действует, *кто* подаёт голос из норки — *джива* или *это*.

32

Живым носителем и хранителем опыта Пробуждения является душа (*джива*), раскрывшая глаза однажды и готовая вновь и вновь проявить себя сквозь слои нашей непробуждённости. Эта живая душа есть Я (Атман), неотличное от Единого (*Брахман*), являющееся первоисточником того, что осознаётся в обычном состоянии как «я». *Лжива* стремится *действовать*, являя вовне свою истинную жизнь, проникая сквозь плотные оболочки разума, ума, чувств, тонкого и грубого тела. От неё исходит импульс концентрации, собирания себя воедино (*читта-экаграта*), обращённости поиска внутрь (*брахмакара-вритти*), исследования «кто я» (*атма-вичара*), самореализации в освобождении от *это* (*мокша, мукти*), пробуждения (*прабодха*), расторжения всех ограничений (*жаивалья*).

на

Когда этот импульс, это нечто, бесконечно превосходящее прежнее, обыденное состояние сознания, вдруг являет себя — как проблеск, как вспышка, *дживе* не обойтись без *волевого осознания*. Осознание означает необходимость *сделать шаг* от привычного неведения к очевидности некоего постижения, откровения, нового опыта. Это тот отклик, тот ответ на откровение, который исходит из души-*дживы* (Свидетеля и Источника этого опыта), а затем регистрируется на уровне ума, чувств, памяти, тела — как некое *внутреннее преобразование*. Не схватывание, не присвоение себе, но — ответ, отклик. Правильный, достойный отклик-ответ на откровение Истины есть внутреннее ДА, мощный всплеск *согласия* на всех уровнях человеческого существа. Теперь уже и седок, и возница, и поводья, и лошади, и колесница — действуют слаженно, как единое целое. Затем, при посредстве ума и памяти устанавливается

взаимосвязь *осознанного преобразования* с тем, что было известно о пробуждении и непробуждённости *прежде* (отсюда обращение к традиции *гуру-шишья-парампара*). Так, путём ступенчатого усвоения, всякое духовное переживание *обретает смысл*, оказывается тем зерном, из которого — на почве самой души — может возрасти непреходящее Знание.

ЗЙ

Объясняя термин «последовательное узнавание» (*прагьябхиджня*), Веданта разбирает его по составляющим. «*Прагьябхиджня*» включает в себя *абхиджня*—прямое восприятие, а также *прати*—вспоминание о том, что уже было известно. «Это слон» — прямое восприятие. «Это тот слон» — узнавание, *прагьябхиджня*. *Прагьябхиджня* признаётся основным путём познания Истины, постижения Реальности — как в Адвайта-веданте, так и в классической Тантре (в частности, *прагьябхиджня-даршана* Сомадевы, Утпаладевы, Абхинавагупты и иные, позднейшие направления).

ЗЙ

Сознанию не обойтись без последовательной рефлексии (*.манана*), *подтверждающей* его прежний и последующий опыт в определённой логической взаимосвязи с признанным внутренне событием узнавания. Иначе все его состояния (экстатические переживания, свидетельствующие внутренне о пробуждении) станут формой самогипноза, аутогенного самоуспокоения. Тот, кто лишь ощущает, но не пытается понять, настаивает на собственной изоляции от всего, что отличается от его *внутреннего* опыта узнавания Реальности. Восприняв импульс и допустив *волевое осознание* этого импульса, сознание обязано достоверно опознать произошедшее *изменение*, регистрацию этого события (умом и т.д.) и его волевою, сознательную составляющую. Ум и память соотносят это событие со *всеобщим* опытом, с ведантическим Знанием, с тем, как Веданта различает состояния пробуждения и непробуждённости. Разум использует свой навык различения, который передан ему по духовной линии преемственности (*сампрадая, парампара*). Чувства фиксируют тот вкус, который позволит в дальнейшем перенести опыт восприятия в опыт внутреннего преобразования. Достоверность этого опыта зиждется не только на внутреннем, субъективном переживании, но и на *внешнем подтверждении достоверности* любых осознанных субъективных

взаимосвязей. Уверенность в том, что произошедшее не по нашей воле, неожиданно явленное Откровение *достойно доверия*, может опереться лишь на совокупный, *объективный* опыт самой души и исторической традиции Веданты.

3*

Отрицание нашего объективного места во всеобщей реальности бытия — это *шуньявада* («нет познавшего», «нет познания», «не к чему стремиться и нечего познавать»). Отрицание нашей ответственности за то, как мы поступаем, чем дело наше отзовется (во всём, что окружает нас и очевидным образом связано с нами), ибо всё иллюзорно, детерминировано и не зависит от нас, — это *майявада* («ничто не зависит ни от чего внутри этого мира, всё происходит само, по неведомой внешней причине»). Отсутствие Я и бессвязность мира противоречат той гармонии, тому единству и цельности, которые становятся явны всякому сознанию в состоянии пробуждённости. Отрицание ответственности индивидуальной души за *всё вообще*, даже после признания того, что всё едино, — оказывается лишь эскапизмом, вечным желанием *это всё иметь* и ни за что не отвечать.

3*

Делая акцент на непреходящее значение этической и социальной составляющей учения Веданты (даже с точки зрения Абсолюта - *Ниргуна-Брахман*), Веданта Шанкары и его последователей вновь и вновь обращает внимание на *дхарму*, традицию, ученичество, священные ведические тексты (*шрути* и *сморити*), классический корпус более поздних текстов и комментарии к ним. В полемике с буддизмом, Шанкара подчёркивает важность всей полноты традиции, которая *ведёт от низшего к высшему*, создавая «внешнюю зацепку», «опору сознания» для того, чтобы избежать скатывания в чистую психотехнику, полностью оторванный от реальности, *субъективный*, ни с чем не связанный медитативный опыт.

32

Отвергая выбор, деяние, волю, смысл, цель и сознательные поступки, чтобы просто «быть» (чистое восприятие вне ума), популярная версия Адвайты вынуждена отсечь почти всю философскую, аскетическую и

этическую составляющую подлинной Адвайта-веданты. Исторической 1 Веданте свойственна *дисциплина постепенности (крама)*, которая закрепляет понимание и помогает подтянуть весь свой эмоционально-кармический 3 «хвост» на ту ступень, куда удалось реально взойти. Но нео-адвайта не желает видеть этих «теней», идя на радикальное упрощение древней ведантической традиции. Она убеждает своих адептов в том, что I *бхума* (абсолютное, всеобъемлющее Совершенство) — это *данность*, не зависящая ни от правильного действия, ни от правильных решений, ни от личной воли, направленной «вверх» или «вниз». Но, с точки зрения Веданты, уклоняясь от правильного действия, от принятия ответственных решений, от целеустремлённой воли — во имя статичного «пробывания в себе», мы бежим от коня, которого следовало объездить, а он нам *потребуется* для дальнейшего путешествия. Провозглашая абсолютную свободу, нео-адвайта *закрывает себя*, закупоривает себя *в уже известном мире*, но лишь созерцаемом в отсутствие головы. Безголовый, выбросивший свои сомнения как смятый комочек бумаги, человек пребывает там же и так же, как и раньше, но вне суеты, вне усилий, вне рассуждений.¹ Он уже не встанет и не пойдёт туда, где нужно трудиться, принимая решения, жертвуя покоем, «болея за результат», наравне с «обычными людьми», ибо он отверг любые целенаправленные действия, объявляя несуществующей огромную, неведомую обычному человеку сферу бескорыстного *деяния*. По утверждению Бхагавад-гиты, действия вне *эго (нишкама-карма)*, понятые как служение Единому, — выше *недеяния*. Это безграничность *сотворчества Богу*, которая открывается *за* покоем и равновесием *недеяния*. Призывая лишь *быть*, нео-адвайта удовлетворена уже полученным Откровением *недеяния*, она отвергает возможность того, что *за недеянием* скрывается иной, ещё более невообразимый, ещё более удивительный и недоступный обычному человеческому уму Ответ.

3Й

Завершая в этой главе разбор основных расхождений между подлинной, исторической Адвайта-ведантой и её разбавленными, осовремененными вариациями (условно обозначенными термином «нео-адвайта»), следует повторить уже многократно сказанное: *всякое учение познаётся по плодам*. При всех возможных искажениях и противоречиях, деятельность нео-адвайтических проповедников достойна хвалы и благодарности, ведь они дают возможность «человеку с улицы» *энергетически и психологически* приобщиться к Недвойственности, открыть новое измерение в своём

ознании, — чтобы затем начать серьёзное проникновение в то, чем в действительности является учение Шанкары и его последователей. Благословенна любая искренняя передача Трансцендентного «человеку, не ведающему, в какой стране мира говорили или говорят на санскрите», передача сердцем, взглядом, личным опытом, словесно или внесловесно, которая *дат ему шанс* уловить зов единой Истины, обнаружить в полностью известном ему мире уголок Неведомого, осознать смысл хотя бы самых первых строк единого Учения. Лишь те нео-адвайтические (а также нео-буддийские и т.д.) учителя, чья *жизнь*, чьи *деяния* находятся в вопиющем противоречии с Учением Недвойственности, которое они дерзают проповедовать, являются предателями и врагами Учения Недвойственности в полном смысле слова: *всякое дерево познаётся по плодам*. Но о них пойдёт речь в двух последующих главах.

32

Шанкара пишет о значении действий (плодов, результатов) в своих комментариях к «Брихадараньяка-упанишаде», известный буддийский образ «колючки» используя в полемических целях: «Если полагают, что угасание сознания есть цель человека, то это не так, ввиду необходимости опоры для плодов действия. Ведь для того, кто пронзён (застывшей) колючкой, плодом будет успокоение боли, (когда её вытащат), однако если он умрёт от этой колючки, невозможным станет и успокоение такой боли». Шанкара отвергает примитивное «погружение в себя», успокоение, сходное со сном или смертью, он требует совершенной объективности на каждом этапе пути, на каждой ступени сознания. «Без достижения абсолютной бескачественности (высшей ступени) нельзя отрицать обычную практику, осуществляемую в соответствии со всеми способами достоверного познания». (Шанкара. Комментарии к Брахма-сутрам).

32

Не отрешиваясь от действия как такового, т.е. от осознания цели (предполагаемых результатов), значения и осмысленности решений и поступков, искатель Истины должен расстаться с самоощущением *эгонистического делателя, хозяина положения*, он должен перестать прикладывать к себе какой-либо образ самого себя. Следует действовать,

не действуя, использовать волю, не вкладывая в эту волю «себя», — цо со смирением, с мудростью и беспристрастно совершая лишь то, что должно быть совершено. Ученик Веданты должен в каждый момент времени ясно видеть, что в его власти, а что неподвластно ему, — осознавая, что сама его воля - полностью во власти Единого. В этом заключается ведантическое учение Бхаскары (IX в.): сочетание знания и действия (*джняна-карма-самуччая*). Понимание того, что для достижения Единства мало одного знания, но важны и дела, «благие поступки» (*пунья* — добродетели), стало мостиком между учениями Шанкары и Рамануджи. Благие поступки исходят из мудрости и, возвращая мудрость, приводят к *джняне*.

32

«Авторитетность всякого учения не в том, что и как оно описывает, но в том, способно ли оно породить ясность и приносит ли оно плоды мудрости», - пишет Шанкара в комментариях к «Брихадараньяка-упанишаде». Обычно историческая Адвайта-веданта, известная сегодня по архаичным санскритским текстам, не содержащим ни «лирики», ни «конкретных практик», считается наиболее сухим, статичным, схоластически неизменным по форме и по существу духовным учением. Учением, где цель — это покой, *недеяние*, неподвижность и неизменность понимания открывшейся тысячу лет тому назад Истины. Считается, что Адвайта-веданта отрицает такие «мелочи», как искреннее сострадание, забота о служении людям, что она менее всего беспокоится о решении проблем человеческой жизни на планете Земля. Неизменность и статика, казалось бы, не имеют ничего общего с изменением чего-либо в реальном, земном, живом человеке.

32

Но в самом своём учении Адвайта-веданта таит неисчерпаемый потенциал *преобразования*. Это учение предполагает поиск в себе источника ни с чем не сравнимой чистоты, невинности, простоты и преобразующей силы, которая утверждает Реальность и *не замечает* несвободное, невечное, маленькое «я». Адвайта-веданта провозглашает единство не только в глубинах медитации, но во всей жизни человека, личной и социальной. Преодоление безраздельной власти *эго* в одном человеке доказывает возможность и даёт надежду на выход всей нашей

цивилизации из-под власт коллективного *эго*. Реальность, становясь явной, засвидетельствованной жизнью хотя бы нескольких людей на Земле, требует правдивого видения, правдивого восприятия и правдивого поведения в любых обстоятельствах. Практика Адвайта-веданты привносит вкус Абсолюта в ту жизнь, которой живёт сам человек, и во всё, что его окружает; внешнее всегда отражает внутреннее. Воссоединение индивидуального и всеобщего Сознания означает выход из иллюзии ограниченности, из *служения самому себе*. Мудрая, несектантская проповедь Единства открывает великий смысл духовного пути — служение другому как самому себе, сущностное единство себя и другого во Всеобщем, Совершенном Целом. Так Адвайта-веданта приводит своего искреннего ученика к ничем не обусловленной любви, милосердию и состраданию, о которых не так много сказано в классических текстах. Адвайта-веданта оказывается не только путём мудрости, но путём сердца. Реальность оказывается не набором философских постулатов, но бесконечной, неведомой и необъяснимой Тайной.

32

Эта Тайна непостижима для ума, но открыта взору сердца, взору сознания. Она предельно проста и самоочевидна для тех, в ком пробуждённый ум и пробуждённое сердце неподвластны *эго*. Тайна парадоксальным образом соединяет в себе завершённую и бесконечное движение вперёд. Это и окончательный покой, и непрерывный взрыв. Её постижение связано не с учёностью и не с опытностью, но с самоотречением. Этой Тайной нужно не заниматься, а *стать ею*. Такова не интеллектуальная, но практическая, бытийная Адвайта-веданта, которая способна изменить жизнь человечества к лучшему. Учение об иллюзорности ограниченного, несовершенного, обманчивого, мнимого и о реальности безграничного, подлинного Единого — содержит в себе неисчерпаемый потенциал эволюции, актуальный сегодня как никогда прежде. Эволюция в Адвайта-веданте — *паринама-вада* — практически означает конец личности, которая занята самой собой, и раскрытие сознания — к бескорыстному участию в едином движении всей органической, сознательной жизни на Земле к воссоединению с Единым. Эволюция в Адвайта-веданте — это ступени Просветления, новые и новые, всё более глубокие слои личности (*эго*), снимаемые, высветляемые, пронзаемые познающим сознанием, устремлённым к единой Истине.

3Й

Соединив догматику исторической Адвайта-веданты со своим внутренним опытом, ощутив эту Недвойственность и Свободу внутри человек даёт шанс и себе, и своим ближним — хотя бы на шаг *в этой жизни* приблизиться к Истине. Если его мудрость и искренность оказываются сильнее, чем алчное, неумирающее *эго*, он становится частью новой духовной революции. Он ищет и обязательно находит практическое воплощение этому учению в жизни. Приняв всё, что сказано в текстах Адвайта-веданты о Тайне Единого, об иллюзорности и бессилии материальных, эмоциональных и умственных ограничений сдержать познание единства индивидуального и всеобщего Я, человек открывает безграничную перспективу. Он свидетельствует себе и другим, что есть выход, есть надежда, есть куда каждой душе двигаться дальше. Он также многократно убеждается в том, что познание Тайны зависит лишь от человеческой решимости, открытости и готовности к самоотречению. Эволюция в Веданте — это ступенчатый путь, каждый шаг на котором — это прыжок через пропасть, прыжок с обрыва. Соединив последние открытия науки и учение Веданты, человечество может проторить себе путь из сегодняшней технократической цивилизации ума, личности, цинизма и себялюбия, в новое, преображённое состояние, где во главе угла не «воля моя», но «Воля Твоя».

ОСТАВЛЕНИЕ СЕБЯ

Встреча с Истиной на пути познания или во внутреннем, медитативном переживании — ставит человека перед выбором: отдать ей себя или сделать её одним из красивых воспоминаний своей обыденной, личной, непросветлённой жизни. Бог никого не торопит на пути Пробуждения, человек может продолжать бегать за удовольствиями, строить карьеру, решать бесчисленные личные проблемы, планировать и размышлять о будущем. Но, выбрав Истину, выбрав самоотдачу, человек ставит в самый центр нечто бесконечно большее самого себя. Истина должна занять место хозяина, владыки всего — настоящего, прошлого и будущего, — вытеснив оттуда *это*. Теперь человек не планирует, не выдумывает, куда направить свои стопы, но ждёт откровения и пытается следовать тому, что *единственно необходимо*, старается почувствовать под ногой *единственно верную* тропу. Таково состояние Недвойственности в обычной, практической жизни. Союз с Истиной, посвящение себя познанию Истины — делает колебания ума и эмоциональные броски несущественными. Ум пытается понять и обдумать, эмоции откликаются на всё, что нас окружает, но *не это важно*: важно всегда слышать тихий, спокойный голос Истины, который неизменно ставит во главу угла всеобщее благо, всеобщий смысл, всеобщее просветление. В том способе бытия, на который нас выведет голос Истины, возможны потери и противоречия с точки зрения материалистических приоритетов благополучия: «я», *это*, социальная личность может потерпеть большой урон, этот путь может оказаться очень *невыгодным*. Жалобы *это* и удары судьбы — очень часто именно то, в чём так остро нуждается наше истинное Я, чтобы получить хотя бы малейший шанс пробиться своим лучиком наружу, улучшить момент искренности, «аудиенцию» у вечно зацикленного на самом себе ума, выйти на контакт (недвойственность, неразделённость) с нашим «дневным» опытом самосознания.

ЗЙ

К этим бесценным мгновениями открытости нас поведёт тихий, спокойный голос Бога, чтобы в тех или иных обстоятельствах мы *увидели*, что мысли — лишь объекты в сознании, что реакции страха и желания не обязательно должны *полностью* овладевать нами, что само время — обманчиво, ибо приучает нас к бесконечному ожиданию.

Человек упускает свой реальный шанс Пробуждения, всё время ожидая чего-то несбыточного. Позади непрерывного потока сомнений, страстей и досужих мыслей всегда существует *бесконечное пространство* Всеобъемлющего (*бхума*), откуда можно отстранённо взирать на все события внутри и вовне, на помыслы, чувства и воспоминания, одновременно покоясь в том, что не имеет границ, что Свободно, недвойственно, что вне времени и вне любых обстоятельств обыденного, земного бытия. Традиция Веданты, тексты древних учителей — помогут нам держаться здравого, неискажённого, не примитивного и не однобокого понимания, а внутренняя практика (медитация) позволит *реально* ощутить экстаз (*бхава*), оторванность от всего и полёт в бесконечной пустоте. Так Бог учит человека Свободе — через переживание плюс понимание плюс милосердие. Шанкара: «Взгляд истинного учителя подобен лучам полной луны. Он подобен небесному дереву *каятпаврикша*, исполняющему желания, он умиротворяет скорбь и вздыхания ума». Бог-Учитель, как хирург, сначала должен сделать больному операцию, а потом уже позволить ему начать ходить. Первая цель Учителя (операция) — это очищение ума ученика от глубоко укоренённых привычек, склонностей, привязанностей: *васана-кшайя* — разрушение всех *санскар* и *васан*.

ЭЙ

Вверение себя медитативному опыту Свободы, внутреннему переживанию (*бхава*) — необходимое условие того, чтобы путь продолжался. Но учение, которому целиком посвящена эта книга, учение всех классических текстов Веданты — предостерегает человека от потери чувства равновесия, требуя постоянного обращения к традиции. Для Веданты — опора на наставления учителей древности (*ачарьопадеша*) важнее любых взлётов и падений на уровне самоощущения. Веданта хранит человека от легкомысленной увлечённости переживаниями, от ситуации, когда «едет крыша». Старые, казалось бы, давно забытые *тенденции эго* (*санскары, васаны*) могут незаметно оседлать внутренние переживания (*бхава*). Отдавшись своим состояниям, культивируя своё «бытие» вне классического учения Веданты, можно (бессознательно) лишь увеличивать и возвращать в себе раздробленность и разделённость. Веданта требует вдумчиво относиться к своему пути и жить не только мгновением, но и вечностью. Об этом же говорят и книги христианских подвижников. Они дают совет никогда не

придавать значения впечатлениям и переживаниям. От молитвенника требуется не формировать искусственно и не обращать внимания на рождающиеся в уме, неведомо откуда приходящие образы, видения, голоса и тл. Искатель Истины должен проходить свой путь, проявляя святое недоверие к собственному уму, страстям и искушениям, его осаждающим. На духовном пути следует ступать как по болоту или по тонкому льду.

32

Истина должна стать единственным критерием, единственным мерилom во всём, что окружает человека. Вдумчиво и осторожно подходя ко всему, ученик всякий раз заново распознаёт, *что есть Истина*. Осторожность в принятии решений и забота не о сиюминутном, но о всеобщем благе - в этом весь путь. Веданта не скрывает от своего ученика необъятность и безумство экстаза, который есть сама реальность Пробуждения, но, до поры - до времени, она набрасывает на своего ученика узду дисциплины и осторожности. Она помогает человеку сберечь решимость достичь *конечной Цели (парамартха)*, сохранить чувство устремлённости, готовность двигаться дальше. *Тот, кто ищет Свободы (мумукшу)*, а не наслаждений и не приключений, должен отдать себя не опьянению переживанием (*бхава*), но неугасимой страсти достичь совершенного знания (*джняна-сиддха* или *джняна-йога*), неутолимой жажде *брахма-джняны*, Абсолютной Истины. Учение накладывает на человека иго (иго вместо зго!) постоянства, доверия, верности Учению (*шраддха*), этической чистоты (принципы *яма-нияма*) и бескорыстного служения (*нишкама-карма*). Учение требует совершенной искренности во всём, во всех аспектах жизни, ибо самообман поджидает нас повсюду.

3*

Все подлинные учителя и ученики Веданты, известные в истории её многочисленных традиционных ответвлений, обладали особой жертвенностью, особым самоотвержением, что всегда служило *противоядием*, направленным против бесконечных уловок *эго*. Ученик Веданты (*шишья*) автоматически считался человеком, который отрёкся от себя, готов умереть или жить лишь для того, чтобы служить Богу и Учителю при любых обстоятельствах. Если жизнь человека во всех её аспектах подобна служению (не какой-то идеологии или

организации, но безличной Истине!), он, вероятно, пребывает в Истине и продолжает движение по верному пути. Если же человек явно «оттягивается» и «ловит кайф», он, скорее всего, обречён. Бесчисленные «просветлённые учителя» современности открыто исповедуют «свободу» игры *{лила}*, беспечности и безответственности. Они развлекаются и экспериментируют, насмехаясь над теми, кто вспоминает о «не-двойственном» соответствии слов делам, деклараций поведению, учения поступкам. Они искренне убеждены в своей безнаказанности, ведь они — совершенные, свободные, просветлённые. За этим чувством завершенности, за их состоянием блаженного покоя — по-прежнему скрывается демон *авидьи*, готовый нанести удар, как только блаженство утратит свою интенсивность или когда будет серьёзно задето их *эго*.

ЗЙ

Настоящий Учитель (*Садгуру*) не становится той «обителью утешения», где отпускаются все грехи в обмен на личную преданность. Гуру не готов играть роль ласкового любовника или папы, который прощает любой каприз или шалость. Учитель, достойный называться учителем, не только передаёт нам экстатический опыт богопознания, опыт не-двойственной Истины. Он учит нас правильно жить в этом мире, являясь образцом совершенства, образом святости в мире, где не осталось ничего святого. Подлинный Гуру отвергает восхваления, подношения и поклонения, он не желает *себе* ни комфорта, ни удовольствий, ни славы. Он — слуга всем, он расходует себя без жалости, он забывает о себе, трудясь ради Истины. Вспоминается рассказ о ведантическом наставнике начала двадцатого века по имени Амир Чанд, который отдал все свои скромные сбережения на первую публикацию проповедей Свами Рамы Тиртхи. Один из борцов за освобождение Индии, впоследствии он был повешен англичанами. Учитель уже отдал свою жизнь, ему не за что больше держаться, кроме ведущей его Воли Божией. У просветлённого Учителя нет личной жизни, он не принадлежит себе: в нём персонифицирована энергия Веданты, вся её сущность, — преображение сознания. Гуру — это безличная сила любви и эволюции, чей зов не умолкнет, пока все, предназначенные ко Спасению, не оставят безвозвратно и окончательно иллюзию независимого «я». Свами Вираджананда (1873 — 1951) оставил нам такие слова: «*Ажняни* (мудрец) не испытывает *личной* любви и не хочет, чтобы другие любили его *лично*. Он свободен, и оттого он не желает, чтобы кто-то находился в узах привязанности из-за него. Он

видит истинное Я - Бога - во всех, и его любовь (*према*) безличностна, она равно обращена ко всем существам» (Парамартха-прасанга, 91).

Рамануджа воспринял знание от пяти учителей, взаимно дополнявших друг друга: Канчипурна, Махапурна, Гоштипурна, Маладхара и Вараранга. Один из этих учителей, Гоштипурна, был особенно неуступчив, многократно проверяя то, насколько Рамануджа достоин быть принятым в ученики, и настаивая на исключительности тех избранных, кому позволено приблизиться к Истине. Когда же, наконец, приняв Рамануджу, Гоштипурна преподал ему гимн Апггакшари и поведал ему также сокровенный смысл гимна, он строго-настрого запретил своему ученику передавать это знание людям без разбора, ибо оно мгновенно дарует Богопознание. На следующий же день Рамануджа взобрался на храмовую башню и криками собрал всех жителей города вокруг храма. Он громко возгласил им сам гимн Аштакшари и весь его тайный смысл, призвав всех громко повторить услышанное. Узнав о произошедшем и о том экстазе Богопознания, в который погрузились все присутствовавшие, Гоштипурна был в ярости. Он гневно спросил у Рамануджи, знает ли тот, какому наказанию подвергнется за разглашение высшего знания недостойным, но Рамануджа спокойно ответил учителю, что готов идти в ад за непослушание своему наставнику. То, что произошло, стало причиной Освобождения и вечного блаженства многих людей, и ради этого Рамануджа был согласен на бесконечные муки. Услышав ответ ученика, Гоштипурна разрыдался, ибо пелена спала с его глаз: он увидел Вечно-свободного, пришедшего в мир лишь для Освобождения этого мира. Со словами «о, мой Господь», Гоштипурна обнял своего бывшего ученика.

32

Настоящий Учитель делает акцент не на удовольствиях, которые ожидают нас «в раю» Адвайты, он требует не-двойственного отношения к нынешней, обыденной «вьявахарной» действительности, которая в нас и с нами не только в минуты взлётов, но и в минуты изнеможения. Подлинный Гуру обращает внимание на необходимость всё время *принимать решение* и сознательно *делать следующий шаг*; он с особым вниманием указывает на внутренние ловушки и противоречия пути.

Учитель говорит не столько о Вершине, сколько о крутом подъёме и об опасностях, поджидающих нового «альпиниста». Он избегает басен и баек, он предельно реалистичен, его речь не усыпляет, но приводит в смятение. Его речь может удручать и вызвать ощущение неподъёмного бремени, не оставляя сомнений в том, что реальность сурова и безжалостна, что путь может потребовать от нас *всего*, а результат никем не гарантирован. Гуру раскрывает, разоблачает механизмы *эго*, поручая ученику самому выявить свои предрасположенности (*санскара*, букв. «подготовка (будущей *кармы*)», или *васана*, букв. «дремлющие склонности»), чтобы санировать свой *клишта-манас* («запятнанный ум»). Населяющие наш ум *клеша* («осквернения»), привязывающие нас к страданию и *карме*, должны самому ученику стать очевидными, только так они утрачивают свою магическую силу.

ЭЙ

Шанкара даёт исчерпывающее определение Гуру в своей знаменитой работе «Упадеша-сахасри». «Ачарья—это тот, кто запоминает и понимает утверждения и отрицания, кто наделён спокойствием, самообузданием и милосердием, кто знает тексты священной традиции, кто отверг наслаждения видимые и невидимые, кто непривязан к действию, знающий Истину, пребывающий в Истине, не нарушающий правил поведения». (Упадеша-сахасри, Гадья-бандха 1, 6). Садгуру не делает сам себя таковым, но избирается божественной Благодатью. Его милосердие — не показная сентиментальность, он движим нераздельной любовью к Богу, и поэтому его сострадание безличностно, недвойственно. К ученикам он относится не как новоявленный хозяин к своим пленникам, но как садовник к своему растению, не поработывая, а бережно возвращая, ненавязчиво поддерживая, очищая, с заботой наблюдая и защищая, приобщая их той нераздельной, божественной любовью, которая способна творить *только добро*. В ученике подлинный Гуру видит неотъемлемую красоту образа Божия, икону, тождественную Первообразу, но требующую реставрации, относясь к его душе, как Моисею было приказано относиться к земле вокруг Купины Неопалимой. В царственной Свободе воспитывает подлинный Гуру своих учеников, *я не в казарме и не в курятнике*. Настоящий Учитель готовит учеников к тому, чтобы они сами научились слышать глаголы Духа, чтобы каждый ученик стал на земле образом Бога Невидимого, посланником Пробуждения, а не торговым представителем очередной

некоммерческой религиозной организации, вербовщиком в дешёвый казарменный рай. *Садгуру* ждёт от учеников служения не там, где создана стерильная обстановка *ашрама*, не в весёлом и дружном коллективе, но в одиночестве, в неизвестности, когда неясно, что делать дальше, во мраке непредсказуемого, обезображенного мира, где ученик уязвим, незащищён, открыт и постоянно рискует, доверяясь Богу во всём и всё принимая от Бога.

НВ

Большинство современных учителей искусно создают видимость сострадания, используя слова, мимику, взгляд, имитируя какую-то благотворительную деятельность. Но мало кто из них готов жертвовать своим комфортом и безопасностью ради спасения людей. Наставник, испытывающий настоящее сострадание, боится оставить учеников посередине пропасти, отделяющей обыденное прозябание от не-двойственной Жизни. Он осознаёт безграничную силу иллюзии, многообразие ловушек, сомнений и самообмана, эмоциональной и умственной неустойчивости, психологических и физических опасностей, жертвами чего становятся практически все, кроме изначально Свободных (*нитья-мукта*). *Садгуру* учит своих учеников *только* пониманию, безличной любви и свободе, он не поощряет тупое самоуничижение. Подлинный Гуру не лезет с ногами в личную жизнь ученика. Он не превращается персонального тирана, в Карабаса-Барабаса с плёткой, не требует того, чтобы ученики маршировали строем на плацу Недвойственности. *Садгуру* тихо, ненавязчиво даёт совет, он не командует, а просто приглашает из «ветхой» личной жизни в новую, не-двойственную, не-эгоистическую жизнь в Истине. Тому, кто знает лишь иллюзию материальной природы (*;праkrit и*), истинный Гуру *в зеркале самого себя* показывает реальность истинного Я — природу Бога (*атма-сварупа*). Вся Веданта придаёт *абсолютное значение* обретению Гуру, обретению непосредственного водительства, чтобы ни одна строчка священных текстов не осталась мёртвой буквой, безжизненной, бездействующей *философией*.

НИ

Вся *садхана* собрана в Гуру как в фокусе линзы. Он использует всё, что есть под рукой, чтобы открыть ученику реальность того, *каков*

этот ученик перед лицом Бесконечности. Но Гуру не наносит удары по *эго* ученика беспорядочно, он не колошматит как попало. Он выбирает идеальный момент, правильную силу и угол наклона, его работа подобна огранке алмаза. Один неверный удар неумелого гранильщика, и алмаз загублен, превращён в грудку бесформенных обломков. В невзрачном исходном кристалле Учитель видит сокрытую «геометрию граней», которая — после безупречных распиливания обточки и огранки, где нет места ни одному неточному, случайному, произвольному движению, — засверкает божественным сиянием. Гуру никогда не допустит в жизни учеников вседозволенности, но и в себе он не допустит эйфории всевластия над доверившимися ему людьми, — той «попирающей моральные устои» разнузданности, которую сейчас принято именовать «безумной мудростью». Подлинный Учитель знает, как притягательна идея личной избранности, мнимой святости, как глубоко укоренено желание наслаждаться и властвовать в условиях полной безнаказанности, которое как дьявол пожирает неудавшихся кандидатов в Просветлённые. Любой шаг — ученика или свой собственный — в сторону от совершенного смирения, от готовности служить всем, всегда, с любовью и состраданием, — равносильна для Учителя побегу обратно в ад *эго*. Истинная, безличная Свобода — это чистое благо и милосердие, равно направленное ко всем, ничего не пытающееся присвоить себе, но отдающее, отдающее, отдающее бесконечно. Такая Свобода *несовместима со злом*, она всегда *противостоит греху* во всех его проявлениях. Просветлённый всегда в долгу перед всеми: он *должен* учить добру, он *должен* избавлять от страданий, он *должен* быть образцом святости. Гуру налагает на учеников тот обет *нишкама-карма, манав-мукти, манав-дхарма, адхьятма-сева*, который он неизменно воплощает в самом себе, претворяя его в жизнь в каждом своём шаге. Присутствие Гуру рядом превращает каждое мгновение жизни ученика в испытание, - не из-за давления со стороны Учителя, но лишь из-за его ослепительной святости.

3*

«Вы должны искоренить привязанности и очистить сердце. Если вы неспособны сделать этого, тогда пребывайте в общении со святыми, ибо в них — спасение от суеты. Откажитесь от всех желаний. Если вы не можете сделать даже этого, тогда возвращайте в себе устремлённость к Освобождению. Сердце очищается желанием Освобождения от

всех иных страстей и вожелений» («Авадхута-гита», автором которой считается легендарный аватар Даттатрея). Нить, соединяющая ученика с Учителем, — это тот огонь устремлённости (*джжнянагни*), который способен гореть вечно. Совершенный Гуру (*маха-бхагавата*) зримо являет себя или невидимо соприкасается с человеком для того, чтобы уберечь его от непоправимых, фатальных ошибок. Присутствие Гуру рядом доказывает ученику, что его обычное, привычное понимание свободы, переносимое в духовную практику, ведёт его ко всё большему рабству, ко всё большему раздуванию *эго*. Свобода делать всё, что угодно, продолжая считать себя совершенным (продвинутым, избранным, посвящённым), пестуя убеждённость в своей божественности, становится *анти-свободой*, адской, демонической свободой, полной противоположностью тому, о чём говорят Веданта, христианство и другие истинные пути.

ЭЙ

Мощная энергетика в соединении с «просветлённой» уверенностью, что «мне можно всё», становится предельным самообольщением, дверью в пучину неведения и порока, лестницей вниз, широкой дорогой, ведущей на самое дно преисподней. Считая своё право делать всё, что вздумается, священной короной Адвайты, зарвавшийся ученик теряет чувство здравого смысла, а находит то, чего никогда и не терял, — самоуверенность *эго*. Снимая с себя всеобщее служение, ответственность за других, пренебрегая древней *этикой* Йоги и Веданты (*'яма-нияма*) и той заповедью, которую Бог ясно выразил в основополагающих текстах, подлежащих слушанию и запоминанию (*прастхана*), в своих особых откровениях (Бхагавад-гита, Уддхава-гита, Рама-гита, Аштавакра-гита, Йога-Васиштха и Др.), человек лишь взращивает иллюзию. Он противится Богу, отрицая ту самую силу, которая позволила ему однажды ощутить реальность, помогла ему задать вопрос и услышать ответ на вопрос *кохам* («кто я?»). Тут в игру вступает действующее, динамическое, тварное начало мира *вивартъг: карма*. Законы, будучи нарушены, начинают действовать и учить разомлевшего йогина уму-разуму. Спящему, в душе которого уснула *совесть*, предстоит пробудиться в боли и муках. Гордому и жестокому придётся посидеть на дне преисподней. Надменный будет сокрушён и через страдание приведён к смирению. Сбившийся с пути, уверовавший в свою безнаказанность и безответственность ученик, увлекшийся трансцендентными играми, видящий змей повсюду, - увидит лишь безжизненные верёвки.

Учителя, чьи *деяния* и *жизнь* находятся в вопиющем противоречии с той не-двойственной Истиной, которую они дерзают проповедовать, будут раздавлены *кармой*. Если они не примут на себя всю ответственность за своё помрачение ума, в их душу уже не сможет проникнуть ни один луч света. Если они не осознают всё содеянное ими и не упадут ниц с воплем покаяния, расплата не замедлит: им останется лишь поучать чертей в адской котельной.

32

Шанкара: «Вне ума нет неведения. Один лишь заблудший ум - причина рабства и перевоплощения. Когда ум побеждён — причина побеждена». Ум может быть нашим союзником на духовном пути, если не увлекаться всякими ересями и потаканием себе. Понять, что нам надлежит делать (*свадхарма* и *вишвадхарма*) в том месте и в то время, где нам довелось родиться, — вот способ занять ум чем-то полезным, пристроить его, как непутёвого сына к хорошему делу. Традиционная Веданта готовит нас к принятию ответственных решений на всех этапах нашего пути. Выбор пути, выбор учителя, выбор той практики и того служения, которым мы сознательно посвящаем свою жизнь — либо приводит нас к высочайшей Цели (*парамартха*), либо навсегда уводит от неё (*йогабраштра*). Веданта делает всё, чтобы ученик с самого начала осознал: если он не готов следовать избранному пути до конца, то лучше и не начинать. Из личного опыта каждый знает, как это происходит. Начав с жажды Истины, с решимости пожертвовать всем ради Неё, многие оказались по прошествии десятилетий лишь «интересующимися», лишь «в курсе» или стали бизнесменами от духовности в стиле «ню-эйдж». Немало тех, кто теперь цинично смеётся над максимализмом своей молодости.

32

«Как мячик, случайно выпав из рук на самой верхней ступеньке лестницы, скачет вниз через все этажи, до самого низа, так рассеянный ум, однажды упустив устремлённость к Истине, постепенно теряет её окончательно» (Свами Никхилананда). Учитель берёт *на себя* ответственность за то, что его ученик не упадёт в канализацию и не уснёт на полдороги. Ведь *это* не прощает попыток вырваться из его цепкой хватки. Оно готово довести «бунтаря» до полной потери интереса к жизни, или до звериной распушенности, или до любого из вариантов безумия.

Надо было либо «сидеть тихо», — либо, доверившись Учителю, до конца идти духовным путём, путём Недвойственности. Откровение впервые происходит чудесным, непредсказуемым, неведомым образом, однажды, как солнечный луч из синевы. Энтузиазм, восторг, интерес, вначале захлёстывающий человека, уступает затем место испытанию на прочность. Следование избранному пути — это сознательное принятие — ил и непринятие — нашей повседневной ответственности, нашего служения, нашей *садханы*. Это бремя верности Учению и Учителю, бремя труда ради спасения всех живых существ, ради одухотворения той жизни, которая окружает нас. Где-то здесь нам предстоит делать важный выбор, где-то здесь надо искать наше персональное «задание», ради которого мы ступили на серьёзный духовный путь, ради чего мы были направлены в эту страну, в эту эпоху, в эти жизненные обстоятельства.

3*

Традиционная Веданта — это не «ню-эйдж», это серьёзный духовный путь, который освобождает от земных привязанностей и обращает наш взор к Высочайшему, даруя покой и равновесие. Озарённое солнечным лучом благодати, отказавшись от умственной жвачки, сознание обретает устойчивость. Но, пребывая в глубинах покоя, читая мудрые книги и сидя со скрещенными ногами, оно может принять — или не принять — бремя служения на свои собственные плечи. Оно может понять или, увы, не понять, ради чего оно находится здесь, в этой стране и в этих, сегодняшних, обстоятельствах. Служение, о котором говорит Веданта, — это не прислуживание некоей организации, или абстрактной идее, коллективу единомышленников или конкретному человеку, обладающему неким чином в данной иерархии ценностей. Это *безличное*, не-двойственное служение истинному Я, Абсолюту, Истине, которая стучится в сердце каждого человека. Не приняв *бремени служения*, не желая соприкоснуться со страданием (т.е. осложнять себе жизнь), пестуя и воспевая свою эйфорическую, гипнотическую «отрешённость», сознание обычно просто зализывает свои собственные раны, полученные в своём прежнем, *кармическом* бытии: недостаток признания, нехватку гармонии, всегдашний дефицит покоя и наслаждения. Рассуждая об Атмане и Брахмане, такой человек продолжает служить своему *эго*, своему тонкому и грубому телу. Шанкара: «Атман — само сознание и сама святость, тело — сама плоть и сама нечистота, однако люди

отождествляют их друг с другом, путают их между собой. Что ещё может быть названо неведением, если не это?».

32

Новые, «ню-эйджевские» версии Веданты по-разному смотрят на эти вопросы. Некоторые нынешние «учителя» напрямую транслируют Абсолют, Полноту, Единство — в учение о том, как обрести полноту здоровья и богатства, абсолютную уверенность в своей непогрешимости, в единство материального и духовного успеха — и в этом мире, и в будущем. Учение мудрецов и аскетов-отшельников превращается в проповедь о том, как стать красивым, спокойным, богатым, счастливым и сексапильным. Такая интерпретация легко набирает себе сторонников, ей есть кому продавать свои книги. Другие «учителя», избегнув грубо-материалистического опошления, делают из Веданты путь предельного эскапизма, где человек погружается в бесконечную вереницу *субъективных состояний*, ощущений и впечатлений, где размыта граница между Истиной и галлюцинацией. Чем более яркими и неземными окажутся эти ощущения и впечатления, *не подлежащие размышлению и обобщению, но лишь воспринимаемые*, тем более «ню-адвайтист» уверен, что в конце концов всё будет «о'кей». На этом пути — сколько людей, столько истин. Здесь каждый сам себе гуру и сам себе режиссёр. Учение остаётся полузабытой иконой на стене, покрытой пылью, но в золочёном киоте. Когда всё передаётся интонацией, выражением лица, взглядом, то *нет учения как такового*, есть лишь передача состояния — от «учителя» к «ученику», от книжной страницы к читателю. Наставники этого пути поражают хорошими актёрскими данными, они мастерски играют словами, складывая их в изящные формулировки, похожие друг на друга как капли воды. Опыт — важнейшая составляющая *садханы*, но вне традиции, вне того понимания, которое составляет сокровище исторической Веданты, опыт легко деградирует в экстатический поток восторженных эмоций, превращается в искусство ради искусства, духовная ценность которого неочевидна для стороннего наблюдателя.

32

Борьба, различение, отвержение, осуждение, противопоставление добра и зла — нарушает безоблачную весёлость эскапизма и поэтому признаётся учителями «ню-эйджевской Веданты» грехом большим,

чем любые злодеяния. Противопоставления и критический взгляд она воспрещает категорически. А вот разгул страстей, бессмысленный эпатаж, гордыня, упоённость властью и поклонением, — это вполне сходит за необъяснимые игры «безумной мудрости». Но традиция Веданты *использует* разум и противопоставление, она *требует* принятия на себя ответственности за каждое своё действие, каждое слово, каждое намерение. Мы можем *отозваться* на любой опыт правильно, а можем неправильно. Ибо мы *всегда сознаём*, что мы делаем, *всегда сознаём*, что движет нами. «Шишья» сходно с русским словом шиш, в смысле «ничто», пустота. Низведение себя до размера «ничто» среди абсолютной пустоты, Свободы и открытости, безмолвное смирение и готовность *следовать зову* просветлённого сердца, — вот правильный, совершенный ответ на Откровение. В ученике должно таять известное и расти Неведомое. Когда *садхана* совершается, а не остаётся лишь «в теории», в ученике нарастает присутствие Бога и становится всё более незаметным личное, человеческое. Латинское слово *гумилитас* (смирение, *humility*) родственно слову *гумус* (почва). *Смирение означает служение*. Все истинные традиции Веда *ты учат нас служению* Открывшему нам Истину, Призвавшему и ныне Зовущему нас к совершенству. В этом *служении* заключено окончательное совершенство — и *бхакти*, и *джняны*. Напомним себе ещё раз, что речь идёт *не* о служении организации, *не* о служении идеологии, *не* о служении гуру-человеку (все эти виды служения остаются в сфере *эго*).

Познав *недеяние*, смиренный ученик продолжает *действовать* (*пребывать в служении*) как ни в чём не бывало. *Став всем*, смиренный ученик готов *оставаться никем* ради славы Единого. Ибо и Бог вечно действует в своём *недеянии*. Шива изображается танцующим или практикующим йогу, Вишну приходит в своих *аватарах* на помощь падшему человечеству, Кришна играет с пастушками или участвует в битве на поле Курукшетра. Бог Ветхого Завета ведёт свой народ по пустыне к земле обетованной. «Не спит и не дремлет Бог» и ныне, ожидая соратников в виноградник свой. *Аействовать*, будучи совершенным в каждом своём жизненном проявлении, не прячась за экстатический самогипноз, открывая всё совершённое, почувствованное и помысленное Учителю, — так можно сохранить недейственность до конца и в единстве с Богом уйти за порог Вечности. (*Каждое мгновение являть себя на суд Бога*)

и на суд мира, — сама мысль об этом сбивает нас с ног настолько, что мы начинаем задыхаться). В отличие от беззаботности, беспечности нео-адвайтических «состояний», — новая, и новая, и новая волна самопознания через действие будет вскрывать в нас новые, и новые, и новые пласты привязанности, косности, бессовестности, эгоизма.

ЭЙ

Шанкара оставил нам такие слова: «Неведение окутывает и скрывает под собой «не-я». Разрушение неведения есть Освобождение. Тьма не может изгнать тьму, но мудрость (ведение), несовместимая с неведением, обращает тьму в бегство». Бог не для того ведёт сквозь миллионы лет эволюции тварное сознание к нетварному свету («точке Омега»), чтобы привести его, наконец, в уютную башню из слоновой кости. Ударами грома и молнии он разбивал утлое судёнышко мирских успехов и удовольствий, чтобы ныне вдребезги крушить пьедесталы «продвинутых». Освобождение обращает нас в прах и пепел, чтобы научить служению. Оно *заставляет* «ас упрямо поднимать факел Истины там, где пули свистят по степи. Просветлённый *действует совершенно*, а не просто пропускает свой ход, празднуя своё совершенство и загорая на солнышке. Освобождение подобно царю, который требует от своих рабов держать в руках меч, хотя прежде, будучи детьми, эти рабы, возможно, умели держать в руках лишь игрушку, или карандаш, или ложку.

ЭЙ

Просветлённый, вставший над временем, тот, которому посчастливилось приостановить вращение колеса *сансары*, а то и крутануть разок это колесо в обратную сторону, оказывается *ответственным за всё*, что он совершает в настоящем, прошлом и будущем. Ответственность эта — не только за свои собственные слова, помыслы, поступки, но за всё, что совершено и совершается в мире, ибо Просветлённый не-двойственно понимает, что Я — это и есть вся полнота бытия. Ученик — больше не жертва прошлых травм, грехов и обстоятельств. Внутренне каждый знает, что, как и зачем он делает; ученик Веданты лишь *открыто признает* взаимосвязь всего и своё сознательное соучастие *во всём* происходящем. Всё, что произошло и происходит вокруг, — не случайное нагромождение кармических реакций, но — *моих рук дело, мои поступки, моё решение и мой выбор*. «А как третья война — всё моя вина, а

моя вина — она всем видна». Ученик Веданты понимает: *оно не случилось само, я всё это сделал, я* - виновник всего, что сейчас во мне и вокруг меня. Ответственность, неизмеримо большая, чем прежде, возлагается и на Достигшего, и на подвизающегося. Бог возжигает такого человека, как свечку, и ставит на подсвечнике, чтобы светил всем в доме.

Шанкара пишет о том, как *не-двойственно* жить в этом мире: «Как росинка, дрожащая на листе лотоса, хрупка и непостоянна жизнь человека. Весь мир изнемогает, терзаемый страданьем, болезнями и гордыней». «*Атман* (Я) сокрыт от безумцев. Печать вождельня и гнева отвергни, вырви с корнем заблужденье и алчность. Помни, *кто тыл*. «Помысел не прилепляй ни к врагу, ни к другу, ни к сыну, ни к сородичу, ни к войне, ни к миру. Устремляясь к обители Бога, на все вещи взирай беспристрастно». «Бог и во мне, и в тебе, и в каждом. Гнев твой нелеп, нетерпение смехотворно. Увидь Истинное Я (*Атман*) во всех, во всём, повсюду — и покончи с противопоставлениями, порождёнными твоим заблуждением». Можно ли исполнить эти слова из знаменитого гимна «Разрушение иллюзии» (*«бхаджа Говиндам...»*), не подразумевая некоего действия, борьбы, усилия, преодоления, перемены, когда меньшее уступает место большему, а малое совершенство отвергается ради великого? «Божества, такие как Брахма и Индра, вкушают лишь капли того безграничного блаженства, которое есть Единый, сообразно уровню своего постижения».

3*

Искренний ученик не-двойственной Истины ничто не рассматривает как аксиому для своего дальнейшего пути: деяние или недеяние, активность или покой, тот или иной образ жизни. Он всякий раз — в каждое мгновение—стремится заново осознать: там ли он, в том ли месте, в то ли время, и тем ли он занят, чего хочет от него Бог? Он смотрит *безлично* на всё, включая самого себя, и в этой *объективности* становится очевидным единственно возможный, правильный путь — ясно, где *нивритти*, а где *правритти*, где жмём на тормоз, а где на газ. Помышляя о совершенстве, претендуя на совершенство, на слияние с Абсолютом и жизнь вечную, мы должны окончательно разобраться, кто мы воистину, каковы наши проявления в мире множественности, *среди его противоречий*,

что и ради чего мы совершаем, что движет нашими побуждениями. Чего мы хотим? Что мы делаем? Что из того, что мы делаем, совершается ради нас самих, а что — ради всеобщего, не-двойственного, единого Блага? Что преобладает в каждом нашем жизненном проявлении, кто в нас «здесь и сейчас» правит бал? Изливается ли помимо нашей воли, во всяком слове и поступке нашем, из сердца нашего — ручеек сострадания ручеек милосердия? Выходит ли эта умиляющая сила сквозь нас во все движения наши, на всё, с чем соприкасается тело и сознание наше? Насыщается ли каждое наше движение мощной энергией *страсти к Истине*? Исидор Пелусиот (христианский египетский подвижник 4-5 в.в.) пишет: «Надлежит знать, что все обращают внимание не на то, что говорим, а на то, что делаем. Всякое слово, не опирающееся на дела не идёт далее ушей; но когда оно соединяется с делом, оно оживляет (душу) и проникает до самого сердца». В мире Веданты — внешнее проявление (поступки) есть зеркало и лакмусовая бумажка реального состояния — Пробуждённости или непробуждённости.

32

Первый глава иерусалимской церкви, апостол Иаков, брат Иисуса, обращаясь к христианам, говорит: «Покажи мне веру без дел твоих, а я покажу тебе веру из дел моих». Как вера (устремлённость и открытость сознания, верность, доверие, самоотдача) *состоит из действий, поступков*, так же точно и понимание, и мудрость, и Освобождение. Веданта учит тому, как быть Свободным и при этом отдавать каждому из совершаемых действий такую полноту сознания, искренности, усердия и вовлечённости, которая немислима для несвободного человека, погружённого в деятельность *эго*, деятельность *сансары*. Освобождённый (или устремлённый к Освобождению) вовлечён в своё *служение* настолько, что ни *эго*, ни страсти, ни ум, ни прошлое, ни будущее — не имеют для него значения и не отвлекают его. Он вовлечён, но не привязан. Такой человек может быть занят 20 часов в сутки, осуществляя то *служение*, которое ему надлежит совершить, но он не цепляется, не держится ни за что. «Тот, у кого нет чувства «я совершаю это», независимо от того, занят он деятельностью или нет, чей разум (*буддхи*) незапятнан, тот считается освобождённым при жизни» («Йога-Васишта-сара-санграха», глава 4, стих 5).

Энергия Освобождения сообщает человеку необычайную живость, позволяет не замечать усталости и учит не отвлекаться на пустяки. Эта энергия доставляет больше радости, чем самые изысканные наслаждения. Но она требует, чтобы мы не теряли ни единого мгновения напрасно. Она требует от нас мудрого, святого действия, действия, действия, действия...Правильное действие и принятие правильных решений — вот путь из «океана рождения и смерти» в «океан нектара Просветления». Идя вниз (*тамойогья*) или блуждая в повседневности (*нитьясансаринах*), бессмысленно убеждать себя, что мы - на пути к Просветлению. Веданта предлагает нам не самообман, но реальное осознание своего положение и принятие мер ко спасению. Идеальное решение и действие, выводящее нас на путь *муктийогья*, - это отказ от эгоистического «я» и вверение себя Единому.

ЭЙ

Шанкара: «Погружённый океан плотских утех, я трепещу перед страданием. Похотлив я, и алчен, и неразумен, всегда в греховных оковах зла. В Тебе лишь спасение моё, в Тебе, о Господь, моя помощь и сила. Не в отце, не в матери, не в товарище, не в сыне, не в дочери, не в жене и не во внуках, не в слуге, не в господине, не в мудрости, не в призвании спасение моё. Но только в Тебе, о Господь, моя помощь и сила». В этих стихах Шанкара именует Божественную силу «Бхавани», что выше переведено как «Господь». Адвайта-веданта это не секта и не религиозная организация, которая строго блюдёт свою схоластику (*нама-рупа*). Это учение о Едином, где имена и формы второстепенны. Веданта — как и всякая истинная религия — воссоединяет человека с Единым, учит человека целиком полагаться на силу и помощь Единого. Но *нерешительный ученик* не ведаёт этой помощи и силы. Он отключен от её источника, он черпает силу в волевых командах своего собственного ума, пусть даже словесно идентичных адвайтическим истинам. *Нерешительный ученик* покрывается бронёй цинизма. Любой зов извне, влекущий к более высокому совершенству, к очищению, к глубинному «вскрытию» себя, затрагивающий *ещё глубже* запрятанные привычки и склонности, которые «сами собой разумеются», вызывает реакцию *это* — протест и циничную насмешку, за которыми скрывается страх.

Вверение себя Едином)' меняет человека настолько, что это невозможно не заметить извне. Действия, поступки такого человека обретают силу святости. Для Освобождения нет знака равенства между добром и злом. Добро в этом уравнении равно добру, а зло (сознательный вред наносимый живому существу или даже «неживой» природе), удаляется столь же ретиво, как чёрт от ладана. Меняется память, меняется облик, меняется карма и энергетическая оболочка. Не на уровне психотерапии, но на уровне чуда. Адвайта, изначальная Правда, сияет сквозь сознание, тело, слова и дела Просветлённого, лишённая своего обычного покрывала, неискажённая, незатемнённая личностью, беспокойным умом и гордыней. Освобождение преобразует всякую иную энергию в энергию сострадания, милосердия, всеразличающей мудрости и жертвенного служения. Недвойственность, Истина, Абсолют оставляет человек)' лишь один выбор. Либо стать равнодушным предателем, горделивым отступником, противником Бога, либо совершить прыжок - до конца отдать, довериться Ему самого себя. Воля Божия, подобно закону естественной эволюции, безостановочно влечёт всё творение ко *всеобщему* взаимопроникновению, взаимопостижению, взаимосвобождению. Она *жаждет* искоренения всякой тени неведения, всякой тени зла в сознательном Единстве человека и человечества. Воля Божия, источник абсолютной любви и сострадания, обращённого ко всем, независимо ни от чего, *жаждет* пробуждения любви и сострадания в каждом живом существе. Такова *этически, нравственно подкреплённая цель* эволюции, которая не происходит теперь, как в мире растений и животных, сама по себе, но нуждается в участии человека, требуя от него *сознательного ученичества*.

Энергия Освобождения воспроизводит самоё себя, она взрывоопасна. Усилие служения, усилие жертвенного подвижничества, усилие самоотречения подобно трению передаёт энергию Освобождения из одной точки времени и пространства в другую. Там, где Бог вступает в игру, каждый шаг, каждый поступок, каждый импульс приобретает огромное значение. Он либо служит Богу, либо противится Ему. А в кармическом круговороте (*сансара*) каждое действие лишь дальше и дальше меняет космическое равновесие кармы (*карма-самья*), вызывая

всё новые ответные движения всех остальных песчинок кармического океана. Этот круговорот бесконечен и безнадежен. Но вторжение не-двойственный Истины — Освобождение — придаёт всему новый смысл. Всё устремляется к единой Цели и становится насущным, безотлагательным. Цель эта не личная, но объективная, всеобщая, Божия. Всё то, что в кармическом круговороте относительно и субъективно, в мире Просветления предельно просто, конкретно, реально. Чтобы ощутить этот привкус реальности и простоты, достаточно, забыв о догмах, перечитать классические тексты Адвайта-веданты, или Евангелие, или Дхаммападу. Предшествующее, «вчерашее» Просветление остаётся в нас драгоценным опытом, картиной на стене. Подлинное, всамделишное Просветление — это новорожденный, оно всегда сейчас. Оно обладает чудотворной энергией, оно творит чудеса в обыденной, земной, человеческой повседневности.

3*

На ступенях религиозного благочестия или *недеяния* можно встретить великую искренность, серьёзность, внимательность, твердость. Но ступень, о которой сейчас идёт речь, когда на весах сознания *Неведомое перевешивает известное*, — эта ступень обретает новый элемент, не упоминавшийся прежде. Это — риск, это «будь что будет», это готовность отказаться от самого себя. Оставление себя создаёт Свободу, ощущение полёта, прыжка, незнания ни того, что позади, ни того, что впереди. Остаётся лишь ответственность за каждое наше мгновение, за каждое наше движение в этом пути над бездной, неподвластном, непонятном уму и необъяснимом. Без риска, без прыжка — ничего не происходит. Сознание, при всей его искренности, серьёзности, внимательности, твердости, — может навсегда остаться механическим комплексом догм, привычек и убеждений, неспособным совершать сознательный, мудрый выбор. Истина ищет в человеке достойной, сознательной и мудрой воли, спонтанно, *не-механически* совершающей действия, поступки, подвиги, через которые *Бог сможет двигать дальше* развивающийся мир, насаждая и укореняя в нём любовь, благо и совершенство.

ПЗг>

В диалоге Бхагавад-гиты Кришна говорит Арджуне о действии не-эгоистическом, но о действии как о служении, направленном не на «я», но на

Единого, на единое Благо. Бхагавад-тта учит единству трёх аспектов, трёх пониманий Пути, которые людьми испокон веков противопоставляются: знания, любви и служения Источнику всякой любви и всякого знания. Сегодняшняя разгадка этого учения не в ритуалистическом богослужении, не в подчинении какой-либо секте, не в начётничестве, но в зрелом понимании единого Блага, в реальном возложении нашей лепты на единый Алтарь. Неожиданная ассоциация: *литургия* по-гречески изначально обозначала вовсе не богослужение, а «общее дело», совместное участие в каком-то общественно полезном мероприятии. Один из самых ортодоксальных и неутомимых проповедников Адвайта-веданты, *джняны*, Свами Чинмаянанда пишет: «Высочайшая молитва — это служение, высочайшее *бхакти* — это любовь к людям, самая благородная черта в человеке — это сострадание ко всем живым существам». Сегодня человеку предстоит отойти от узкого, сектантского «раскладывания по полочкам», от следования примитивным, заимствованным штампам, чтобы вскрыть первоначальные смыслы единого Учения и воплотить их в себе целиком, ибо жизнь и душа неделимы. Тому, кто не хочет кромсать Учение, превращая его в грудку бесполезных кусочков, предстоит вспомнить, «откуда он ниспал», чтобы вернуться к цельности: сказать Воле Божией либо полное ДА, либо полное НЕТ.

Воля Божия ищет в единожды откликнувшемся человеке—теперь уже во всякое мгновение - ответной, достойной, ни на что не отвлекающейся, сознательной и мудрой воли, которая не направлена на самой себя. Приняв единое Учение целиком, душа отложила всякое личное попечение, перестала заботиться и даже вспоминать о себе лично, но предала себя до конца этому Учению, во всём служа Богу, творящему всеобщее Благо. «Ты ищешь то, что должен бы приносить как дар на алтарь Бога. Ибо о чём Богу просить тебя, кроме тебя самого? И что сотворил и дал тебе Бог лучшего, чем ты сам?», — эти слова оставил нам блаженный Августин (354 — 430 г.г. н.э.), карфагенский епископ и величайший мыслитель раннего христианства. Вспомним, как мать учит своё дитя письму. Она берёт его руку в свою руку и пишет, водит пером по бумаге. Если ребёнок сопротивляется и пытается «делать сам», выходит «каляка-маляка». Но, отдав свою руку материнской руке полностью и лишь сознавая, впитывая то, что возникает на бумаге, ребёнок словно бы уже владеет мастерством письма.

То что отбрасывается, оставляется самосознанием, приносится в жертву, — это гордыня, это уверенность в своём знании, в своей *самостоятельной* ценности и самодостаточности. Изгоняется зверь *эго*, кормящийся и режвящийся с незапамятных времён на злчных пажитях души нашей. Бескорыстное служение — это исполнение ведических жертвоприношений (*яджня*) в реалиях двадцать первого века. Как Ветхий Завет наполняет символикой древних прообразов Евангелие, так Веды и Упанишады символически предваряют философию средневековой Веданты, которая в свою очередь оказывается сокровищницей откровений, актуальной для сегодняшнего дня. Вот — ошарашивающее, пугающее и долгожданное откровение: *догматическое, религиозное благочестие лишь готовит сосуд сознания к окончательному опорожнению*, к оставлению или выходу за пределы самого себя. Жертвенное служение, самопожертвование, оставление или вверение себя — всегда *скрывалось* позади догм, символов и ритуалов. Через все сакральные формы оно *звало человека к себе*, являло ему *примеры* в притчах и житиях, преследовало его неутолённой и неутолимой жаждой Бога, жаждой Истины. Рядом с этим вверением себя любые личные страхи, сомнения, опасения, мотивации кажутся ничтожными до смехотворности. Рассуждения моралистического или психологического плана, которыми изобилует современная религиозность, выглядят мышиною вознёй на пороге храма.

Идея оставления себя словно открывает, откупоривает сознание — и вовнутрь, и наружу. Человек перестаёт блуждать в религиозной символике как в потёмках, но начинает решать основные вопросы своего бытия, глядя в глаза самому себе, своей собственной жизни, другим людям, реальности, правде. Отказ от «я» оставляет человека обнажёнными, уязвимыми, одинокими в этой абсолютной открытости — посреди бытия — прекрасного, бесконечного и безжалостного. Это момент, когда ученики Адвайта-веданты должны сделать окончательный выбор между страхом и Свободой. Пока человек *принимает* внутреннее разделение (двойственность) в самом себе, где (по Гурджиеву) одни «я» поднимают свой голос, всячески противясь очищающему духовному усилию, а другие «я», каждое на свой лад, ищут гармонии, истины и совершенства, человек ходит по кругу. Это — лишь подготовка к истинному пути.

Необходимо отдать предпочтение — абсолютный приоритет — одному-единственному намерению, одному-единственному устремлению, направленному к Абсолюту' (*мокша-санкальпа*). Вспомним, как Будда сел под дерево, собрав всего себя воедино, окончательно решив больше не ходить вокруг да около. Он принял решение не вставать из-под этого дерева, пока не достигнет окончательного Пробуждения. Его пример другим наука.

32

Всё происходит, и всё зависит от этой решимости, чувства отрешённости, чувства оставления и оставленности. Глубочайшие ответы приходят тогда сами собой, энергия изливается как полноводная река, разум движется с необыкновенной живостью и быстротой, а ум способен пребывать в молчании. Когда наша решимость окончательна, нет больше ни проблем, ни поиска, ни метаний ума. Слова приобретают силу правды и простоты. Душа становится способной побеждать страх. Счастье человека заключается с этих пор не в том, чтобы наслаждаться, побеждать или пребывать в покое, но в Освобождении всех живых существ, всей «неживой» природы, в воссоединении творения и Творца. Такой человек движим уже не восторгами, но *состраданием*, его новая жизнь — это молитва за весь мир. И если его молитва за весь мир безупречна, тверда и не обесценивается его личной несостоятельностью, она находит себе конкретное применение. «Что делать?» — раскрывается тогда со всей очевидностью.

32

Личность силой Просветления преобразается в прозрачное «w-л». Горький незрелый фрукт силой жизненных соков, *приходящих извне*, приобретает нежный аромат и сладость. Созревание фруктов, неподвластное и неведомое человеку, требует от человека больших усилий: дерево требует удобрений, полива, солнечных лучей. Интенсивность духовной практики (*садханы*) не связана напрямую с тем, как скоро и как мощно обрушится лавина Пробуждения. Но искренность и прилежание садовника, его самоотдача, усердие и внимательность — необходимы, чтобы рано или поздно снять желанный урожай. Майстер Экхарт (ок. 1260 — 1328), современник и европейский собрат великих учителей Веданты, говорит в своей проповеди: «В нас есть семя Бога. Если за этим семенем ухаживает мудрый и усердный садовник, оно

идёт в рост, стремясь дотянуться до Бога, которому оно соприродно, и приносит Божественный урожай. Из семян груши вырастают грушевые деревья, из орехов — орешник, а из Божьих семян — Бог». Жизненный опыт, драгоценный для духовной практики, но обременительный и даже мучительный для ума, должен быть сохранён и применён ради высшей Цели: чтобы пройти весь путь до конца, не преткнувшись и не пойдя по кругу. Пока *Я* не совершает чудес сквозь нас — явно — при нашем полном невмешательстве, поиск, усилие и напряжение всех внутренних сил должны продолжаться. Путь до конца ещё не пройден, служба вся, брат, впереди. Show must go on.

3%

Путь Веданты напоминает сказку о Коньке-Горбунке. Старшие братья, деятельные и работающие, выбирают красивых, больших коней — материальный успех, власть, славу. Иван-дурак, шалопай, погружённый в *недеяние*, делает один-единственный — правильный — выбор. Он выбирает Конька-Горбунка, невзрачного, неприглядного маленького ушастого верблюжонка, Истину, которая *заключает в себе чудо преображения*. Неожиданно Иван обнаруживает, что стал учеником, а, выбрав Истину, нашёл в ней и друга, и строгого Учителя. Старшие братья остаются такими же, какими были в самом начале, — крепкими хозяйственниками. А Иван, выбрав Истину, начинает невероятный *путь испытаний*, где он должен многократно подтвердить свой выбор. Доверившись Истине единожды, он должен снова, и снова, и снова доверить себя Ей. Отдав себя Истине окончательно, умом, чувствами, телом, Иван-глупец проходит через *чудо преображения*, невозможное для обычного человека.

Оставление себя — это та соль, та «изюминка» Веданты, ради которой написаны все её тексты, ради которой происходит встреча ученика с Учителем и весь процесс обучения. Всё в человеке переориентируется на различие между *эго* и Истиной — ради того, чтобы однажды он сделал шаг за пределы *эго*, немислимый для обычного человека. В совершенном доверии к Учителю, к Истине — человек должен, так или иначе, перейти от абстрактной философии к реальному преображению самого себя, т.е., приняв Истину, отказаться от самого себя. Глава об оставлении себя, увы, однообразная, повторяющая «халва, халва» — центральная, самая важная в данной книге, она говорит о том главном,

что составляет смысл *всей* Адвайта-веданты. Если человек жаждет Реальности, он не должен бояться абстракций. Нужно оторвать сознание от конкретики мирской суеты, пусть и овеванной благими намерениями. Нужно научиться быть мыслителем, философом, но не философом теоретизирующим, не рабом ума, но философом, ясно ощущающим «предмет своей философии», — рабом Адвайты, рабом Единого. Если это так, абстрактная теория претворяется в Свет миру.

32

Одних лишь ощущений и экстатических состояний сознания — недостаточно. Тем более, недостаточно абстрактных знаний. Опыт медитации, чтобы вести нас к Богу, а не увлекать в болезненные закоулки психики, должен быть *производным* от правильного различения, правильного понимания и правильного образа жизни. Но различение и понимание остаются лишь зыбким, кратким мигом прозрения, всё тем же переживанием, пока сознание — внутренним и сознательным актом решимости — в потоке благодати, полностью перекрывающем собой *это*, — не будет выброшено из своего личностного кокона навсегда. Весы резко перекидываются на одну сторону, чаша Неведомого разом перевешивает чашу известного. Оказавшись безо всякой опоры, утратив все точки привязки, «разоблачённое» сознание лишается всегдашнего, привычно-цепляющегося, всепроникающего чувства: «у меня есть причина быть озабоченным или гордиться самим собою». При этом воля случайного человека будет смята и раздавлена страхом, но воля ученика, закалённая медитативным усердием до твёрдости алмаза, не рассеянная и не спящая, всегда внимательная, — наполняется чем-то иным, безличным, не принадлежащим ни ему и никому из людей, но исходящим из неразделённого, нечеловеческого Единства. Видя, что *Аух ожил* там, где прежде шла борьба, где опорой служили лишь волевое усердие и дисциплина, сердце человеческое, содрогнувшись, истекает слезами радости и восклицает: «да будет воля Твоя!», «да будет воля Твоя!». Воистину, да будет воля Твоя!

КЛЮЧИ СВОБОДЫ

Цель учения Веданты проста - это Освобождение. Освобождение от эмоциональных противоречий и проблем, от суеты, бессмыслицы и самообмана, от противоречивых желаний и страхов, от неустойчивости ума и переменчивости взаимоотношений с окружающим миром. Освобождение от тайной предрасположенности ко злу, от того опасного и мрачного мусора, который глубоко запрятан внутри нас, но всё время работает против нас, формируя наши будущие страдания, наше предстоящее «хождение по мукам». Освобождение от бездонной человеческой гордыни, от *эгоизма*, от желания становиться, покорять, преодолевать и овладевать. Освобождение от инертности, неискренности и поверхностности. Освобождение от неспособности видеть реальность такой, какова она есть, быть с ней лицом к лицу, везде, всегда, при любых обстоятельствах. Освобождение от неведения своего истинного Я, от той завесы, которая разделяет «я» и Бога. Освобождение от поклонения иным богам кроме Единого; Освобождение от привязанности к целям и ценностям иным, нежели познание единой Тайны, единой Первопричины всего сущего. Освобождение, подобное выходу народа Божия из Египта, когда временно безопасное и привычное, хотя и унылое, и мучительное рабство — оставляется ради зова неведомой, невообразимой Чистоты, ради божественной Вечности. Великий христианский подвижник и учитель, преподобный Антоний (251 - 355), говорил своим ученикам в египетской пустыне: «Свободен и блажен тот, кто пребывает в чистоте и презирает временное».

32

Путь к Освобождению идёт по ступеням, от более грубого, более осязаемого, очевидного, ко всё более неопределимому, ускользающему, тонкому. Каждая такая ступень столь неожиданна, невообразима — с точки зрения более низкой ступени, — что воспринимается как прыжок, как мгновенное, окончательное Пробуждение. Постепенное восхождение (*крама-мукти*) — духовное взросление души — происходит при всё более интенсивном обращении сознания к своему Первоисточнику. «Нет более высокого постижения, чем постижение Атмана» (Шанкара, «Атмаджнянопадешавидхи»). Эта и две предыдущие главы неслучайно посвящены всевозможным подменам и ловушкам

на пути к Освобождению. Сегодня, в двадцать первом веке, человек ухитрился замусорить всё, начиная от своего местообитания, от тех улиц и тропинок, где предстоит ходить его детям, и вплоть до того пути, по которому надлежит пройти его душе. Великие произведения искусства давно подделаны и размножены в неумелых копиях. Так же, точно великие Учения древности, такие как Веданта или христианство представлены множеством более или менее искусных подделок, среди которых встречаются и искренняя, аккуратная ученическая имитация и грубое извращение, и ребячески-примитивные пересказы в форме комиксов. Все эти «несовершенные версии» объединяет то общее свойство, что они никого не приводят к окончательному Освобождению и к подлинной святости. Искреннему искателю Истины ничего не остаётся, кроме как научиться отличать настоящее от фальшивки, в том числе и по тем отдельным чёрточкам, которые упомянуты в этой книге. Внешний, грубый, осязаемый мир — лишает человека объективности, замешивая в общую кашу всё: правду об абсолютной Реальности, её образы и блики, временные, относительные истины и откровенные миражи. *Веданта - это искусство различения.* Спасением от любых ловушек будет каждому искателю Истины тот эталон, тот камертон, который всегда при нём: в самой сердцевине души, в тайной пещере сердца (*хрит-гуха*).

ЗЙ

«Та Истина, что выше касты и религии, семьи и духовной школы, вне имени и формы, заслуг и прегрешений, что превосходит пространство, время и объекты чувств, - есть Ты. Познай это в сосредоточении. Та Истина, что недоступна для речи, но зрима очами Просветления, незапятнанная и воплощающая в себе изначальную Мудрость, - есть Ты. Познай это в сосредоточении. Та неопровержимая Истина, что не покрывается шестиглавой волной (разложение и смерть, голод и жажда, горе и заблуждение), Истина, на которую йоги взирают в своём сердце, недоступная для чувств и для разума, - есть Ты. Познай это в сосредоточении. Та Истина, что стала первопричиной вселенной и всех её иллюзорных созданий, не имеющая под собой иной первоосновы, отличная и от грубых форм, и от тончайших, не знающая ни разделения на части, ни подобия себе, - есть Ты. Познай это в сосредоточении. Та Истина, что не появляется на свет и не растёт, не дряхлеет и не умирает, неразрушимая первопричина зарождения, процветания и увядания

селенных, - есть Ты. Познай это в сосредоточении. Та Истина, что, будучи Одно, стада бесчисленным множеством, превзошедшая все иные причины, ибо ничто не предшествует ей, отличная от *майи* от её порождения (космоса), вечно свободная, — есть Ты. Познай это в сосредоточении. Та Истина, что не-двойственна, бесконечна и постоянна, высочайшая, вне времени, неумирающая, не имеющая ни в чём недостатка, - есть Ты. Познай это в сосредоточении. Та Реальность, что Едина, но из-за неведения кажется многообразной, облачённой в наименования, формы, качества и переменчивость, неизменная как золото в разнообразных золотых украшениях, - есть Ты. Познай это в сосредоточении. Тот Брахман, помимо которого ничего нет, сиянием превосходящий *майю*, а величиём - всё проявленное бытие, сокровеннейшая Сущность всех вещей, Одно без иного, истинное и единое Я, бытие-знание-блаженство, предвечный, безграничный, неподверженный изменениям, - есть Ты. Познай это в сосредоточении». Так Шанкара описывает тот Маяк, который всегда поможет искателю Истины выбрать верный курс в его плавании («Вивекачудамани», 254 - 263).

ЭЙ

Различение (*вивека*) между Истинным (*сат*) и неистинным (*асат*) — позволяет душе *увидеть, распознать* свет этой неведомой звезды, которая незаметна для большинства людей, мечущихся среди ярко пылающих костров страстей и иллюзий человеческих. Различение становится выбором, когда сознание-душа отвечает, откликается на Истину абсолютным ДА, но отвергает подделку, дешёвую её имитацию. Понимание, мудрость — воспитывается не только опытом непосредственного *распознавания*, но и наследием *традиции* (знанием, воспринятым от предшествующих поколений искателей Истины), а также здравым смыслом (опытом прожитой жизни). «Всегда будьте пронизательными и различающими. Если вы можете различать между Атманом и не-Атманом, то вы достигли вершины» («Авадхута-гита», поучения мудреца-авадхуты Датгатрей). Обратить сознание к Первоисточнику можно лишь за пределами себялюбия, за пределами разнонаправленных эгоистических порывов. Выход за пределы «нелюбви» — возвращение в первозданное состояние любви есть выход за пределы неистинного, выход из борьбы, *трансценденция*.

ЭЙ

Состояние фанатической преданности принимается неокрепшим сознанием за трансцендентность, но в нём нет естественной беспричинной, самопроизвольной любви (*ахетука-бхакти*) ко всему творению, к каждой душе, — оно требует постоянной оглядки на идеологию секты. От такой нарочитой, искусственной, запрограммированной «любви к Богу» — один шаг до ненависти (*двеша*). Некоторые «ревнители истины» нападают на представителей другой веры, другой секты с оружием в руках, либо через книги и беседы возвращают ненависть в себе и в других людях целенаправленно и сознательно. Думая, что служат Богу, такие люди становятся подобны ядовитым змеям, всегда готовые впустить свой яд в тело тех, кто не привык использовать свой разум по назначению. *Это* может надевать на себя всё новые и новые маски, забавляясь людской доверчивостью. Преодоление коварства *это* происходит не от гипноза или самогипноза, но во внутренней тишине и одиночестве, во глубине сердечной, в бескорыстном служении Добру, в мученичестве, в молитве за весь мир. Не в служении чужому *это*, воплощённому в разных человеческих «проектах» (организациях, придуманных людьми и т.д.), но в служении *делу Божию* на планете Земля. Выход за пределы эгоизма *осуществляется* в человеке, когда внутренне в нём (по той или иной причине) происходит *переход от слов к делу, к делу освобождения*.

ЗЙ

Искренняя практика Веданты делает *это* прозрачным и как бы несуществующим, *тем самым* освобождая человека от скачков ума и эмоциональных перемен (*внезапно начинает ощущаться внутренний покой, независимость, неподвижности, от чужих мнений (появляется объективности), от внутренней унылости (рождается неведомая прежде, беспричинная радость)*). «Найдите смысл жизни в помощи другим людям. Если вы не познаете *радость отдавания*, вы не познаете радость жизни» (Ма Кришнаприя, ученица Шри Бхаджана Брахмачари — традиция Баба Локенатха). Сознание устремляется к своему Первоисточнику, поняв тщету, нелепость, абсурд *эго* — всеобщей эгоистической свистопляски. Одноединственное сознание влечёт за собой в этой устремлённости к Первоисточнику всё человечество. В *этом* усилии, в *этой* неослабевающей тяге сходят слой за слоем — как старая кожа змеи — упрямство, амбиции и горделивые помыслы, накопленные за тысячелетия блужданий и себялюбивой борьбы: медленно, болезненно и «многослойно»

совлекается «ветхое я». Обращаясь к Первоисточнику, сознание само превращается в однонаправленный (*жаграта*) волевой импульс (*иччха-шаКти*), в непрестанное воссоединение, известное в ведантической, в буддийской и в йогической традиции как *дхьяна* (медитация), а в христианском монашеском опыте как «умная молитва». Гаудапада, учитель учителя Шанкары, его *Парамагуру*, определяет совлечение «ветхого я» как *растождествление* обыденных связей, освобождение от касаний мира (*аспарша-йога*) и как пробуждение (*прабодха*) от всеобщего сна. Пробуждённый (*прабуддха*), действуя здраво, сознавая обыденное в состоянии бодрствования (*джагарита*), устремлён за его пределы, к тому, что «невидимо, не из мира людей, неведомо, беззнаково, немислимо, неописуемо» (Мандукья-упанишада, 7).

ЭЙ

Иччха-шаКти, обращённая к Истине, неусыпная жажда воссоединения, порождаемая искренним, не навязанным извне обращением сознания к своему Первоисточнику, есть то, что Шанкара называет *брахма-джиджняса* (желание познать Абсолют). Это центральный стержень, основа и энергия всей *садханы* (практики) Адвайта-веданты, её главная «мантра», в различных классических текстах именуемая также *мумукшаттва* или *мумукшутва* или *мокша-санкальпа*. В комментарии Шанкары к первой из Брахма-сутр Бадараяны говорится о четырёх основных условиях, порождающих *брахма-джиджняса*-. различение вечной и не вечной реальности, равнодушие к любым соблазнам в нашем или ином мире, достижение покоя, самообуздания, сосредоточенности и жажда Свободы. Ученик Адвайта-веданты не прозябает в пассивном ожидании, рассуждая о созревании «условий». Он не пестует ленивое эпикурейское «неусилие». В обращении сознания к своему Первоисточнику, как и в практике (*садхана*) самого учения Адвайта-Веданты, Шанкара и его последователи различают три шага, три ступени, которые необходимо *черезусилие* пройти и освоить: *шраеана* (слушание), *манана* (размышление, постижение) и *нидидхьясана* (безмолвное созерцание, слияние).

эй

Свами Вивекананда (1863 - 1902) - первый индийский учитель, который дал стройную концепцию Веданты людям западного мира, уравновесившую путь Шанкары (*адвайта*), путь Рамануджи (*вишишта-*

адвайта) и путь Мадхвы (*тагтгавада*), оставил нам следующий «набор требований», соответствие которым определяет истинного ученика. Ниже мы приводим отрывок из его «Шести уроков Раджа-йоги». Это беседы с учениками Веданты в Америке, опубликованные в 1913 году для ближайших учеников Вивекананды и лишь в 1928 году — для широкой аудитории.

«Оставь всякое стремление к наслаждению в этом мире и в последующем, ищи лишь Бога и Истину. Мы пришли сюда, чтобы познать Истину, а не для того, чтобы развлекаться. Человек не должен истратить свою жизнь на пустую болтовню, которая не приносит доброго плода. Ценить общество и общественное мнение — это идолопоклонство. Душа не имеет ни пола, ни национальности, она вне пространства и времени».

«Обрети неукротимое желание познать Истину, устремись к ней, как утопающий стремится сделать вдох. }Желай только Бога и ничего иного, пусть «кажущееся» не вводит тебя более в заблуждение. Отвернись от всего и ищи только Бога».

«Наложи на себя шесть обетов:

- Удерживай ум от беспорядочного блуждания вовне.
- Удерживай эмоции и колебания психики.
- Обращай ум внутрь, во глубину.
- Терпи любые испытания без ропота.
- Привяжи ум к одному предмету и пребывай на нём, не уклоняясь и не думая о времени.

~ Непрерывно возвращайся к мысли о том, *кто ты*. Избавься от суеверий в этом вопросе, от концепций и идей, занижающих, упрощающих понимание. День и ночь вопрошай себя, *кто ты*. Не оставляй усердие, пока ты не познаешь, пока ты *воистину* не познаешь своё единение с Богом».

«Мы можем сознанием ощутить Абсолют, но мы не можем выразить Его. В то мгновение, когда мы пытаемся выразить Его, мы вносим некое ограничение, утрачивая полноту Абсолюта». «Мы должны выйти за пределы чувств и эмоций, мы должны шагнуть за сферу ума и рассуждения. И нам дана сила, не теряя нашей цельности, сделать это».

ЭЙ

Ключ к Свободе (*мокша*) — в правильном выборе цели и в правильном выборе пути, совершаемого час за часом и день ото дня. Адвайта — это выбор не доктрины, не идеологии, не набора лозунгов и цитат, но

последовательности решений, поступков и внутренних прорывов, час за часом и день ото дня меняющих состояние сознания, преображающих само бытие человека. Каждый человек становится тем, о чём помышляет более всего, сокровеннее всего. Его сегодняшняя судьба есть часть судьбы человечества, но она может стать нитью, уходящей много, много выше всеобщей, привычной человеческой сферы. *Вьявахара* или *виварта* - иллюзорная сфера обычного человеческого опыта - заключает в себе непрерывное чередование добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти, законы которого постижимы для человека как совокупность множества истин (*самврити-сатья*). Но за пределами (или - за завесой) *вьявахары* царит Недвойственность (Адвайта) любви, света, бессмертия — одна-единственная, простая и единая Истина. Там, где нет иллюзии и смерти, жизнь - как сияние в глубинах солнца. Там, где нет зла, добро превосходит всякую меру человеческого воображения. Это солнце Адвайты пронизывает весь мир людей своими спасительными лучами, оно не только *там*, но и *здесь*, и повсюду.

ЗЙ

Русское слово «Свобода» состоит из двух корней: «свой» и «быть». В нём заложен нашими предками смысл: «самобытие», «быть в самом себе», «быть самим собою». Луч-вестниклюбви, свободы, бессмертия, входящий во *вьявахару*, но нераздельно, извечно тождественный Первоисточнику, открывается человеку во внутреннем опыте или через страницы священных писаний или воочию — как Спаситель, тот, кого Веданта именует *питья-му к та* (вечно Свободный и дарующий Освобождение). Он приходит, чтобы «отпустить измученных на свободу». Сознание, обратившееся к Нему, само обязано стать подобным Ему вестником-лучиком света. «Так да светит свет ваш пред людьми...». И «так бывает со всяким, рождённым от Духа». Окружающее нас облако человеческого сознания говорит нам: подчинись тем инстинктам, которым повинуются все. Но Дух приказывает нам встать и, не оборачиваясь, устремиться прочь из этого Содома. Одинокая душа, обратившаяся к Единому, отказывается исполнять волю клана, эгрегора, телевизора, общества, рода-племени - и возжигает одинокую свечу, чтобы, раздувая эту маленькую искорку, однажды, в благословенный миг Пробуждения, вспыхнуть всем своим внутренним огнём и всецело отдать *себя* великому пламени Духа. Раньше или позже, возможно после целой жизни учёбы, труда или мученичества, происходит воссоединение такой души с

Первоисточником: в одинокое сознание «я» прорывается Единое и растворяет его — сиянием вечной жизни, сиянием бессмертия.

З»

Традиция говорит о невыразимой сладости («слава Господня осияла...») о блаженном экстазе этого воссоединения, - и мы будем правы, если воспримем это описание буквально (*вачьяртха*). «Установлено, что Брахман - по природе своей блаженство, высшее само-сияние Атмана; Атман же - по природе своей блаженство, поскольку достигим он высшей страстью (*према*)». (Манданамишра, Брахма-сиддхи 1.1 - 7-й век н.э.) Но преобразование воистину происходит только с тем сознанием, которое обращается к Первоисточнику, Первообразу, - а не к искажённому «образу» человеческому, который, надевая на себя тогу учителя, утверждает, что он «знает как надо». Сознание, прошедшее через ученичество мудрости, через различение между Истинным и неистинным, познавшее опыт прошлых проб и ошибок, бережно относится к дару свободы, к той искре внутри, которая принадлежит только Богу. Отдавая себя Первообразу, истинный ученик не впадает в подчинение Его искажённой земной тени — человеку, возомнившему себя тем, кто «знает как надо», организации или сообществу, которые готовы скрутить всех в бараний рог «во исполнение Воли Божией». Отдавшие свою свободу самозванным судьям, маленьким тиранам, разодетым в тогу праведности, становятся *сектантами* - управляемыми роботами, игрушками, послушными чьей-то эгоистической воле. Человек-самозванец, подражатель, претендующий на роль учителя или Бога, потребует от адептов абсолютного послушания. Он внушает толпе своих последователей чувство общности и радостного возбуждения, энтузиазм «строителей нового мирового порядка», который они понимают как состояние пробуждённости. Но абсолютное послушание неспособно дать импульс к Пробуждению, оно лишь видоизменяет наш сон.

ЗЙ

Истинный Творец, само нетварное Единство, Первоисточник всяческого творения, пробуждает, вызывает от небытия к бытию, из смерти в жизнь, приоткрывает нашему взору новый уровень независимости и творческой свободы. Он способен даровать неоформленную в доктрины, не

построенную по порядку номеров, не придуманную человеческим умом, бесконечную, мудрую и добрую свободу нашего изначального бытия. Пробуждение, не позаимствованное ниоткуда, приоткрывает нам свободу капли росы на лепестке цветка. Пробуждение, неокрашенное ничем *яичным*, не запечатанное сургучом чьих-то *яичных* амбиций, всегда несёт в себе потенциал *дальнейшего, самостоятельного* развития, как проросшее семя, как живое существо. Познание Истины угасает, когда оно повязано мнениями и рамками *яичности* того, чьё прикосновение стало его катализатором. Откровение, воспринимаемое и осознанное *сейчас*, не должно догматически ограничиваться чьим-то прежним, однажды *уже случившимся* Пробуждением, если оно — осталось в прошлом и давно застыло концепцией в чьём-то уме. Традиция и Учитель дают наставление (*упадеша*), но *прыжок* совершает сам ученик, он *действует сам*, а не просто смотрит видеозапись об экстремальных видах спорта. Пробуждение не должно *остаться чужим*, иначе, воспринятое лишь на энтузиазме, оно может угаснуть, окаменеть в объятиях *эго*.

3г>

Не всем учителям можно доверить прорастающее семя, какова бы ни была сила их *собственного* Просветления, острога и энергетика их раскрытия единой Истины. Существуют потрясающие мастера медитации, мастера просветлённой речи, наделённые и энергией, и организаторскими способностями, и мудростью. Но большинство из них может лишь дать бесценный урок (*упадеша*), может помочь на определённом этапе пути, может оказаться духовным другом. В сегодняшнем мире практически никто не способен довести иную душу до высочайшей Цели (*парамартха*), ставя ей в той или иной форме барьер не исчезнувшего окончательно, но глубоко спрятавшегося, замаскировавшегося *собственного эго*. Отсюда — золотое правило *садханы*: никогда не говори «навсегда». Ибо существуют *степени, уровни* Просветления. Та или иная *ступень* пробуждённости открывает Реальность более или менее неискажённо, незамутнённо, более или менее правдиво. Любой человек, даже признанный всеми как Пробуждённый, может явить ту или иную степень мудрости, цельности, искренности — или, наоборот, наивности, беспечности, нечестности перед самим собой. Будучи затопленным водами Просветления, и ученик, и учитель может вновь подать руку своему *эго*, вновь, самостоятельно, вывести его из шока и поднять с колен. Многие «профессиональные просветленные» двадцатого века успешно сделали это.

Самозванец, пришедший со своим «просветлением», чтобы завоевать весь мир, рано или поздно прибегает к навязыванию себя и к *насилию*, он обязательно потребует активного продвижения своей «торговой марки» от своих учеников-рабов, отдавших ему свою свободу. Им придётся идти в бой и набрасываться со всей яростью на тех людей, кто смеет не принимать их патентованный рецепт спасения. Но Истина, от чьего зова эти «борцы» уклонились, избрав безвольное сектантское раболепие, *не покушается ни на что*. Дух Божий пребывает в тишине и безмолвии (*мауна*), он чужд всякого навязывания себя и любых посягательств на чью-то свободу; истинная религия и истинная духовность не приемлет насилия ни в учении, ни в поступках, ни в помыслах, ни в эмоциях. И сам Океан, и путь ручейка к Океану — всегда — не-насилие, не-стяжание, не-рассеянность, не-вождеделение, не-навязчивость, не-связанность ничем и не-опора ни на что, ибо целью пути является Тот, кто всегда — равная любовь ко всем (*каруна*) и невозмутимый покой (*шанти*). Равнодушие ко всему смущающему и отвлекающему позволяет напрячь и *сконцентрировать* устремлённость к Единству вплоть до ощущения Воли Единого, — если только душа до конца сохраняет это *слышание* Воли Его *в тайне*. В правильном состоянии устремлённости *внутренняя целостность* не нарушается. *Внутренняя целостность* не развеивается кипящими вихрями внешнего мира, не допускает потакания себе, не идёт на компромисс с совестью, неподвержена ощущениям скуки, тоски, неполноты: она не меняет Свободу на участь пешки в чьей-то чужой игре. Оставаясь равнодушным к «чужим голосам», не возмнив о себе ничего, в безмолвии соединив мудрость с искренностью, Пробуждённый (или идущий к Пробуждению) избегает саморекламы, крикливого сектантства и глупого человекоугодия. Душа, истинно ощутившая Просветление, *молча*, сохраняя свой опыт *в тайне*, одиноко шествует по лучу Свободы. Пробуждённое сознание умолкает, чтобы неслышно, невидимо подниматься, как фимиам, восходящий из глубин небытия к престолу Всебытия, Всеведения, Всеблаготворности Радости.

Ум, который примеряет на себя маски духовности, громко заявляет о себе, и — более или менее искусно — штампует идеи, которые должны вызвать интерес, энтузиазм и состояние фанатической преданности у

самого себя или у других людей. Он охотно жонглирует «большими словами»: Любовь, Свет, Космос, Гармония, Разум, Дух, Божественность. Из этих ингредиентов ум сооружает «эзотерический салат-оливье», обильно политый таким майонезом, который привлекает не жажду Освобождения, но *это*. Ум — это шеф-повар, и у него всегда готово аппетитное блюдо для потенциального потребителя, которому хочется, чтобы было вкусно прямо сейчас. Достаточно полистать те книги, которыми завалены полки эзотерических магазинов: там содержится то, что получается при смешивании разнородных элементов — яркая, привлекательная на вкус и на цвет мешанина. Душа в каждом живом существе чувствует, что за этой бестолковой, обычно бездарной, хотя и очень свежей безвкусицей *не может* скрываться Освобождение. Но *это* надеется кое-что там найти *для себя*. Лжеучителя, носители космических, националистических, социальных, научно-медицинских и псевдо-богословских «откровений», небрежно завёрнутых в фантик духовности, нажимают на все возможные кнопки в нашем сознании, способные укреплять и усиливать *это*. Их приманки, их мишени — это властность и готовность к подчинению, болезненное вождение или боязнь чувственных наслаждений, потребность поощрения, ласки, прощения, защиты, душевного равновесия, новых, ярких переживаний и надежд. *Это* жаждет и получает желаемое, ум увлекается и находит в своих увлечениях отраду, а душа беспробудно спит. Если бы душа пробудилась, её радость на обрётённом пути была бы *постоянна*, как бы не было трудно, как бы не были суровы испытания. Но *это* очень быстро теряет кайф новизны и жаждет чего-то нового. Ум забывает свою увлечённость, его энтузиазм угасает или переключается на что-то другое.

Переменчивость в духовных исканиях, эмоциональная нестабильность
- признак того, что духовный путь (путь души) ещё не начинался. Это признак человека, *неспособного* к живой встрече с Истиной, ибо он закрыт, занят чем-то несовместимым с Истиной, слеп настолько, что и глаз не нащупать. В нём продолжают лишь забавы *это* и блуждание ума, он ищет новые и новые объекты для обожествления. *Это*, замкнутое в самом себе, готово раздуться до любых размеров. Частью эгоизма, частью иллюзии «я» являются, например, этноцентризм или фундаментализм
- темы, весьма актуальные для нашего времени. Не находя Бога, человек

готов сделать идолов из своей национальной принадлежности, своих священных писаний или своих обычаев. Нерелигиозные его «собратья по разуму» точно так же творят себе кумиров из футбольных команд поп-звезд или компьютерных игр. Люди кучкуются по признаку той иллюзии, которая наиболее дорога их сердцу: так образуются секты, фан-клубы и явления субкультуры. Каждый такой новый пузырь иллюзии, - избрав своим идеалом не Истину, но имя, форму, идеологию, всегда обретает своего персонального «бога», обычно не каменного истукана но - из плоти и крови, готового пугать, увлекать, утешать. Самый шустрый носитель этой конкретной иллюзии - начинающий гуру - спешит занять свободное место. Так духовное зрение человека, его способность различать - оказывается безнадежно искажено, замутнено до непроницаемости. Но цель Адвайта-веданты, как и всякой истинной религии, - это прямое, точное, неискаженное восприятие Истины, встреча лицом к лицу с Богом.

32

Истинный Учитель - раб Истины, он видит только Бога и верен только Ему. Он видит Бога неискаженно, и так же неискаженно он видит каждого человека, проходящего к нему. Этой *верности*, этому *неискаженному видению* он пытается учить людей, - и ничему более. Тот *Садгуру*, кому все лжеучителя пытаются подражать, *искренне* хочет, чтобы все крупинки творения, все души-искорки, все возникающие при зарождении сознания в живой материи былинки-травинки вольно, сознательно соединили себя с Истиной, оставаясь безымянными в Её непостижимом Имени. Много ли нужно приобретать титулов, достигать успехов и вешать себе на грудь орденов и медалей, чтобы стать никем, ничем, безымянным ручейком любви, бесшумно текущим к Океану? Только эти ручьи питают и восполняют духовность человечества, омывая и исцеляя, как рождённые в Гималаях воды Ганги, все злодеяния, страсти и греховные раны людей. Готовность быть никем пробуждает бесстрашие, бескорыстие (*нишкама*). Именно в *нишкама* заключается *недеяние (найшкарма)*. Отказываясь от многовековых притязаний на исключительность, сознание должно постоянно сдирать с себя коросту эгоистических желаний. В этом состоит практика *аспарша-йоги* (йога не-связанности, йога не-соприкосновения), упоминаемая Гаудападой в четвёртой главе «Мандукья-карик» (4, 2): во всех своих жизненных проявлениях, во всех поступках и ситуациях, возникающих на пути,

оставаться *вне мира* (.локоттара) и *не желать* соприкосновения с миром *эго*. Задача ученика *аспарша-йоги* — в том, чтобы непрерывно расторгать узы (страстные желания) развлечений, почёта, мирских достижений, власти над людьми, чтобы каждое действие, каждый сознательный выбор мог быть назван *нишкама-карма*. Гаудапада называет это «угасанием горящих угольев» (*алаташантй*).

ЭЙ

Во всём, что происходит, что открывается и что предстоит человеку, возможно испытание его мудрости, во всём возможно испытание его бескорыстия. Вся жизнь ученика Веданты должна быть постоянным экзаменом твёрдости духа, самоотречения и постоянства. Каждое мгновение он должен стремиться сделать шаг вперёд, «*забывая*», переставая ценить себя вчерашнего. Все пороки, глупости, гадости, болезни и заблуждения - опуда, из «вчера». Сознание *сейчас* должно взирать на всё с мудрым различием и с бескорыстным милосердием, покрывая собой боль и страдание, злобу и тупую беспробудность, болезненное возбуждение и агрессию вчерашнего себя, вчерашнего ближнего и дальнего, всякого живущего и жившего прежде обитателя этого перенаселённого уголка необъятной и неведомой нам по большей части вселенной. Ученик Веданты не считает себя более ни хранителем, ни жертвой своего прошлого. Он признаёт личную ответственность за всё, что было совершено в прошлом, но готов действовать сегодня иначе — этически безупречнее, чем вчера. Когда ученик Веданты находит то служение, ради которого он пришёл в этот мир, ради которого он готов отдать и жизнь, и благополучие, в котором он может воплотить всё обрётённое им не-двойственное понимание, он ощущает себя занявшим правильную, *свою*, изначально приготовленную ему на это мгновение клеточку безграничной шахматной доски бытия. Он - там, где надо, в тот момент, когда это необходимо, и занят тем, что важнее всего в этот самый момент. Найдя *свадхарму*, душа неизбежно находит свой путь к Пробуждению.

■a¹⁻⁵

Мать Тереза, калькуттская католическая подвижница, часто повторяла: «Я — обычный инструмент в руках Бога. Если я сделала что-то хоршее, — это не моя заслуга. Господь доверил мне определённую

миссию, и я стараюсь реализовать её, как можно лучше». «Добрый если и служит, свободен, а. злой, хотя бы царствовал, есть раб, и притом такой, у которого не один господин, а столько господ сколько пороков», — пишет о служении блаженный Августин, в своей личной жизни преобразившийся из повесы и досужего философа в величайшего служителя Божия, отдавшего Ему широту ума, жар души и страстность тела — во спасение и просвещение изверившихся и изнеженных обывателей греко-римского мира. Бескорыстное сознание Пробуждённого, чем бы ни были заняты его ум и тело, возрастает в мудрости и тянет за собой, как одинокий бурлак, всё больше и больше людей, с которыми соединяет его судьба. Сознание, эволюционное движение которого *не останавливается*, незримо влечёт иные сознания к преодолению эгоизма, к более глубокому пониманию происходящего, к редчайшему человеческому шансу Пробуждения. В древности люди были проще, прямее, честнее. Люди древности, называя пробуждённого Учителем, хранили ту общую атмосферу правды, где подвижник, признанный Учителем, Гуру, обычно сохранял и вынужден был сохранять своей жизнью — всеми помыслами и поступками своими — это затёртое ныне звание вождя душ человеческих. Учителя древности, донесшие и объяснившие в своих поучениях те традиции, которыми оживотворяются все ответвления нынешней духовности, весьма непохожи на современных широко разрекламированных и титулованных бизнес-пастырей и поп-гуру.

38

Учитель, свободный от власти *эго*, видит своего ученика свободным, он видит в нём росток, потенцию, способность к пробуждению внутреннего распознавания. Росток продолжит свой рост лишь в *независимости от чьей-либо власти*. Как бы ни был этот ученик пока слаб, болен инфантилизмом, желанием пресмыкаться, истинный Учитель видит в нём не раба, а свободного. Неслучайно пишет апостол Павел своим ученикам в Коринфе: «Где Дух Господень — там Свобода». Истинный Гуру (*Садгуру*) дарит Истину легко, не превозносясь и не привязывая к себе, он не просит взамен поклонения. Он не требует от учеников подчинения или признания своей божественности. Истинный Гуру приходит, чтобы служить другим, а не для того, чтобы ему служили. Он посвящает себя, он жертвует собой ради всеобщего Освобождения. Он *предпочитает* страдание, усилие, скорби, бремя ответственности

— удовольствиям беспечного *недеяния*. Исполняя порученное ему наставническое послушание, Учитель не мучает других, но сам ежедневно готов к мученичеству: «кровь мучеников — семя Церкви», в этих словах Тертуллиана о христианах первых веков звучит та высота служения, о которой и не помышляет игривая нео-адвайта двадцать первого века. Тот Гуру, о котором пишут древние санскритские тексты, подобен апостолам первых христианских общин, он испытывает отвращение к заботам о *самом себе*, он изначально отверг *яичный* комфорт и убрал *себя* из списка приоритетов. Истинный Гуру узнаётся по тому *бремени служения*, которое он ежедневно принимает на себя, по тем *добрым плодам*, которыми являются его ученики, живые люди, *явно* восходящие от заблуждения к Истине, от страстей и злодеяний к мудрости и благочестию.

32

Самозванец в роли учителя может много говорить о Свободе, но он лишь освобождается (в лучах всеобщего внимания) от *собственных* комплексов, он переносит свой стыд, страх и разочарования на других людей, наслаждаясь своим собственным катарсисом, требуя от своих приверженцев хвалы и готовности на любое издевательство ради благосклонности «гуру». Современные «мастера» (духовных ремёсел) пестуют своё собственное *эго*, добиваясь перехода своих учеников на всё более примитивный уровень во имя культивации в них «преданности» и склонности к самобичеванию. Лжеучителя обращают в рабство в качестве платы за свои рассказы о Свободе. Вот и образуется у учеников *«лоб медян и выя железа»*. Задача коммерческого гуру не в том, чтобы проследить пути Духа в своих учениках и учиться самому, идти дальше вместе с ними, но в том, чтобы «от ума» нащупать наилучший способ формирования жизнеспособной организации,—то ли бизнес-структуры, то ли небольшой военизированной империи. Такой «мастер» обычно привязывает своих учеников к себе всё более крепко, формируя культ, свою *личную* разновидность той школы, которая дала ему «путёвку в духовную жизнь», иерархически подчиняя *себе* доверившихся ему людей, — по принципу наибольшей преданности и зависимости *от самого себя*. Встретив такого человека на своём пути, можно попытаться со всей искренностью взглянуть в его сердце, чтобы увидеть, — есть там опыт и мудрость, или же там господствует *эго*. Но наивная *вера без различения* может завести горе-ученика в смрадную яму безверия, где, после долгих

лет «следования», - душа останется выжженной дотла, опустошённой
— до полной неспособности, обратиться к Богу.

Отдавая свою волю другому человеку, другому *эго*, ученик становится зависимым от *личных* особенностей, мнений, неизжитых слабостей страстей и предпочтений своего гуру. Попав в *личную* зависимость, ученик теряет тот потенциал, который ему дан для совершения самых важных шагов, для принятия самых важных решений в своей жизни. Лишь встретив Пробуждённого, *окончательно* вышедшего из повиновения *эго*, доказывающего это своей повседневной жизнью, человек может стать учеником Бога, Единого, Совершенного. Идя по жизни, люди могут учиться у многих учителей, впитывая понимание и силу, разлитые повсюду: в писаниях, в природе, в искренних учениках и учителях, — но сознавая раскинутую даже в устах известных учителей сеть *эго*. Зная, что есть лишь одна Истина, хотя путей много, ученик движется как Чингачгук среди засад и ловушек. В своей книге «Восхождение к Истине» христианский монах-философ Томас Мёртон, известный своим интересом и открытостью к подлинной, древней духовности Востока, так пишет о магической эзотерике типа «нью-эйдж» и об американских «восточных сектах»: «Опасность этих псевдорелигий заключается не только в неясности их учений и суеверных практиках. За ширмой нелепых доктрин действует реальная и скрытая сила. Эта сила принадлежит духу, имеющему природу не Божественную, однако более совершенную, чем наша. Это сила того ума и той воли, которые способны воздействовать на человеческую жизнь, чьим главным делом является извращение всего лучшего из явлений духовного порядка». На основе классических текстов Веданты, Евангелия и т.д. можно — вместе с опытом - обретать *навык* в распознавании всего, что *реально* происходит в мире и внутри человека, какой дух пытается привлечь к себе внимание человека, каковы будущие плоды того семени, которое норовит запрыгнуть к нему в сознание.

3л.

Веданта требует от своих учеников удерживать «органы восприятия» (*индрии*) от поглощения всего того, что изменчивый мир обрушивает на них. Веданта требует трезвого, мудрого, понимающего взгляда на самого

себя — на то, что внутри, и то, что вокруг. Веданта требует *различения, распознавания* — во всём, всегда, чего бы не касалось наше внимание и восприятие, — неизменно сохраняя трезвое осознание своего реального «статуса» пред лицом Абсолюта. Не в нашей власти произвольно шагнуть на верхнюю ступеньку, мгновенно изменив свою *карму*, содержимое своего ума и памяти, физические ограничения своей психики и тела. Не в нашей власти умертвить или переделать *это*, блокируя в себе какие-то нежелательные мысли, чувства, импульсы, потребности тела. Даже если нам удастся кое-что переделать в самих себе, мы не можем полностью изменить этот несовершенный мир, мы вряд ли сможем переделать других людей. Но в нашей власти *растождествить в себе* механические оболочки *это*, бездушный комок автоматических реакций, — и невинную, искреннюю душу, способную откликаться на прикосновение Бога. Не вступая в драку со своим *это*, нам следует мудро и здраво расставить в себе всё по своим местам. Мы можем своей силой содрать с себя коросту грубого эгоизма, откорректировав своё восприятие людей и событий, свои реакции и свои приоритеты. Поступая разумно, исходя из правильных приоритетов, мы можем жить не тем, что у нас накопилось в памяти, а непосредственным переживанием радости каждого нового мгновения, очищая свою эмоциональность от всякого негатива.

32

Став учениками не человека, но Бога, мы должны трезво и объективно взглянуть на то, где мы сейчас находимся и что мы собой представляем, чего мы хотим, что влечёт нас к себе, что сбивает нас с толку и приводит в смущение. Какие мысли, образы, побуждения, импульсы возникают в нашем сознании, как мы живём, как поступаем в тех или иных ситуациях, что является доминантой нашего повседневного бытия? Отмечая все черты нашего *это*, видя их нелепость и ненужность, их чуждость избранной нами Цели, мы *растождествляемся* с ними, занимая позицию свидетеля, наблюдателя, «мудрой птицы», которая не ест плодов с дерева, но наблюдает, как их ест другая. Можно оставаться верным абсолютной Истине, чей зов был услышан в самом начале пути, *не* отдавая свою жизнь для чьих-либо экспериментов, *не* становясь сектантом, но самостоятельно познав и *превзойдя* собственную ограниченность. Став над своими *личными* сомнениями и проблемами, над своим *это*, ученик Бога может стоять неизбежно, в совершенном равновесии, независимо ни от чего, не позволяя мыслям развиваться и влечениям

уносить его с собою. Незыблемость — это символ победы. Статую Будды не уносит изменчивый ветер. Лишь стрельба из пушек прямой наводкой может разрушить её физическую форму. Будда был учеником Бога. Лишь великий Учитель учит той внутренней ответственности и 1 самостоятельности, чтобы достичь подобного результата.

ЭЙ

Послушание достойному учителю предполагает, в том числе, то, что исходящее из уст этого учителя стоит послушать. Но то, чем привлекают своих адептов коммерческие гуру, часто — изящно сплетённая речь, состоящая из общих «гармонизирующих» и «вдохновляющих» лозунгов, слов с большой буквы и пустых банальностей. Это не только *не* философия, но даже не учебник для начальной школы — из-за своей бессодержательности. Потчуя своих питомцев набором заимствованных клише, настраивая их на то, чтобы им — в идеале — избавиться от головы как таковой, эксплуатируя метафору умерщвления, уничтожения ума, такие гуру отучают мыслить философски, логично, последовательно и просто связно. Но мудрецу не надо бояться абстракций, ему вообще нечего бояться, он одновременно стоит и на Небе, и на земле. Он избегает пустословия, многословия и скудоумия, но остаётся совершенным мыслителем — достаточно прочитав любой текст Шанкары. Здесь слова ощущаются внутри, в них — полнота «предметности», они могут быть узнаны, опознаны как носители конкретных смыслов. От приземлённой, суетной «погоны за зайцами», от пустой внешней активности, от исполнения множества обрядов и накопления знаний, — ученик Веданты должен сделать шаг к мудрости и «абстрактности» *молитвы за весь мир*. Не так важна конкретная форма, — как он это делает, — но важны его искренность и постоянство. Если этот волевой импульс заботы и сострадания, стремление помочь Освобождению всех людей, каковы бы они не были, — длительное время не теряет своей интенсивности и *поддерживается учителем*, — такой ученик неизбежно выходит на дорогу *свадхармы*. Отдавая, он чувствует, что его уныние сменяется радостью. Начав жить ради других людей, ученик Веданты обретает понимание тех санскритских текстов, которые раньше казались ему нагромождением общих фраз. Что делать конкретно — становится тогда *ему самому* очевидным с ослепительной ясностью.

Но наскоро слепленные новые версии Веданты, которые проповедуют «нью-эйджеры» и «фундаменталисты», вместо поиска *свадхармы* предлагают готовые рецепты. Ученикам, пришедшим на зов Истины, приходится загружать себе в память длинный список «принципов» и примитивных умозаключений. *На основе лекций и книг*, где Дух подменяется буквой, им предстоит воссоздать в своей голове некую устойчивую концепцию, внутри которой можно без особых противоречий сформулировать какие-то положения классической Веданты. Но Истина в конфетной обёртке смехотворной чепухи - перестаёт быть Истиной. Водворяя такую философию в своей собственной голове и в головах учеников, «фундаменталисты» лишь способствуют оглушению, деградации в сторону примитивизма, что переходит и на практику, и на взаимоотношения с людьми. То, что для индийских «гуру» такого типа является возвратом к патриархальным корням, для их европейских учеников становится бегством от реальности в мир секты, где посредством слепого фанатизма сознание искусственно удерживается на уровне детского сада. Когда высокообразованные европейцы, храня верность своему «гуру», воспроизводят научно-мировоззренческие и социальные представления средневековья, вспоминается старик Хоттабыч, внушавший Вольке свои несколько старомодные представления о мире (на экзамене по географии) и тем оказавший ему медвежью услугу. *Следование традиции*, оторванное от всепоглощающей устремлённости к Истине, готовность променять Истину на игрушечный, картонный её макет, приводит к разрыву с Богом, к поклонению идолам вместо Бога, к служению *эго*, замаскированному пышными ритуалами в индийском стиле. Загримированное *эго* столь же коварно, как и всегда; оно незаметно проникает во всё то, что человек избрал своей практикой (*садханой*), превращая медитацию, молитву и служение - в нечто механическое и бессмысленное, а иногда - по-настоящему опасное для самого «ученика» и для других людей.

38

Примитивные, одноклеточные учения похожи друг на друга; даже будучи основаны на подлинных Откровениях древности, все они предлагают лишь скучный набор формул типа «даю установку...».

По прошествии некоторого времени они оказываются не наследием ведангической глубины и мудрости, а разновидностью европейских методик самовнушения, которые могут ненадолго подчинить себе (или позабавить) ум, но никогда не откроют Путь. Это удачно выразил Шриватса Рамасвами: «Когда у доктора есть только анальгин, он любую болезнь называет головной болью». Привыкнув к механическому повторению и заучиванию, ученики таких одноклеточных «гуру», способные цитировать санскритские тексты и сослаться на долгую цепочку своих учителей, но утратившие восприятие нового, неизвестного им доселе, противоречивого, иного, — дают стандартизованные, шаблонные ответы и самим себе, и другим людям, день ото дня теряя *веру* и дискредитируя Веданту в глазах искателей Истины. У людей *не хватает терпения* на познание Истины, на одинокую молитву и размышление. Они заняты тем, к чему привыкли: выполнением пошаговых инструкций. Двадцать первый век - век конкретных целей и задач, ни на что иное просто нет времени. Начинающим «адвайшстам» нет времени поднимать свой ум до уровня *философии* («любви к мудрости»), а думают они — в своём офисе в течение рабочего дня. Неспособность к самостоятельному размышлению-созерцанию (лат. «медитация») - ощущается как аллергия на «абстракции» подлинного научного исследования: от всего «заумного» кружится голова и начинает слегка подташнивать.

ЭЙ

Тамасический ум сопротивляется, когда его мысли надолго пытаются оторвать от простых, понятных вещей. Людям двадцать первого века нужен понятный рецепт, действенный метод, чтобы применить готовую, компактную теорию для достижения конкретной, осязаемой цели. Ещё лучше, когда эта нехитрая теория убеждает их в том, что цель уже достигнута, и теперь можно просто получать дивиденды. Когда вся философия Шанкары и его оппонентов была упразднена за ненужность, то, что осталось в базовом катехизисе новоиспечённых «просветлённых» и профессиональных гуру из современной Индии и Америки, оказалось необычайно *простым*: одни и те же фразы, где лишь слегка переставлены слова. Предлагается за малую плату — быстро и необременительно — разогнать личную эволюцию человека до сверхзвуковых скоростей, прикосновением волшебной палочки сделав из суетного и издёрганного обывателя — мудреца, свободного от всех земных обязательств. В жалкую лачугу ума, полную страстей-нечистот

и мусора *кармы*, эти «учителя» обещают заманить Царя царей, Владыку неба и земли. «Мастера адвайтических наук» проповедуют обычно им одним ведомый секрет, некий хитрый способ «срезать путь» на Небеса: блаженство по типу растворимого кофе — малое усилие и отличный результат. Их доверчивые воспитанники так и остаются — невольниками на чьих-то кофейных плантациях.

ЭЙ

Но Веданта — это учение Освобождения. «Будучи создан Свободным и призван к Свободе, не допускай себя раболепствовать» (преподобный Фалассий — VII век). Пробуждённому не нужно лстивых слов, гирлянд, восторгов, страха, подчинения, славословия. Ему не нужно денег, грандиозных проектов, шикарных дворцов, автомобилей и предметов роскоши. Его удел — одинокий путь среди Тайн Божиих и молитва за весь мир. Настоящий Учитель, поделившись своей *джьяной*, уходит, не привязывая себя ни к кому, и оставляет ученика *свободным* увидеть *свой* путь, увидеть Истину *своими глазами*. Такого Гуру соединяет с учениками лишь дружба без привязанности — и абсолютное доверие. Любовь и благодарность Учителя и учеников не отягощены раболепным чувством «каков он» и «каков я», и поэтому ученичество не превращается в наркотическую зависимость от разносов и похвал, в навязчивую потребность в групповом самооправдании. Ученичество остаётся лишь *ключом к Свободе*. Учитель, воистину обретший Свободу, стремится помочь всем людям познать эту Свободу, в каком бы «рабском» состоянии они ни приходили к нему. Такой Учитель не занят опровержением иных взглядов ради самоутверждения и не вступает в борьбу под лозунгом «мы или они», он лишь черпает мудрость во всём, не возбраняя этого и приходящим к нему, желающим причаститься той же самой мудрости, в случае, если они готовы причаститься и его аскезы, и его служения. Наблюдая то, как курица, увидев скорпиона, сначала собрала всех цыплят под свою защиту, а затем клюнула и проглотила скорпиона, блаженный Августин видит в этом образ претворения «нечистого» в «чистое» (*метанойя* — доел, «преображение сознания»). Августин делает вывод о том, что, защищая Истину от ересей и искажений, истинное Учение не ограждает себя бастионами сектанства, но обогащается «веществом» иных учений, иных пониманий, обращая всё потребное и непотребное в *единую мудрость*. Ибо курица, проглотив скорпиона, обращает его дурное вещество в чистое, неискажённое совершенство — в яйцо.

Подлинный Учитель и ученик соединены лишь Истиной, они в определённом смысле равны друг другу пред лицом Истины, они ничего не хотят и не требуют друг от друга, они оба одинаковы в безмятежном сиянии Истины, которая никого не хочет закабалить и сама не подчинена никому на свете. Ученик видит в Учителе свою истинную сущность — Атман. Ученик видит в нём *себя*. В самом этом узнавании — бесконечная гармония и ничем не обусловленная Свобода. Учитель — это внешнее проявление нашего сокровенного сердца, того зова, который всегда исходит оттуда. Ученик и Учитель - не разделены ни временем, ни пространством, ни какой-либо формальностью взаимоотношений. Учение — это чистая, беспримесная струя воды, на которой не должно быть никакой человеческой пены. Достойные друг друга Учитель и ученик едины — *безличностно*. Они соединены не на ментально-эмоциональном уровне, но самим своим существом — *узами единого источника и единой Цели*. Истинное Я проявляет себя в них обоих одинаково, однозвучно, независимо от их личностных особенностей. Ни обиды, ни зависть, ни раздражение, ни соперничество - не могут коснуться того единства, которое превыше *эго*, чувств и ума.

Прахлад Чандра Брахмачари говорит в одной из своих бесед, цитируя ведическую историю Аштавакры и царя Джанаки: «Плата за обучение, традиционно взимаемая учителем перед принятием ученика, должна представлять собой не материальное приношение, но тело и ум. Отдав тело и ум своему учителю Аштавакре, царь Джанака лишился «я», но увидел своим истинным Я учителя. Вместе с абсолютной верой в олицетворённого учителем Бога, царь Джанака обрёл Просветление». Идеальное, совершенное вверение себя Учителю — это окончательное вверение себя Богу, совершаемое не словами и не умом, но всем своим существом, из самой сокровенной глубины своего существа, ибо и психика, и речь, и ум также являются предметом самоотдачи, «платой за обучение». Классическое описание Учителя и ученика мы находим и в трактате Шанкары «Вивекачудамани». Главное сказано здесь в первом же стихе: единственный совершенный Учитель есть сам Бог. «Его истинная природа недоступна для чувств и ума, но она открывается через постижение Писаний» и внутреннюю устремлённость. Истинное

Учение остаётся тайной, которая ускользает от сознания обывателя, ускользает от популяризации и опошления. Познать это Учение можно, лишь соприкоснувшись с Учителем — во внешней жизни (воочию) или в тишине сердца. Современные гуру—это товар на прилавке супермаркета, и их искренность, возможно существовавшая в начале их «карьеры», растворяется в этой товарно-рыночной составляющей. Едва ли не каждый из них просто изобретает очередную «духовную биодобавку», а затем начинает её агрессивный маркетинг.

32

Такой продавец духовных услуг формирует свою «клиентскую базу», свой круг «потребителей», которым *кажется*, что их привлекает зов Свободы, в чьём сердце, однако, гнездится неудовлетворённая потребность перед кем-то пресмыкаться, передав ответственность за свою жизнь «большому брату». Нуждаясь в опеке, в постоянном одобрении или наказании, такие «ученики» *хотят* быть не Пробуждёнными, а жертвами, они жаждут ласкающей и карающей десницы. Пришедшие на их зов гуру-тираны изолируют свою паству от окружающего мира, воспитывая в учениках чувство исключительности и избранничества, приучая их гнушаться «обычными людьми». В этой обители избранных формируется жёсткая иерархия, где каждый уровень наделён тем большими правами, комфортом и осведомлённостью, чем ближе он к «хозяину пирамиды»; каждый подчинён вышестоящим и контролирует — поощряет или наказывает — нижестоящий уровень паствы. Голос совести и внутреннее водительство — залог истинной Свободы — упраздняются, их надлежит вытоптать в себе как можно скорее. Этика и нравственность объявляются мирскими, старомодными нравоучениями, значение которых ничтожно пред величием «гуру», «учения» и «иерархии». Слово «учителя» заключает в себе вечные истины, которые важнее и актуальнее для «ученика», чем слова ведических или христианских святых, чем заповеди *дхармы*, чем тихий голос изнутри. Само «учение» разрабатывается и преподносится как современная реклама; оно подаётся — по законам рынка — так, чтобы завлекать, вербовать, примагничивать. Освобождение превращается из *сути* в красивую упаковку. «Хозяин», суверенный обладатель истины, он же рекламоделец, должен, так или иначе, убедить свою паству, а желательно и весь мир — в том, что он — тот, кому можно *доверить* свою жизнь, своё усердие и свою волю, свой путь и свою свободу. Превращаясь в успешного бизнесмена, выстраивая рекламную политику

по продвижению *себя*, «бывший просветлённый» окончательно забывает о такой тонкой материи, как Истина, и обо всех, кто действительно жил свято, истинных Учителях, наставниках неискажённой Веданты.

ИВ

Гуру, уклоняющиеся от древней традиции Веданты, из которой они зачерпнули однаждыобрели Пробуждение, пренебрегающие этической и догматической чистотой своих предшественников, *присваивают* себе Пробуждение, превращая его в свой «начальный капитал». Они говорят о свободе и совершенстве, но их последователи, повинуясь им, привыкают к безволию и зависимости. Конечным результатом такой *садханы* становятся либо вседозволенность и потакание себе, либо угрюмая борьба с самим собою, одержимость телом, умом и *эго*, что предполагает полную зависимость ученика от похвал или выговоров со стороны учителя. Жизнь ученика превращается либо в «пляж», где можно оттягиваться и ловить кайф, либо в поле битвы, где сгорает и рушится всё, — возможно, и сама душа с её жаждой Свободы и Истины. Но истинный Гуру превращает жизнь ученика не в пляж и не в поле битвы, а в строительную площадку, где в сокровенной глубине, в лотосе сердца (*хрит пундарика*) - создается храм мудрости и любви. Истинный Гуру просто, безличностно, непривязано *дарит* знание Истины, а затем являет пример того, как это знание претворяется в жизнь. Левая рука истинного Учителя не знает, что творит правая, ибо он не видит в учении *себя*, не считает себя *хозяином* того учения, которое передаётся через него людям.

ИВ

Садгуру никогда не подвергает ученика унижению, не уводит ученика от внутреннего критерия Истины — его же собственного голоса совести. «Истинный гуру обращает ученика вовнутрь, к его первозданному совершенству. Истинный учитель знает, что на самом деле он не нужен ученику, и он не устаёт напоминать ученику об этом». (Нисаргадатта Махарадж). А самоизбранный гуру всячески убеждает учеников в том, что без него им надеяться не на что, их ожидает погибель. Он готов запугивать их и своей немилостью, и *сансарой*, и муками ада. Тимоти Конвей, ученик Нисаргадатты Махараджа, пишет о том, что существует три типа *истинных* наставников Адвайты: традиционные, праведные,

последовательные, мудрые Учителя (*ачарья*), непредсказуемые, неразговорчивые, часто безмолвствующие, нищенствующие святые-странники или юродивые (*авадхута*) и духовные друзья, не достигшие совершенства, но умеющие подать добрый совет. И *ачарья*, и *авадхута* совершенны, хотя то, как они учат, и их поведение - противоположны друг Другу. Лжеучителя, изначально способные стать искренними духовными друзьями, старшими братьями, — имитируют божественное Совершенство и изображают из себя *ачарья* или *авадхута*, движимые жадной славой, наживы и власти над людьми. Они претендуют на тот почёт и уважение, которыми были окружены *ачарья*, носители традиции. Одновременно они присваивают себе право поступать абсурдно и непредсказуемо, нарушая нормы морали и «буйствуя» подобно *авадхута*. При этом лжеучителя готовы потешаться над традицией, дискредитируя образ *ачарья*. Действуя продуманно и практично, они сознательно формируют свой культ и улучшают своё благосостояние, забыв о безумном пренебрежении к себе, непривязанности и нищете *авадхута*. Притворщики вынуждены выдумывать рациональные объяснения своим явным проявлениям привязанности и отвращения (*рага-двеша*), своим вылезавшим наружу патологическим наклонностям (*васана, санскара*), объявляя свою несвободу неким божественным промыслом, изначальным совершенством, внутри которого всё «окей». Ибо, «что бы ни происходило, всё одинаково нереально и потому равноценно». Будучи пойманы на очевидных грехах, самозванцы никогда не признают своего несовершенства, они будут упорно настаивать на *благодатности* всех своих деяний, лживо толкуя свою несостоятельность с *абсолютной* точки зрения (*парамартха-сатья*), тогда как правильное понимание всего, что с ними происходит, находится целиком в сфере относительной, человеческой системы ценностей (*вьявахара-сатья* или *самврити-сатья*).

38

«Стремление познать Я несомненно осуществится, - при условии, что нет более *никаких иных стремлений*. Но если вы хотите множества разных вещей, главная Цель откладывается — то тех пор, пока мудрость не возобладает, а противоречивые устремления не перестанут разрывать вас на части». «Одна искра Истины сжигает гору лжи; но действительно и обратное: солнце Истины невидимо за облаком самоотождествления с телом» (Нисаргадатта Махарадж). Сиддхарамешвар, учитель Нисаргадапы, подчёркивает (в «Амрит-лайя»): «Отречение от мира

(*вайрагья*) - это отсутствие даже малейших желаний. Иначе невозможна Свобода от страха. Не должно быть зависимости от чего бы то ни было». Х.В.Л. Пунджа (Пападжи), которого считают наследником Раманы Махарши, говорит: «Если ваш экстаз *зависит от кого-то другого*, - вы обманываете себя, вы пребываете в самообольщении. Экстаз не может исходить от чего-либо иного, кроме Я. Никто *не даст вам* ни блаженства, ни покоя». Но это не значит, что Учитель не важен. Веданта всегда утверждала абсолютную необходимость в Учителе, эта идея центральна во всём учении Веданты. Ранджит Махарадж, ещё один ученик Сиддхарамешвара, так объясняет не-двойственный взгляд на роль гуру. «Учитель говорит: *это соль*. Книги также описывают соль. Положите её себе в рот, и сами узнайте вкус соли. То, о чём говорит вам учитель, вы должны *познать сами*. Чтобы познать, вам необходимо пережить, попробовать, ощутить на вкус. В своих наставлениях учитель задаёт лишь направление поиска. Но учитель *должен быть совершенным*. Только тогда он укажет вам верное направление». Наставничество подлинное — возможно лишь между *совершенным* учителем и самоотверженным учеником. Ученичество - это необычайное сочетание любви к Учителю и свободы, независимости от кого бы то ни было.

IX

Вновь обратимся к беседам Прахлада Чандра Брахмачари об ученичестве: «Чтобы полакомиться кокосом, необходимо сначала удалить скорлупу и разбить орех. Иллюзия *это* так давно заключает нас в себе, что разбить её нам самим не под силу. Под ней же скрывается сладкая сердцевина — совершенное вверение себя Богу, безраздельная Любовь. Гуру способен удалить оболочку *это*, но следование за ним нелегко, для этого необходима абсолютная вера. Открыв себя учителю, мы смотримся в него как в зеркало и ясно видим, *что* нам следует делать, *как* нам надлежит поступать». «Вознаграждением гуру, который делится с учеником своим знанием, является то, что ученик воплощает это знание в своей жизни, т.е. непрерывно *воскрешает* это знание в себе, претворяя знание в обращение ума к Богу, в очищение ума и сердца, в укрепление веры». *Сквозь* учителем вера должна быть устремлена к Богу, объектом веры должно быть то, что непоколебимо и истинно при любых обстоятельствах. Такая вера является нашей благодарностью наставнику, через которого Бог подаёт лучик света и помогает нам узреть путь в кромешной темноте *сансары*. Прахлад Чандра Брахмачари объясняет слово *гуру* как «рассеивающий

тьму и подающий свет», «вытаскивающий из глубокого и тёмного колодца», «зажигающий лампаду знания и дарующий мир». Осознание, кому ученик обязан своим спасением, *насколько* это изменило всю его судьбу, — направленное не к смертной человеческой личности, но ко всемогущему Спасителю, — должно стать главной эмоцией, главным потрясением на всю последующую жизнь, затмевающим собой всё остальное. Этому учат нас и жизнеописания учителей Веданты, и жития многих христианских монахов-подвижников, таких как Симеон Новый Богослов. «Безусловная, всепоглощающая любовь к Учителю - это единственная лестница, ведущая к высочайшей Цели» (Атмананда Кришна Менон).

Если сегодня ещё существуют истинные учителя, подобные учителям древности, - это люди, чьё водительство не имеет ничего общего ни с доминированием, ни с сентиментальностью, ни с пропагандой, ни с коммерцией. Это - те неизвестные миру подвижники, кто скорее занят самоуглублённым внутренним деланием, чем «работой с людьми». Это - те незаметные, ничем не выделяющиеся чернорабочие Бога, кто не прерывает свой собственный духовный путь под предлогом спасения человечества. Истинные учителя всегда имеют малое число учеников. *Садгуру* — это, в первую очередь, образец этической чистоты и святости, а только затем уже искусный оратор, психолог, мастер, носитель некоего знания или экстатического духовного опыта. Он может быть любого пола, любой национальности, любого рода занятий, но он, безусловно, принадлежит конкретной духовной традиции и сохраняет ей *верность* всегда и во всём. Йогананда говорил о своём гуру, Шри Юктешваре Гири: «Если бы его слова не были *так* искренни, он бы имел учеников более, чем все остальные гуру Индии». Но истинному Учителю важно не количество, но качество. Тот же Юктешвар Гири, которого называли «бенгальский лев», говорил своему будущему ученику: «Не думай, что это прикосновение освободит тебя или что для тебя уже готова колесница, возносящая на Небо. Не позволяй себе подойти к обретению *кайвалы* (Освобождения) со слепым фанатизмом. Иницилирующее прикосновение гуру — это лишь помощь, это лишь поддержка на Пути. Тебе самому придётся посвятить себя практике, чтобы достичь высшей Цели, — для этого потребуются самостоятельные и сознательные усилия».

Истине не важно, в какие ризы облачён учитель, на каком языке он говорит и какую «школу» представляет. Важно, *как* он учит и *как* он проходит свой жизненный путь. Важно то, что он *делает*: «по плодам узнаете их». Истинный учитель — это живое дерево, а не красивый искусственный цветок, и поэтому он *приносит плоды*, а не берёт их на полке в супермаркете для раздачи «верующим в него». На Небе — у тысячи ангелов одна воля, а на Земле — у десятка людей десять разных произволений. Истинный Гуру самим своим существом являет ту единую небесную Волю, недвойственную Истину, он может быть скуп на слова, но каждое его слово неотделимо от него самого, от его *жизни самопожертвования*. Вновь приведём удивительное изречение христианской египетской традиции, столь актуальное сегодня, в эпоху слов, торговых марок и имиджмейкеров: «Надлежит знать, что все обращают внимание не на то, что говорим, а на то, что делаем. Всякое слово, не опирающееся на дела, не идёт далее ушей; но, когда оно соединяется с делом, оно оживляет (душу) и проникает до самого сердца». (Исидор Пелусиот, IV-V вв.).

Принятие наставника на духовном пути — это самое главное, самое значительное *решение*, самый важный выбор, совершаемый человеком на протяжении всей его жизни. Множество людей, которых всю жизнь влечёт куда-то, а их поступки происходят помимо их воли, испытывают потребность в «хозяине». Кабир восклицает: «Чему уподоблю мир? Стаду овец. Одна падает в яму, другие прыгают за ней следом» («Биджак»). Для незрелых душ, охваченных стадным инстинктом, принятие гуру — ещё одно интересное событие, после которого какие-то внутренние механизмы самозащиты оказываются успокоены, удовлетворены: *это* обрело новую яркую самоидентификацию. Но выбор гуру равносителен выбору пути, а выбор пути означает выбор смысла всей жизни. Жизнь не прощает ошибок и отводит человеку немного времени на их исправление: она изначально даёт человеку ясный разум, тугой лук, верный глаз и твёрдую руку, чтобы с первого раза послать стрелу точно в цель. Выбрав свой путь, выбрав смысл своей жизни, человек имеет шанс достичь Цели, *только* если он посвящает этому пути *всю* свою жизнь. За каждым последующим решением, поступком, словом, желанием - должен просматриваться избранный путь, должна

ощущаться ^{та} Цель, ради которой этот путь существует. На пути Веданты половинчатость лишает смысла всё начинание, разом уничтожая *всё*, кроме интеллектуального наполнителя и религиозной атрибутики. Без воли, которая готова на любые жертвы, без решимости идти до конца, без самостоятельной, незаимствованной, не книжной мудрости, которая обозревает всю жизнь человека единым взглядом, учение Веданты превращается в экзотическое хобби. Рассуждения об иллюзорности выбора, об иллюзорности воли — размывают способность принимать решения; человек впустую теряет энергию и время. Накапливаются жизненные ошибки, растёт бремя привязанностей, и вместо того, чтобы течь как река, искатель Истины загнивает как стоячее болото.

38

Аннамалай Свами, ближайший ученик Раманы Махарши, говорит: «Устремление к Истине или забвение Истины — это *не* часть нашей судьбы, а выбор, совершаемый каждое мгновение заново. Бхагаван (Рамана Махарши) учил тому, что каждый свободен выбирать между отождествлением себя с Я, созерцающим и оживотворяющим бессознательную активность тела, и — отождествлением с телом и умом, в активности которых забывается Я. Выбрав второе, — не вините в этом Бога, или Его Волю, или судьбу. Не Бог вынудил вас забыть Я. Вы сами совершаете этот выбор — каждое мгновение своей земной жизни» («Последние беседы Аннамалай Свами»). Сам Рамана Махарши говорил о том, что «не стараясь всеми силами *стереть* письмена судьбы со своего чела», мы становимся подобны не человеку, а граммофону. Аннамалай Свами даёт совершенное определение того, *что такое Просветление*. «Это как полное отсутствие гравитации. В отсутствии силы тяжести, — ничто никуда не тянет». Нет никакого притяжения или отталкивания, нет тех *санскар, васан*, которые принуждают поступать так или иначе, нет *эго*, которое является вместилищем, создателем и исполнителем судьбы (*кармы*). Побуждения, помыслы и поступки — это идеальный критерий для того, чтобы не впадать в заблуждение по поводу как гуру, так и общины его учеников. С помощью этого критерия можно безошибочно определить, насколько их путь — это путь Веданты. Побуждения, помыслы и поступки на пути Веданты — лишены эгоистической окраски, привкуса личности; они приносят только благо, вселяя в души *всех* людей покой и радость. Таков метод самоконтроля, который должен быть всегда наготове для самого себя.

ЗЙ

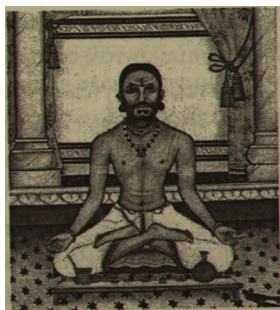
В тексте «Дашболх» Санта Самартха Рамдаса, который многократно комментирует Сиддхарамешвар, учитель Нисаргадатты, мы читаем: «Берегитесь лжепророков, что прикидываются гуру, но бесполезны как солома. Изображая из себя учителей Адвайта-веданты, они отвергают различие добра и зла, правильного и ошибочного, святости и греха, проповедуя вседозволенность. Необходимо проявить величайшую осторожность при выборе гуру, принимая лишь того, кто воистину познал Бога и способен помочь другим людям познать Его». Знаменитая «Трипура Рахасья» подчёркивает: «Невозможность противостоять судьбе - это удел лишь безвольных, никчёмных прожигателей жизни. Судьба — во власти природы, а природа служит исполнению неотвратимой Воли Божией. Но меч судьбы можно затупить устремлённостью к Богу, вверением себя Ему самому». Старинный тамильский текст «Эллам Ондре» («Всё — одно»)¹ утверждает (3, 8): «Путь, указанный Гуру — конечный путь, прямой и направленный к единству; испытанный путь, путь йоги; естественный путь; путь без фантазий; путь без печали. Когда ты пойдёшь по этом)' пути, у тебя не возникнет никаких сомнений, у тебя не возникнет страха. На этом пути нет ничего, о чём ты должен спрашивать Гуру. Это общий и для Гуру, и для тебя путь, созданный Богом. Гуру прошёл по нему раньше тебя; он показал этот путь тебе, и ты следуешь за ним. И сколь многие пойдут этим путём, показанным тобою! Стоит тебе сделать шаг вперёд, и уже никогда ты не сойдёшь с этого пути. Помощь Гуру важна только на первом шаге».

ЗЙ

Как поступать ученику, если его учитель уронил свой факел Истины в грязь и, ничего не замечая, движется дальше? Как быть с верностью и любовью к учителю, как вести себя по отношению к общине (*садху-санга, сатсанг*), узы которой традиционно считаются незыблемыми? Что делать, если учитель пользуется властью, данной ему Истиной, ради личной выгоды? Как реагировать на его неискренность или глупость? «То ль смеяться, то ли плакать, то ли бабочек ловить...» Учение настаивает на том, чтобы немедленно отряхнуть пыль и двигаться дальше, жертвуя привязанностью к гуру ради *верности и любви* к вечному, единому Учителю — Богу. Истинный Учитель безграничен, он не

¹ «Эллам Ондре» («Всё — одно») — перевод А. М. Лубянского, редакция О. М. Могилевера

связан человеческим именем, телом, личностью. Истинная община рассеяна на просторах вселенной. *Садхана* - это непрерывный выход из рабства в новизну и непредсказуемость Свободы. Выйдя из привычного «Египта», ученик, верный не человеку, но Богу, - будет изумлён, увидев, что в самую трудную минуту море расступится пред ним, а с небес падёт манна. Человек, который не хочет потратить своё время на Земле впустую, не отдаёт себя в рабство лжеучителям, он не вверяет себя никому, кроме Единого. Собирая пыльцу с разных цветов, мудрая пчела не теряет себя в их ароматах, не позволяет их красоте заморозить себя, не остаётся их безвольной пленницей. Красота и благовоение цветов не могут отвлечь её от конечной цели полёта. А летит она домой, к изначальной своей природной обители. Чем же грозит промедление — желание оставить всё как есть, — когда Бог открыл человеку глаза, что «король-то голый»? В нынешнем веке переодеваний проще простого утратить искренность - живую связь с Истиной. Стоит ли вручать свой драгоценный росток сознания — свой *ключик Свободы* — тем, кто пытается примерить на себя невидимое одеяние Бога?

ДВА КРЫЛА

В традиционной Адвайта-веданте единственной дверью к высшим состояниям сознания, к Освобождению от связанности (*бандха*) какими бы то ни было состояниями и обстоятельствами — был духовный наставник, Гуру. В понимании Веданты, Гуру — это человек, прошедший весь путь до конца, носитель одной из древних традиций передачи знания, посвящения и духовной практики. Последнее столетие — время всемирного возрождения Веданты — видело множество случаев безнадёжной девальвации статуса Гуру, опороченного теми, кто променял Свободу на её противоположность — своеволие. Авторитет Гуру использовался не для высокого служения, не для проповеди древней традиции, но ради материальных благ, дешёвой славы, сомнительных экспериментов, примитивных удовольствий и возможности манипулировать людьми. При той *абсолютной необходимости* принятия Гуру, которую всегда провозглашала Веданта, принятие недостойного, несовершенного учителя превращает всё ученичество в самообман и почти всегда заканчивается печально. При нынешнем крушении всех и всяческих идеалов, — лучше отдать сердце невидимому, но истинному Учителю, чем припасть к ногам обожествлённого, но заблуждающегося *человека*. Недоступный земным очам Бог готов явить своё присутствие оку души и стать для неё истинным Учителем. А вчерашний мирянин, назвавшийся *гуру*, который неспособен доказать своё богопознание полным отсутствием *эго*, постоянством, мудростью и бескорыстием, не может быть признан полновластным Учителем, — нолишь другом, советчиком. Как добросердечный крестьянин, он может помочь гадкому утёнку ожить и расправить крылья, но затем он должен выпустить «утёнка» на свободу. Ученикам, несогласным ни на что, кроме Единого, остаётся принять суровую реальность, — вместо того, чтобы тешить себя иллюзиями. Только искреннее сознание и совесть ученика, его несокрушимая воля, неразлучная с мудростью, доступный ему опыт *садхаков* и гуру, шедших до него, достойные доверия книги и Благодать — милосердие Божие — остаются его единственными союзниками на пути к Истине.

Но совокупный опыт предшественников и сохранившиеся первоисточники Веданты — это *не* хаотическое разнообразие переживаний, где догма ничто, а практика всё. Это неискажённая передача

философских идей и практических поучений, зафиксированных письменно уже в раннем средневековье. Вся преображающая энергетика Веданты заключена в её истории, и сегодня очень важно *понять* то, *чему* и *как* учили своих учеников подлинные учителя Веданты на протяжении тысячелетий. Веды и сопутствующие им тексты были условно разделены ими на две составляющих: *карма-канда* (ритуалы) и *джняна-канда* (высшее знание), первая из которых направлена на материальный успех (*абхьюдайя*), а вторая — на высшее благо (*нихшрейяса*). Высшее знание является вечным (*нитья*), безначальным (*анади*), происходящим *не* от людей (*апаурушейя*), равноценным для всех истинных религий. Для древней Веданты наиболее концентрированным источником высшего знания стали Упанишады, из которых важнейшие — одиннадцать: Айтарея, Таиттирийя, Чхандогья, Брихадараньяка, Мундака, Мандукья, Иша, Кена, Катха, Прашна и Шветашватара. Всего традиционно насчитывают 108 Упанишад, и к десяти из них Шанкара дал подробные комментарии, где учение Адвайта-веданты представлено как разъяснение ведической мудрости Упанишад.

32

В традиции Веданты существуют канон, метод, вехи на пути, практика (*садхана*), существуют также предписанный образ жизни и этические принципы (*яма-нияма*), отход от которых обрекает ученика на мучительные блуждания, делая великое крушение на духовном пути почти неизбежным. Все ловушки *эго* уже готовы, демоны гордыни и блудливого ума тщательно замаскированы и поджидают свою жертву. Веданта учит тому, как соединить величайшую решимость с величайшей осторожностью. Традиция требует воздерживаться от потакания себе, и это возможно лишь сменив гнев на милость, а ум на мудрость. Если эта заповедь соблюдена, есть надежда, что ученик доберётся и до всего остального. Тройственный канон Веданты (*прастхана-трайя*) включает в себя первоисточники, подлежащие восприятию на слух (*шрути*), разумению и запоминанию (*смирити*), а также философскому анализу и толкованию (*ньяя*). Это древние ведические тексты — Упанишады (*шрути-прастхана*), катехизис мудрости — Бхагавад-гита (*смирити-прастхана*), полная духовная картина бытия, явленная Кришной витязю Арджуне, одному из героев Махабхараты, на поле битвы Курукшестра, а также Брахма-сутра (*ньяя-прастхана*) — краткий философский трактат Бадараяны (Вьясы?), положенный в основание Адвайта-веданты.

Брахма-сутра (Веданта-сутра) известна также под наименованиями Шарирака-сутра («сутра о воплощённой душе»), Бхикшу-сутра («сутра для монахов») и Уттара-миманса-сутра («сутра высшего знания Вед»), её краткие и многозначные афоризмы {*сутры*} превозносили и толковали все последующие учителя *ачарьи*, положив начало нескольким великим традициям Веданты.

3г>

Все родоначальники (*ачарьи*) различных ветвей Веданты в своих комментариях к Браhma-сутре обосновали каждый ту школу, которая ныне считает их своими основателями. Помимо Шанкары, важнейшими из них являются Рамануджа (1017 — 1137) и Мадхва (1238 — 1317). Каждый из них комментировал стихи Браhma-сутры и другие тексты канона, стремясь сформулировать логически стройное и духовно эффективное учение Веданты, неискажённо отражающее Истину и действительно помогающее искреннему ученику достичь конечной цели жизни: стать живым носителем Истины. Учения Шанкары, Рамануджи, Мадхвы и иных учителей отличаются тем, *как* они описывают соотношение Абсолюта, душ, мира, иллюзии-неведения и пути Освобождения. Их последователи, прилежно изучая всё наследие Веданты, делали акцент на различных философских интерпретациях и на разных методах практики. В предыдущих главах излагалось, главным образом, учение Шанкары, и делалась попытка рассмотреть его с разных точек зрения. Но великие учителя не углубляются в споры, они являют собой сущностное *единство* всей Веданты, действенность и эффективность её пути (путей) по сравнению с принципиально иными учениями. Жизнь любого учителя показывает ту *силу*, которая таится под многообразием философских интерпретаций его наставлений. Первоисточники Веданты провозглашают глубочайшую Истину. Они раскрывают прямой, мощный и самодостаточный путь. Они ясно формулируют метод, как достичь Недвойственности — не только умом, но и всем существом. Но современный ум отмахивается от *такой* Веданты, как от заумной и муторной философии.

3й

Согласно учению Адвайта-веданты Шанкары, изложенному в «Панча-падике» Падмапады, «я» есть результат многократного наложения

(*адхьяса*) всё более грубых слоёв иллюзии на изначально чистый, сияющий в своей совершенной безличности Атман. Первый, тончайший и неопределимый слой *авидьи* (неведения), который вовсе не скрывает ослепительного сияния Атмана, но лишь придаёт Сознанию некую направленность, некую форму и намерение, - это *сакшин* (созерцающий, свидетель). Это предельная ступень, сохраняющая ничтожнейший привкус индивидуальности, за которой есть лишь Тот, Один, Единый. Далее *сакшин* скрывается первичной оболочкой «я» - *аханкара*. Атман, неизменный в своём совершенстве и божественности, теперь воспринимается как индивидуальность, как сознающий своё «я» *аханкарин*. Это «я», начиная ощущать себя как субъект, познающий «внешнее бытие», развивает из самого себя «внутренний орган» — *антахкарана* (первичный инструмент познания), и после наложения этого третьего слоя Атман выступает как *праматри* (познающий субъект). С этой ступени мы можем говорить об *эго* в том практическом смысле, который используют в своих наставлениях учителя Веданты. Это глубинный уровень, доступный в медитативном откровении (*исамадхи*), но практически недостижимый для большинства людей. На этом уровне *возможно* принятие тех решений, тот выбор пути (направо пойдёшь...), от которого зависит духовная и физическая судьба человека в этой жизни и в последующем существовании. На четвёртой ступени наложения - *антахкарана* развёртывается в виде ума (*манас*) и органов чувств (*индрии*), образуя *бхоктри* («вкушающий», «наслаждающийся»). Далее «я» обретает тело (как совокупность органов) и весь комплекс способностей взаимодействия - от тонкого, энергетического уровня вплоть до физического: рождается *пранин* (дышащий, живущий) и *шаририн* (воплотившееся живое существо). Шестой и последний этап наложения проявляется в формировании определённых кармических условий существования, в сочетании времени, места и обстоятельств. Таков ныне каждый из нас, пожинаящих плоды своей кармы на планете Земля, - человек в полном смысле этого слова, именуемый в учении Веданты *сансарин* («субъект трансмиграций», путник в юдоли *сансары*).

Приняв учение Веданты, достигая практического её постижения, внимая Учению в жизни, придерживаясь избранной *садханы*, человек в дебрях *сансары* нащупывает Путь. Так — последовательно — познаются всё более тонкие уровни *эго* и *нt-эго*, всё ближе и яснее ощущается истинное Я

- Атман. Слои за слоем сознание «разоблачает Истину», возвращаясь туда, где *нет* «всевластного» *эго*. Многие обманываются, принимая своё воображение за действительность, меняя одну маску *эго* на другую. Полностью вырваться из его власти сможет ничтожнейшее число из тех немногих, кто искренне начинает этот путь, - кому удастся миновать бесчисленные и невероятные по своей притягательности ловушки *эго*. Эти духовные Одиссеи столь твёрды в своей решимости, столь мудры в своей пронизательности, — что демоны остаются ни с чем. Все варианты соблазнов — подмена Истины подлинной на выдумки и суррогаты, ложные пути, сектантское рабство, гордыня, выгода, комфорт, страхи, низменные удовольствия — неспособны отвлечь их от Цели.

Путь Шанкары — это путь *джнянг*. Он делает особый акцент на той *свободе*, которую уже имеет душа в принятии решений. Шанкара настаивает на принятии ответственности за избранный путь, на готовности к риску — достичь или погибнуть, — который всегда сопутствует свободе. В отличие от подслащённой версии нео-адвайты, о которой шла речь выше, учение Адвайта-веданты Шанкары ставит ученика перед абсолютным выбором: ДА или НЕТ, белое или чёрное, Освобождение или *сансара*. Адвайта-веданта не оставляет места для неопределённости, для неясного поиска ощущений, состояний, вдохновений, подтверждений. Всё должно быть однозначно, закончено и определено: поведение, практика, Цель, путь. В отличие от других традиций Веданты, Адвайта-веданта ставит ученика перед необходимостью опереться лишь на своё стремление к высшей Цели, лишь на бесстрашие и твёрдость духа. Кто знает, будет ли дарована Благодать? Кто знает, встретится ли на жизненном пути *Садгуру*? Удастся ли пребывать в чистой благодати и не пасть из-за случайного извива *кармы*? Искренний путь *джнянг*, в традиции Адвайта-веданты Шанкары, требует оставить всякое помышление, кроме *читта-экагата* — однонаправленной, неуклонной устремлённости.

ЗЙ

Следующим после Шанкары крупным шагом в развитии философии и практики Веданты стало учение Рамануджи (ок. 1017-1137). Рамануджа стал учеником пяти учителей (небывалый случай в истории Веданты). Каждый из этих пяти учителей был духовным наследником великого

Ямуначарьи, вобрав в себя определённую часть учения Ямуначарьи и затем передав его Раманудже. Рамануджа воссоединил в себе и активно проповедовал (подобно реформатору Шанкаре) новое понимание Веданты (*вишишта-адвайта*), утверждавшее, что Бог есть великое Пламя, а души — крохотные искорки, соприродные, но не тождественные Ему. Бог обращён к душам неиссякаемым состраданием, милосердием (*крипа*), неустанно зовя их к воссоединению. Душа должна ответить на этот зов Бога поклонением, «припадая к Его стопам» в совершенной преданности слуги своему Господину. Учение Рамануджи особенно подчёркивает *религиозное почитание и праведность образа жизни*, что делает этот путь (в мирском смысле) более деятельным, чем путь Шанкары. Рамануджа говорил об Абсолюте не как о бескачественном и неопределимом, но как о Том, кто *есть* абсолютная красота, абсолютная справедливость и абсолютное милосердие. Рамануджа делал особый акцент на *долге человека*, который заключается в смирении и любви к людям. Освобождение от *кармы*, спасение из водоворота *сансары*, при условии великой устремлённости и великих усилий подвизающегося, достигается лишь даром Благодати, лишь по Милости, а *не* заслугами благочестия и *садханы*.

32

Учение Мадхвы (1238 - 1317), ставшее наиболее яркой альтернативой учению Шанкары в средневековой Индии, видит в волевом импульсе воссоединения души с Богом — не столько усилие устремлённости, сколько вырвавшийся наружу неиссякаемый поток любви (*снеха*), непосредственное соприкосновение с Богом, ощущение Бога (*саткаршана*) и восстановление нашей соприродности Богу (*саюджья, саришти, салокья, самипья, сарупья*). Мадхва (Шримад Ананда Тиртха) считается воплощением Вайю из Балиттха-шу кты Ригведы (*Мукхья-прана*), третьим после Ханумана и Бхимасены. Его учение противопоставило традиции одинокой медитации Адвайта-веданты — традицию *деятельного служения Богу*, которая включала в себя как *совместную* медитацию, так и *совместные* экстатические песнопения, и проповедовалась впоследствии такими великими учителями *бхакти*, как Рамананда (1400 - 1470), Валлабха (1478 - 1530), Чайтанья (1486 - 1534). Подчёркивая непреходящее значение исполнения обязанностей, значение *дхармы* и *кармы*, ибо мир непостижим, но не иллюзорен, Мадхва окончательным спасением признаёт лишь полную самоотдачу единому Владыке всего

— Богу. Здесь осуществляется максимально возможный скачок от пути Я усилия, подвига, усердного стремления к достижению Цели (Адвайта-веданта Шанкары) - к дару незаслуженной милости Бога. Это не путь воли, не путь заслуг, но путь окончательной самоотдачи, путь человека признавшего свою полную беспомощность перед Бесконечностью. Подобно учению Рамануджи, это — путь благодати, путь надежды *не на своё усилие*, но лишь на Спасающего.

32

От этих великих *ачарьев* — через века и тысячелетия — к нам идут несколько отшлифованных временем и суровой аскезой традиций (*сампрадайя*), объединённых общим термином «Веданта»: окончательное, завершённое, ясное понимание учения Вед (*вайдика-дхармы*). Ныне Веданта включает в себя множество взаимодополняющих философских доктрин, объединённых общей духовной дисциплиной (этикой и практикой) и единой Истиной, которая многообразна, непротиворечива и безличностна. Истинность любого учителя и любого учения определяется не титулами (типа «Его Святейшество»), не знанием санскрита и не теми учителями и текстами, на которые он ссылается. Важно, *чему* учит и *как* живёт сам учитель и все его ученики, присутствуют ли в них *настоящие* сила, мудрость, сострадание и чистота, действительно ли его учение направлено к *высочайшей Цели*. Всё, что говорит и совершает учитель — за всё время своего наставничества, - свидетельствует либо о его бескорыстии, либо о глубоко сокрытом эгоизме. Это и является главным критерием его подлинности.

Данная книга, являясь скромной попыткой представить в цельном, неразделённом виде *всё учение* Веданты, посвящена в первую очередь учителям и учению Адвайта-веданты, пути недвойственности. История сохранила нам имена некоторых из основоположников Адвайта-веданты: Бадараяна, Упаварша, Бхартрипрапанча, Дравида, Сундарапандья, Бхартрихари, Гаудапада, Говиндапада, Манданамишра... Учение ранних адвайтистов, например Гаудапады, во многом сходно с учением процветавшего в то время в Индии монашеского буддизма. Их наследником и символом всей последующей Адвайта-веданты стал Шанкара — Шри Шанкарачарья — юный аскет и гений, величайший

учитель, живший в восьмом веке нашей эры, комментатор и поэт, странствующий проповедник и неутомимый реформатор, признанный ортодоксальным индуизмом воплощением Шивы. Его логика и безупречность доказательств не знали себе равных в то время и вызывают восхищение философов современности. Вслед за ним учение Адвайта-веданты развивали и передавали дальше: Падмапада, Мандана Мишра, Сурешвара, Тотака, Хастамалака, Сарваджнятма Муни, Анандабодхи, Вимуктатман, Пракашатман, Шри Харша, Читсукха, Пракашананда, Садананда, Анандагири, Мадхава Видьяранья, Кришна Тиртха, Рама Тиртха, Шридхарасвамин, Мадхусудана Сарасвати, Атмасварупа, Яджнешвара Шастри, Аппая Дикшита ...

Шанкара был неутомимым путешественником. Пешком он исходил просторы Индостана — от океана до Гималаев, повсюду побеждая в философских диспутах (*виганда*) и распространяя учение Адвайта-веданты в противовес еретическому для Индии буддизму, суевериям ритуалов и разнузданной Тантре. В различных частях Индии он основывал монастыри (*матха*), главными из которых являются Дварака, Бадаринатха, Пури, Шрингери и Канчи. Шанкара разделил *ядрайгистов-санньясинов* (учеников-аскетов) на десять монашеских орденов, по числу основных монастырей, и предписал каждому из них оставаться в отведённой для них области. Так были созданы ученические цепочки (*гуру-шишья-парампара*), сохранившие живую преемственность учения вплоть до наших дней. Монастырю в Двараке соответствует орден Ашрамин (монастырский), в Бадаринатхе - орден Гири (горный), в Пури - орден Аранья (лесной), в Шрингери — орден Бхарати, а в Канчи — орден Сарасвати. Пяти другим монастырям (*матхам*) соответствуют ордена Тиртха (пребывающий в местах паломничества), Пури (городской), Вана (лесной), Парвата (горный) и Сагара (пребывающий на берегу моря). Так были закреплены «семейства» (ветви традиции) и предпочтительные места обитания прямых последователей Шанкары, именуемых ныне «*дашанаминах*» (имеющие десять имён, в память о десяти прежних орденах). Остальных бродячих *санньясинов* (аскетов) Адвайта-веданты называют «*дандин*» или «*экадандит*» (от *данда* — священный посох *санньясши*). К настоящему времени сохранились четыре древних монастыря Шанкарачарьи (Дварака, Пури, Шрингери и Канчи), в каждом из которых глава общины и сегодня носит титул «Шанкарачарья».

При некоторых философских расхождениях, *духовно едины* с Адвайта-ведантой Шанкары учителя иных направлений Веданты: Анандаджняна Вачаспати Мишра, Бхаскара. Новый акцент привнесли Ядавапракаша и Нимбарка (учителя «единства изменчивости и неизменности»: *бхеда-абхеда* или *двайта-адвайта*), а затем философы школы *вишишта-адвайта* — Ямуна, Рамануджа, Сударшана Сури, Веданта Дешика, Венкатанатха, Пиллаи Локачарья, Манавала Мамуни. Они подчёркивали религиозное понимание Абсолюта как Бога, Величайшего среди всех душ, которые так же реальны, как и Бог, и соединяются с Ним узами любви и самоотдачи. *Вишишта-адвайта* близка южноиндийской традиции поэтов-мистиков (*аявваров* — углублённых), воспевавших любовь к Богу (Ямуна был одним из последних *аявваров*). *Вишишта-адвайта* особенно подчёркивает эволюцию материального мира, который есть «тело» Единого и развивается, меняется, движимый Его волей. Настоящими оппонентами Шанкары стали величайший средневековый реформатор Веданты, святой-чудотворец Мадхва (в действительности носивший имя АнандаТиртха) и его последователи: ПадманабхаТиртха, Нарахари Тиртха, Мадхава Тиртха, Вадираджа Тиртха, Акшобхья Тиртха, Джаятиртха, Вьясатиртха, Виджайиндра Тиртха, Видьядхиша Тиртха, Рагхавендра Свами и т.д.

Мадхва и его ученики, подчёркивая самостоятельность индивидуальной воли «точечных» носителей сознания (душ) и их различное предназначение, настаивали на невозможности их полного, окончательного слияния с Богом, а также на реальности и самостоятельности материи. Учение Мадхвы — это *таттвавада* (*бхедавада* или *бимба-пратибимба-вада*, привычно, но не совсем точно называемая *двайта-ведантой*). Мадхва и Рамануджа — величайшие монотеисты Веданты, они открыто именуют неопределимую, вездесущую, вечную, нерушимую первооснову бытия, единственно неизменную Реальность, Абсолют — единым, благодатным и любящим Богом, Богом Любви, Хранителем и Спасителем человечества. Мадхва, вслед за традицией Рамануджи, приближает понимание Истины к доступному (человеческому восприятию), ясному *различению* души и Бога, более действенному для *реального преображения* человека, хотя и схоластически

снижающему «абсолютность» всей картины мира. Мадхва утверждает: «Отличие *дживы* и *Ишвары*, отличие *джады* (неодушевлённой материи) и *Ишвары*, отличие между *дживами*, отличие *дживы* и *джады*, отличие между различными формами *джады* — эти пять подлинных и неизменных отличий составляют полноту бытия». Даже достигнув Освобождения (*мокши*), *дживы не становятся Ишварой*, не растворяются в Нём окончательно. Для каждой избранной благодатью Божией ко спасению (*муктийога*) души существует один из четырёх видов *мокши-саюджья* — воссоединение с Богом, *салокья* — пребывание в общении с Богом, *самипья* — пребывание рядом с Богом, *сарупья* — богоподобие. Мы не можем никак объяснить эти неведомые земному человеку образы, но очевидно, что в учении Мадхвы произошло максимальное сближение Веданты и христианства. Из поэзии *альваров*, из философских учений Рамануджачарьи (*вишишта-адвайта*) и Мадхвачарьи (*таттвавада, бхедавада*) родилось экстатическое средневековое движение *бхакти*, где идея верности Богу и самоотдачи в служении Ему получила буквальное, физическое воплощение.

Учителями и символами *бхакти* — святой любви к Богу, абсолютной, ничем не обусловленной любви — стали средневековые философы Вишнусвами, Шридхара Свами, Лилашука Билвамангала, Баладева, Рамананда, Свами Харидас, Хит Хариванша Госвами, Валлабхачарья, великий проповедник *бхакти* Чайтанья Махапрабху и его многочисленные последователи, а также более близкие к нам Шриманта Шанкардева, Тукарам, Рампрасад, Сваминараян, Баба Локенатх, Рамакришна. Движение *бхакти* стало такой же революцией духа, таким же новым Откровением в духовной жизни Индии, как учение Мартина Лютера - в средневековой Европе. В дряхлеющее тело индуизма новую энергию влили поэты и проповедники, певцы *бхакти-альявар* Натхамуни, тамильцы-шиваиты Таюманавар и другие *нааянары, поэты-вайшнав* Джаядева, Намдев, Экнатх, Раскхан, Чандидас, композитор Пурандарадас, автор множества песен *бхакти*, ученики Рамананды — поэты-философы *ниргуна-бхакти* Кабир и Равидас (Райдас), их последователи Дадудайал и Гарибдас, маитхильский *поэт-вайшнав* Видьяпати Тхакур и Нарасингх Мехта из Гуджарата, царственная поэтесса *кришна-бхакти* Мирабаи, ученик Валлабхачарьи Сурдас, поэты Тулсидас, Ишвардас, Аградас, Набхадас, Кешавдас, Намдев, Харирам Вьяс, поэты

традиции Шри Чайтаньи и шести вриндаванских Госвами. Бенгальское *кришна-бхакти*, мощной рекой хлынувшее после проповеди Чайтаньи (Гауранга), Нитьянанды и шести Госвами, представлено в последующие века именами таких духовных наставников, как Кришнадаса Кавираджа Нароттама дас, Рамачандра Кавираджа, Ганганараяна Чакраварти Вирабhadра, Гопала Гуру Госвами, Вишванатх Чакраварти, Баладева Видьябхушана, Гангамата Госвами, Нарахари Чакраварти, Сиддха Джаякришна дас, Сиддха Кришна дас, Сиддха Мадхусудана дас Джаганнатха дас, Кедарнатх Датта Бхактивинода, Джагатбандху Сундар и Радхараман Чаран дас (Боро Баба).

38

В одно время с великой вестью лютеранской реформации в Европе — «человек спасается только верой», — Чайтанья и Валлабха проповедовали по всей Индии *то же самое*-, «человек спасается только милостью Бога». Величайший поэт средневековой Индии Сурдас (1478 -1583, по другим данным 1483 - 1573), обращаясь к любому человеку (в том числе, и к самому себе), восклицает: «Сейчас ты слеп, иди же к мудрым людям, среди святых обретёшь ты благо. Если ты, родившись человеком, не служишь Богу, владыка ада (Ямарадж) поразит тебя. Твердит без устали Сурдас: без служенья Богу напрасно пройдёт твоя жизнь» (Винаи, 87). «Если листья осыпались на землю, то снова к ветке не прирастут. Представляю себе мир Ямы (ад) морем ужасов, полным кромешной тьмы. Вновь и вновь обращаясь к Богу, Сур молит: переправь меня на другой берег!» (Винаи, 88). «Я погрузился в ядовитую радость *майи* и не представляю, как выберусь из неё. На голову мою взобравшись, извивается, подмигивает развратная танцовщица. Я сделал своей пагубной привычкой наслаждение, что пристало обезьяне или собаке. Сур умоляет: о Кладезь милосердия, окропи благотворным дождём Твоей милости *бхактов*, припавших к твоим стопам» (Винаи, 98).

«Огромной силы и отваги лев умирает от голода. Питон же, безо всякого труда, внезапно насыщает брюхо. Господь пустое наполняет, наполненное вновь опустошает, а если захочет, то вновь наполнит пустое. Иной раз и соломинка тонет в воде, а иногда и скала плавает. Возвышенность Он превращает в море, всё водой затопив. Из камня

лотос вырастает, огонь горит в воде. Раджу Он превращает в нищего, нищего делает раджей и зонтик над его головой держит. Сур восклицает: грешник в одно мгновение спасён будет, если Господь сжалится над ним» (Винаи, 105). Движение *бхакти* принимает уже не только избранных, тщательно отобранных, благочестивых, обладающих высоким интеллектуальным потенциалом и самоотречением учеников, как это было в ранней Веданте. Здесь толпы неграмотных, отверженных, грешных призываются к общей, коллективной экстатической медитации и молитве. Невежды, неспособные прочитать ни строчки ведического текста, учатся идти от внешнего к внутреннему, наполняя *любовью к Богу* свой ум и сердце. Неспособные к аскезе, они обращают ум и эмоции от множества страстей к одной единственной - страстной устремлённости к Единому.

3*

Особое значение на пути *бхакти* приобретает совместная практика. Как пишет Сурдас в своей знаменитой поэме «Сурсагар»: «Один день пребывания в обществе святых равен миллионам омовений в священных водах Ганга» («Сурсагар», 360). Всё учение о *бхакти* содержится уже в Бхагавад-гите и Уддхав-гите, а также в гимнах великих *ачарьев*, начиная с Шанкары. Но существует своя линия ведических текстов, составившая поэтико-философский канон этой ветви Веданты: Бхагавата-пурана, Шандилья-бхакти-сутра, Хари-бхакти-расамритасиндху, великая стихотворная и песенная традиция *бхакти*. Неисчислимы житийные повествования о людях, преданных Богу, об их чудесных деяниях и проповеди. Лишь один пример из жизнеописания *кришна-бхакта* Канака даса (1509 - 1609), жившего в Карнатаке и известного своей ненасильственной борьбой против кастовых предрассудков. Будучи кшатрием, он не имел права войти в храм Кришны в Удупи. Не допущенный внутрь, Канака сидел перед западной стеной храма, погружённый в экстатическое песнопение. Кришна (храмовая статуя), обращённый до этого на восток, сам развернулся в западном направлении, а западная стена храма треснула, так что Канака смог увидеть Кришну. В наше время такие подвижники, как Рамакришна и его ученики (Брахмананда, Туриянанда, Павхари Баба, Наг Махасья и др.), Аннада Тхакур, Нарахари дас Бабаджи, Бхактисиддханта и другие Гаудия-вайшнав, Свами Рамдас и его воспитанница Кришнабаи, Йоги Рамсураткумар, Бхактарадж, Мата Джаялакшми, Прахлад Чандра

Брахмачари, Муралидхара Свамигал и многие другие, — явили, каждый в рамках своей традиции, *реальность* божественной любви и бескорыстного служения. Благодаря святости своей жизни и способности творить чудеса преобразования других людей, они стали живым свидетельством того, что единение с Богом *возможно, достижимо* для обычного человека, такого, как каждый из нас.

38

Великий сонм *просветлённых* последователей *джняны*, представлявших в прошедшем веке различные традиции Веданты и йоги, сделали не-двойственную философию Веданты доступной всему миру для понимания и практики. Величайшими среди *просветлённых* и *сиддхов* девятнадцатого и начала двадцатого века являются долгожители и чудотворцы Свами Самартх, Баба Локенатх и Траиланга Свами, легендарные Ширди Саи и Гаджанан из Шегаона, просветители Свами Рама Тиртха и Свами Вивекананда, божественные Шешадри Свамигал и Рамана Махарши, Лахири Махасаи, Шивананда, Атмананда (Кришна Менон). Эти подвижники, а также современные носители титула «Шанкарачарья», официальные представители Шанкары в двадцатом веке — Чандрашекхарендра Сарасвати и Бхарати Тиртха Свамигал — олицетворяют собой современную Адвайта-веданту. Это лишь наиболее яркие и нравственно безупречные учителя, сияющие алмазами среди многих тысяч других, менее известных или «менее совершенных». Веданта настаивает на величии и недосыгаемой святости Гуру и учит распознавать истинных Учителей среди сотен и тысяч имитаторов, манипуляторов сознанием, эксплуататоров доверчивых, создателей сект и ответвлений. Современная Веданта рекомендует обращать внимание на то, не пал ли учитель жертвой четырёх «П»: *прачар* (благоденствие, людская слава и поклонение), *правачан* (проповедническая власть над умами людей), *пратиштха* (гордыня, приписывание всех духовных плодов самому себе) и *питх* (достоинство хранителя традиции, стремление иметь как можно больше учеников).

38

Каждый из названных выше светочей *бхакти* и *джняны* окружён, словно облаком искр, учениками и последователями, среди которых многие также явили совершенное Сознание и способность передавать

просветлённую энергию другим людям. Можно упомянуть те имена наших современников, кто, как кажется, сохранил *чистоту этой энергии* и в своём учении, и в своей жизни. Англичанин Беде Гриффитс и Абхишиктананда (француз Анри ле Со), в прошлом бенедиктинские монахи, зримо соединившие христианство с Ведантой, Свами Чинмайянанда и вся школа Шиванандъг, Омкарананда, Иогананда, Виджая Кришна Чатгопадхья, Сатьянанда, Харихарананда, Саччидананда из Сиддхашрама, Ранг Авадхут и Пуджья Прем Авадхут, Шрирам Шарма, Шанкар Махарадж, Нисаргадатта, Шуньо Неги, Экирала Бхарадваджа, Наннагару, Джнянананда, Шивабалайоги, Шива Шанкар Баба, Пуджья Чандра Свами, Шуддхананда Баба, Джагги Васудев, Аджжа, Х.В.Л. Пунджа и его просветлённые ученики - вот неполный список тех ныне здравствующих или совсем недавно ушедших от нас учителей, кто сегодня признан носителем огня знания, факела Истины, непотушенного поюями гордыни и самоуправства. Плоды их учения и жизни с течением времени явят правду о том, насколько это суждение справедливо. Истинные учителя довольствовались тем кругом учеников, который был им дан Богом, и никогда не занимались агрессивной рекламой. Распространившись по всему миру, Веданта по-прежнему остаётся «за сценой», как великие горы незаметны жителям шумного города у их подножия. Рекламные щиты и здания, а также постоянная занятость и суэта - скрывают горные вершины от человеческих глаз, хотя их можно без труда разглядеть вдаль. Вместе с тем, способность современного сознания *отозваться, резонировать* на зов Веданты, столь созвучный и последним открытиям науки, и сокровенному мистическому опыту многих людей, - необычайно велика. Достаточно упомянуть недавнее событие, когда известный учитель *сударшан-крийи* Рави Шанкар (не путать со знаменитым ситаристом) собрал 17-го февраля 2006 года на специально арендованном для этого аэродроме около Бангалора *более двух миллионов человек* для проведения коллективной медитации и проповеди.

Массовость современной Веданты скрыта за бесчисленными крошечными группами и отдельными людьми, прокладывающими свой путь сквозь путаницу сект и ответвлений, вынужденными *постоянно делать выбор* между Истиной и заблуждениями. От результатов этого выбора, который невидимо и ежедневно совершается во множестве

сердец, а также от способности этих людей *объединить* свои духовные усилия — зависит то, *в каком мире* будут жить люди уже в ближайшие десятилетия. Многие крупные духовные школы Веданты девятнадцатого и двадцатого века, связанные с именем какого-либо известного учителя или традиции, будучи перенесёнными на американскую почву, раздробились на множество рек и ручейков, некоторые из которых сохранили глубину и чистоту Учения, а другие превратились в чисто коммерческие структуры. Типичным примером является «гималайская традиция», связанная с именем Свами Рамы (1925 — 1996), который, сам будучи учеником Свами Видья Шанкара Бхарати, носившего титул Шанкарачарья Карвирпитхам (Шрингери Матх), а также Бенгали Баба (гималайская традиция Бабаджи), после своего ухода оказался «родоначальником» множества коммерческих организаций, предлагающих курсы йогической гимнастики и здорового образа жизни. С другой стороны, активно работают созданные им и существующие, главным образом, на пожертвования мощный больничный комплекс в Гималаях и медицинский учебно-исследовательский центр. А *некоторые* из его учеников стали подлинными учителями Веданты, посвятившими свою жизнь духовному)¹ наставничеству.

на

В двадцатом веке, благодаря примерам жизни и учения упомянутых выше *просветлённых*, традиционное противопоставление *джнянг* и *бхакти* было стёрто окончательно. Оба крыла Веданты имеют единый источник, сходные, пересекающиеся пути осуществления и единую Цель (*парамартха*). Сокрушая выстроенные сектантами всех религий стены неверия, недоверия, сама *благодатная Сила* этой мудрости и любви говорит каждому вкусившему её, что она — нераздельна, что она — одна та же. Человек находит её и в Веданте, и в десяти заповедях, данных через Моисея народу Израильскому, и в заповедях Иисуса Христа, и в посланиях апостола Павла—основе вероучения всех ветвей христианства, и в некоторых общинах суфиев, и в экстатических песнопениях *бхактов* Индии. Изначальные, невыдуманные (*апаурушейя*) заповеди Бога, хотя и изложенные людьми на разных языках, всякий раз по-разному, *одинаковым образом преобразуют души*, — в этом познаётся их общий Первоисточник. Именно *эти заповеди* всем Его истинным ученикам — прежде всего иного — надлежит соблюдать. Это заповеди любви к Богу и к людям, это заповедь «быть совершенным, как совершенен Отец

наш Небесный». Ни Адвайта-веданта Шанкары, ни Вишишта-адвайта Рамануджи, ни Таттвавада Мадхвы — ни одна из духовных традиций Востока и Запада - не обладает *монополией* на передачу Истины, не владеет ключом к Истине единолично. Независимо от философских и богословских расхождений, трудноуловимых или разительных, искренние ученики в лоне любой истинной традиции, не погрязшие в обрядах и схоластике, но *отдавшие свое сердце Истине*, — оставив всё, оставив себя и все эгоистические цели этого мира, — неизменно приходили к живому, непосредственному, бытийному переживанию недвойственности (*адвайта*). Начав с противопоставления, они приходили к нераздельности и безграничности.

38

Та недвойственность, которая открывается знанию (*джняна*), свободном от ограничений ума, открывается и в любви (*бхакти*), безграничной как Тот, к кому она устремлена. Истинная, ничем не обусловленная любовь (*ахетука-бхакти*) устремлена к Абсолюту, свободному от любых ограничений, — к Единому. Эта любовь бескорыстна, она любит всегда, независимо от эмоциональных состояний — печали и радости, — от любых жизненных обстоятельств (неудач или благоденствия). Это негасимый огонь, который, какие бы препятствия не вставали на его пути, разгорается всё ярче и ярче. «Искренне взывайте к Богу как Прахлада, воспевайте Его как Радха, повторяйте имя Божие как Валмики, Тукарам и Тулсидас. Возносите Ему *киртан* (экстатическое песнопение) как Гауранга (Чайтанья Махапрабху), стенайте в одиночестве как Мира (Баи) о своём отчуждении от Него. И вам откроется *даршан* (непосредственное видение) Бога» (Свами Шивананда). В традиционном понимании Веданты, *бхакти* - это любовь к Единому Богу, о которой многократно говорит и Евангелие: возлюбить Бога всем сердцем, всем существом, всем разумом и строить свою жизнь на основе этой любви. *Шравана, киртана, смарана, вандана, пада-севана, дасья, пуджана, сакхи-джана, атманиведана...* Всегда стремиться слушать о Нём, петь Ему, помнить о Нём, прославлять Его, служить Ему, покориться Ему во всём, служить ему на путях религии и в мирской жизни, полностью отдать Ему самого себя. Учение о *бхакти* занимает особое место среди различных путей (в Бхагавад-гите, Улдхава-гиге, Бхагавата-пуране), как полный отказ от личного «я», окончательное предание себя власти Единого — *ананья-шаранагати*.

Подобно последователям Шанкары, среди различных направлений *бхакти* существует множество догматических споров, теологических и культовых разночтений. Разнообразие этническое и культурное, разнообразие наставнических традиций, древних первоисточников и почитаемых образов Бога, а также многочисленные наслоения народных верований на изначальную ведическую религию (*ваидика-дхарма*), — всё это позволило европейцам огульно объявить всю теистическую Веданту язычеством. Именно поэтому до самого конца двадцатого века европейские востоковеды и философы уделяли основное внимание традиции Шанкары, игнорируя течения Веданты, наиболее близкие христианской догматике и аскетической практике. Самые древние, основополагающие ведические тексты учат *бхакти* (гимны Варуне в Ригведе), само слово *бхакти* мы встречаем уже в Шветашватара-упанишаде и в Восьмикнижии Панини (середина I тыс. до н.э.), после чего *бхакти* становится основой учения Бхагавад-тты, многих Пуран и Самхит. Практическим сочетанием *адвайты* и *бхакти* стал кашмирский шиваизм (*шайва-сиддханта*) Сомананды, Утпаладевы и Абхинавагупты, оказавшийся предшественником Шанкары, но затем, после его путешествия в Кашмир, находившийся в близком родстве в Адвайта-ведантой. Народное движение *бхакти* впервые появилось на юге Индостана, в Тамилнаде в середине I тыс. н.э.: *шайва-бхакты* - *наянары* (63 поэта, среди которых выделяются Аппар, Сундарар, Тирунянасамбандар и Маниккавасагар), а также *вайшнава-бхакты* - *альвары* (12 поэтов). Из Тамилнада народное *бхакти* распространяется в соседний Карнатка (движение *вирашайва* Басавы), затем в Махараштру (движение *варкари* Джнянешвара), и далее на северо-запад, в Раджпутану и Гуджарат (современный «пояс хинди»), и на северо-восток, в Бенгалию, параллельно с появлением все новых течений на юге.

Учение *бхакти* разделяет знание на три сферы: *самбандха* (изначальное соотношение душ-*джив* и Единого), *абхидхейя* (путь, практика — что надлежит делать) и *прайоджана* (цель и предназначение пути). Путь также рассматривается в двух аспектах, из которых первый считается новоначальным, а второй — совершенным. *Вайдхи-бхакти* или *марьяда-бхакти* — обрядовая практика согласно предписаниям ведических

текстов — это первый этап, приводящий к очищению и святости. Неритуалистическая, спонтанная, движимая лишь искренней жадной и устремлённостью *рагануга-бхакти* — это совершенный путь, приводящий к совершенной Цели. В обоих типах *бхакти* необходимо пройти одни и те же ступени совершенства: *шраддха* (вера и верность), *садху-санга* или *сатсанг* (общение со святыми), *бхаджана-крийя* (молитвенное поклонение Богу), *анартха-нивритти* (отвержение всего отвлекающего от устремлённости к Богу), *ништха* (терпение и постоянство), *ручи* (воспитание в себе любви ко всему, что связано с Богом), *асакти* (жадное погружение во всё, что связано с Богом), *бхава* (экстаз соприкосновения с Богом), *према* (совершенная любовь к Богу). На последних ступенях *бхакт* (возлюбивший Бога) живёт и совершает все действия в этом мире не своим психофизическим телом (*эго*), но пребывая в *сиддха-деха*

— совершенном, ангелоподобном теле, лишённом *эго*, которое движимо лишь *бхакти-раса*, экстазом любви. Здесь идёт речь не об эмоциях, а о *преображении души*, о полном перерождении ума и *эго*, которое может быть названо их исчезновением. Место ума и *эго* занимают пятиричная *стхайи-бхава* (пребывание в Боге, совершенная покорность Богу, союз и соработничество с Богом, сыновняя любовь к Богу, окончательное соединение с Богом) и неопишуемые экстатические состояния *вибхава*, *анубхава*, *саттваика-бхава*, *вьябхичари-бхава*. Учитель и традиция принимают на себя ответственность за то, чтобы подлинное психофизическое преобразование, ангельское перерождение души - не подменялось в учениках культом эмоциональных состояний, слепым фанатизмом или вакхическим потворством *страстям*, которые легко перекрашиваются и прикрываются иллюзорными видениями, вспышками энтузиазма, сугубой аскезой и кажущимся самоотречением. Как *джняку* легко подменить напыщенной философией, так и под видом *бхакти* могут распространяться религиозная схоластика, средневековые суеверия или оргиастические культы. «По плодам их узнаете их».

Сегодняшнее сознание, развивая средневековое движение *бхакти*, добавляет то, о чём также много говорится и в Евангелии: возлюбите ближнего как самого себя. Веданта даёт этому незыблемое основание: ведь все «я», в сущности, — единый человек, единое сознание, которому надлежит пробудиться от эгоизма, порождающего в этом мире всеобщее страдание. Веданта помогает понять то, что страдание и

заблуждение являются всеобщими, не отличаясь от человека к человеку, от одного живого существа к другому. И, поэтому, *каждый в равной степени достоин нашей любви*. Как горная лавина, эта единая любовь — к Богу и к Его творениям — не замечает ничего на своём пути, для неё нет ни прошлого, ни будущего, она живёт лишь своим устремлением. Подобно землетрясению, *према-бхакти* оставляет сердце навсегда открытым, распахнутым в бесконечность. Нарасингх Мехта (1414 — 1480), великий поэт-бхакта Гуджарата, провозглашает в своей поэме «Вайшнава-джанто»: «Кто такой *вайшнав*, человек Божий? Тот, кто в себе ощущает боль других людей. Кто утешает всех, не превозносясь своим возрастом или духовными достижениями. Кто с уважением относится ко всякому творению Божию и никого не злословит, чьи чувства обузданы, а язык не глаголет неправды. Он не прикасается к тому, что не его. Таков *вайшнав*, в чьей душе пребывают все святые *тирхти* (места паломничества)». Любовь, устремлённая к Единому, всегда связана с болью, со страданием и с состраданием, ибо она горит посреди жестокого, завистливого, циничного и равнодушного мира. Любовь не прячется от страхов, сомнений, насмешек и разделённости мира; сама суть этой любви — в том, чтобы стоять посреди этого мира, не угашая своего пламени. И в то же время, независимо от любых испытаний, от любого противостояния, от того *мученичества*, которого требует любовь от своего раба, «*бхакти* — это нектар бессмертия, это трансмутация человеческого в божественное. *Бхакти* делает человека совершенным, даруя ему бесконечный покой и блаженство» (Свами Шивананда).

Зо

Любовь к Единому — это *ахимса*, ненасилие, которое без борьбы и без страха противостоит всему, что в этом мире лично, лживо, греховно. Любовь к Единому не требует ничего взамен, она готова жить одной лишь экстатической радостью устремлённости. Такая любовь готова к одиночеству, подобно служению, подобно знанию. Любовь к Единому, возрастая от сентиментальности до мощного, непрерывного, преображающего потока, проявляет себя в земном мире как милосердие, как сострадание, как искреннее внимание к каждому живому существу. «Когда любовь ещё не течёт непрерывно, словно струя, её называют прерывистой *бхакти*. Этот опыт, несомненно, становится средством достижения высочайшей любви (*парабхакти*). Возрастая день ото дня, преданность Богу *постепенно* становится полной и совершенной.

Посредством такой *парабхакти*, как и посредством *джняны*, душа пересекает океан рождения и смерти» («Шри-Рамана-Гита», 16, 9-12). И *бхакти*, и *джняна*, и служение — требуют от своего слуги всего, не какой-то частицы сердца или ума, но всей его жизни, всего существа целиком. Пока мы хотим оставить что-то себе, выделить и оградить отдельную сферу «личной жизни», наши *бхакти*, *джняна*, служение — поверхностны. Восторг, радость, энтузиазм, вызываемые *према-бхакти*, не должны стать собственностью или «образом жизни», которыми упивается *эго*. Экстаз запредельной любви, наоборот, помогает выявить пустоту, ничтожество, никчёмность *эго* со всеми его ужимками и прыжками. Весь смысл в том, чтобы действовать *вне эго*, не помышляя о самом себе более необходимого.

Испытав погружение в океан Духа, в океан Пробуждения, в океан *бхакти* или *джняны*, мы не должны поспешно выходить оттуда и начинать с гордостью рассказывать о том, какого блаженства мы удостоились, считая себя при этом избранным, посвящённым, превзошедшим всех остальных. Мы должны остаться в глубинах этого океана. Мы должны остаться в нём навсегда. Иначе мы окажемся лишь духовным туристом, любителем ярких впечатлений, который не прочь похвастаться, но дома живёт своей обычной, домашней жизнью. Перспектива погрузиться в глубины этого океана *навсегда* — пугает, отталкивает, представляется нашему *эго* чем-то чудовищным. Рамакришна говорил ученикам, что, когда обычный человек совершает омовение в Ганге, грехи его сидят на ветвях деревьев вдоль берега и ждут, когда он выйдет из священных вод. Ученик двадцать первого века уже не погружается в реку и не надеется в материальной её среде обрести духовное очищение. Истинная Веданта учит своих последователей так, чтобы они, рано или поздно, испытали *опыт* Пробуждения. Иначе вся эта теория бесполезна и бессмысленна. Но ученики должны быть готовы, единожды погрузившись в этот опыт, более не выпрыгивать из него наружу. Остаться навсегда погружённым - едва ли возможно в воде физической, - впрочем, мы можем, будучи в теле, погружаться в обычную воду снова и снова. Однако, нектар *бхакти* или *джняны*, если он был однажды отвергнут ради обыденной повседневности, может уже никогда более не открыться нерадивому ученику.

Учителя обоих путей Веданты (*джняна* и *бхакти*) приводят пример соляной куклы, которая, войдя в океан, полностью растворяется в нём. Это общий закон духовного пути. Но сегодняшним ученикам необходимо помнить, что растворение не отменяет обетов — тех обязательств (*дхарма*), которые принимает на себя человек вместе с принятием благодати на пути *садханы*. Закон любви — это закон бескорыстного служения этой любви. «Любовь — это неизменная готовность к *отдаванию*, а не смиренная надежда что-то *получить взамен*. Единственное, что *даёт* нам жизнь, это возможность любить всех» (Свами Чинмайянанда). Растворившись в океане Просветления, душа оживает и начинает *действовать*. Просветлённый, *лишь растворившись*, обретает свою истинную форму, свою истинную роль в мире людей. *Выпутьываясь из эго*, он становится практичен, ясен и целенаправлен как никогда прежде. *Вне эго* он обретает своё предназначение, свою миссию в этой жизни (*свадхарма*). Просветлённый должен рано или поздно подняться на ту ступень, когда его предназначение будет едино с *вишвадхармой* — эволюционным предназначением этого мира.

Искренние последователи обоих путей Веданты (*джняна* и *бхакти*) проживают каждое мгновение, ощущая своё бремя — бремя противостояния жестокому, завистливому, циничному и равнодушному невежеству, которое их окружает. Их долг, их обет — стать святыми и творить добро, найдя единственно правильный путь служения людям (*самадж-сева*), — для своего времени, места и жизненных обстоятельств. Они не прячутся за то изречение Веданты, которое утверждает, что мир (*вишва*) — нереален (*митхья*). Исходя из Бога, будучи творением Бога, отражая в себе красоту и величие Бога, ведя через страдание душу-искру в Сияние Бога, — мир имеет величайшее значение, как место служения Богу. Множество упомянутых выше подвижников были инициаторами и брали на себя осуществление конкретных социальных проектов в области образования и здравоохранения, а также непосредственно помогали нуждающимся, исходя из конкретной ситуации. Особенно ярко *самадж-сева* явлена в деятельности Шивананды Сарасвати и его ученика Чинмайянанды, Свами Рамы, Экирала Бхарадваджа, Шуддхананды («Миссия Локенатха»), Джагги Васудева. Искренние последователи

джняна и *бхакти* не имеют иного выбора, кроме приношения *Ажагадише* (Владыке бытия) всего, что имеют, на алтаре мира (*джагат*) и на алтаре души человеческой. Их долг, их обет — стать *джнянапурна* (полными знания), *бхавапурна* (полными экстаза любви), *критапурна* (полными творческой энергии), ради того, чтобы совершать это приношение — служение Богу — через неличностное служение человеку.

38

Вот свидетельство афонской святоотеческой православной традиции, чьё формальное богословие имеет мало точек соприкосновения с Ведантой Шанкары, Рамануджи или Мадхвы. Архимандрит Софроний (Сахаров) так пишет о своём духовном отце и наставнике, афонском старце Силуане: «Чрез чистую умную молитву подвижник научается великим тайнам духа. Сходя умом в сердце своё, сначала вот в это

— плотяное сердце, он начинает проникать в те глубины его, которые не суть уже плоть. Он находит своё глубокое сердце, духовное, метафизическое, и в нём видит, что бытие всего человечества не есть для него нечто чуждое, постороннее, но неотделимо связано и с его личным бытием». «Брат наш есть жизнь наша», — говорил старец Силуан. «Чрез любовь Христову все люди воспринимаются как неотъемлемая часть нашего личного вечного бытия. Заповедь — *«любить ближнего как самого себя»* — (подвижник) начинает понимать не как этическую норму; в слове *как* он видит указание не на меру любви, а на онтологическую общность бытия». И далее: «для него (старца Силуана), пережившего воскресение души своей, стало естественным воспринимать каждого человека как вечного брата своего. В земной жизни есть известный последовательный черёд, но в вечности все мы едины, и потому каждый из нас должен заботиться не только о себе, но и об этом всеединстве».

В наше время сила *такой* совершенной любви, неведомой уму, нелицемерной, всепоглощающей, всепрощающей, не делящей людей на «своих» и «чужих», друзей и врагов, до конца смиряющей сердце, оказывается *единой* для всех истинных религий Востока и Запада. Отвергая зло внутри и вовне, всегда избирая только добро, преображая землю в Небеса и творя чудеса преображения душ, — такая любовь способна спасти погибающее человечество. Но, слыша об этой любви,

современный человек, убеждённый, что он знает всё о «высоких материях» - всё, достойное познания, - остаётся заблокирован закупорен, закрыт. Прежде всякого соприкосновения, заранее — современный человек уже заполнен доверху разжеванным умственным знанием, тщательно уложенным по полочкам ментальным багажом: он железобетонно уверен, что знает всё необходимое. Он *всё знает* — о прошлом, о настоящем и о перспективах на будущее, о Боге, о радости и о страдании. Современный человек смотрит на мир закрытыми глазами — закрытыми его лже-знанием, знанием *эго*, которое всегда окружало и наполняло его. Какие *джняна, бхакти, служение?* Он вскормлен *эго*, он воспитан на коллективной *авидье* человеческого общества.

Когда человек *заранее знает всё* — для него нет Неведомого. Обычный ум не терпит пустоты. В маленьком куцем «я» нет места для истинного Бога, оно готово лишь поучаствовать в обрядах — по возможности. Сытые пропагандой «своей» религии, секты, этно-культурной группы, — люди тратят всю свою драгоценную человеческую жизнь на пережёвывание умственной жвачки, уже прошедшей через многие другие — и часто далеко не святые — уста. Практика Веданты вынуждает ум умолкнуть и открыться Неведомом⁷. Веданта — учение единства, которое *требует* совершенства, святости от своих учеников, — учит познавать вечно новую, непредсказуемую Истину «один на один». Как у птицы, у этого учения два крыла. Знание-видение (*джняна*) и любовь-сопричастность (*бхакти*). Мудрость (*видья*) и поток сердечной устремлённости (*снеха*). Различение (*вивека*) и благодать (*анутраха, прасада*). Познание (*виджняна*) и служение (*сева*). Бесстрашие (*вайрагья*) и милосердие (*крипа*). Понимание, осознание (*саткаршана*) и творческий импульс (*бхавана*).

Эта цельность, эта всеохватность святости - являет себя *в жизни* бесчисленных подвижников Веданты, к какому бы из двух «крыльев» они ни принадлежали. В качестве иллюстрации приведём основные наставления Тукарама (1608 — 1650), святого поэта Махараштры, бедного и многодетного домохозяина, сочинявшего строфы *абханга* под аккомпанемент *вины*, которые для всей Индии стали символом одинокого, самозабвенного *бхакти* и непревзойдённого поэтического

совершенства. «Сделай Бога центром всей твоей жизни. Ступай по стезе Любви. Служи людям и замечай Бога во всём, что ты видишь. Отбрось религиозные предрассудки, ибо они могут отвлечь тебя от любви к Богу, пресечь рост этой любви в тебе. Не чти жрецов, монахов и аскетов. Ведь и собаки могут быть шафранового окраса, и медведи могут иметь всклокоченную шерсть. И крысы могут жить в пещерах, — это ещё не значит, что они заняты *садханой*. Культивируя *сиддхи* (сверхъестественные йогические силы), ты рискуешь утратить истинную *садхану*. Доверься всецело Богу. Ибо Он, подавая молоко ребёнку из груди матери и побуждая весной почки на деревьях лопаться и покрываться листвой, не оставит и тебя в нужную минуту. Более всего на свете цени возможность прославить Бога и Его святое имя. Просто пребывай в покое, повторяя Имя, — одного лишь этого достаточно, чтобы достичь совершенства». Согласно легенде, божественный летательный аппарат *виман*, описанный в Махабхарате и Рамаяне, при огромном скоплении наблюдавшего за этим событием народа, спустился с небес, и Тукарам взшёл на него, чтобы навсегда покинуть юдоль страданий и вернуться к Тому, к кому были устремлены все его помыслы. Интересно, что снятый индийской киностудией «Прабхат филм компани» в тридцатые годы фильм «Сант Тукарам» оказал такое воздействие на исполнителя главной роли (известный актёр Вишнупант Пагнис), что он по завершении съёмок — до конца жизни — продолжал ощущать себя Тукарамом.

38

Адвайта-веданта, Веданта Шанкары, обычно считается суровой, бесстрастной философией, проповедью чистого знания, созерцания и аскетизма (правда, современная нео-адвайта изъела аскетизм за ненужностью). Доказательством наличия у Шанкары «обоих крыльев», оказался, помимо его многочисленных религиозных гимнов, очень эмоциональных и поэтичных по содержанию, его малоизвестный философский трактат, называемый «Прабодхасудхакара» или «Нектарный океан пробуждения». В этом пространном произведении (257 стихов), наряду с обычным анализом взаимосвязи Я и объектов, реальности и иллюзии, сознания и непробуждённого ума, Шанкара уделяет невиданное в других его произведениях место проповеди любви к Богу, *према-бхакти* — подобно знаменитым главам Бхагавад-гиты и Бхагавата-пураны, которые стали основой движения *бхакти* в средневековой Индии. «*Бхакта* (возлюбивший Бога) начинае

воспринимать природу Бога во всех живых существах. Постепенно он начинает видеть всех живых существ в Боге. Лишь обретая это состояние (это понимание), он становится одним из подлинных служителей Бога¹ (Шанкара, «Прабодхасудхакара», 183).

Изначально в Веданте указаны два пути познания Бога. Бог - и Лицо и безличный, неописуемый, непостижимый Дух. Бог *сагуна* и *ниргуна* личное и безличное Божество, - соединяется в ведантических текстах в образе Учителя, именуемого Логос Учения (*шрутиматастарка*), сияющий светильник знания (*джнянадипена-бхасвата*). Веданта всегда ставила целью *слияние* в сердце ученика всех трёх «аспектов Бога»: Ишвара, Гуру и Атман (*ишварогуруратмети*). Предание себя Богу (*ишвараупасана*) приводила к Учителю. Служение Учителю (*гуру-бхакти*) приводило к *парабхакти*, преобразующей всё существо человека совершенной любви, благодаря которой Атман становится самоочевидным. Прежде, в древние ведические времена, Учение передавалось ученику устно - из уст святого, совершенного Учителя, принявшего Учение от своего Учителя, и так далее, — вглубь веков по восходящим ступеням *парампары* (ученической преемственности). Ныне, на финишной прямой *кали-юги*, едва ли найдётся человек, достойный именоваться Гуру. У всех людей сегодня есть лишь один святой и совершенный Учитель, Наставник, Адигуру. Это — Творец, Хранитель и Спаситель, Бог, который один есть и *сагуна*, и *ниргуна*, личное и безличное Божество. Он есть сокровенная Цель и *джняньг*, и *бхакти*.

&

Единственное богатство человека, единственное сокровище его страстной души и ума, которое Бог благословляет в человеке, которое позволяет Богу прикоснуться к человеку, — это *мумукшутва* (или *мумукшаттва*): духовный голод, ненасытная жажда Истины, неутолимое в мире множественности искание Единого. Не предписания, не сила воли, не монастырская дисциплина, но только страстное желание Истины, Бога — позволяет освободиться от остальных страстей, владеющих людьми: *камини* (сладострастие), *катана* (алчность, жажда материального успеха), *кирти* (жажда почёта и уважения). «Если, среди разнообразных событий нашей повседневной жизни, мы неспособны

сохранять устремлённость к избранной Цели или к *ишта-дэвата* (избранному Божеству), мы будем увлечены событиями и поступками. Те, в ком желание достичь Цели стало серьёзным, должны научиться отлеплять свой ум от всех форм, вкусов, запахов, прикосновений и звуков» (Свами Гокулананда). Активное взаимодействие с миром — как ни важно оно в качестве индикатора состояний сознания — должно оставаться «как оно есть», *т.е. уходить из мыслей*, как только конкретная деятельность закончена или приостановлена. Новое мгновение — новое начало, белый, ничем не заполненный лист.

Если человек заполнен *собой* до краёв, если он *всё знает наперёд*, — Истине до него никогда не достучаться. Ей никогда не прорваться сквозь упрямый материализм или упрямую религиозность. Ей не сдвинуть человеческую «праведность» или человеческое самоуничужение. Ей не одолеть эмоциональные завихрения или тупой плотоядный цинизм. Общество, совокупность всей человеческой несвободы (*баддха*), — учит человека прятать все откровения Истины в изящную шкатулку *эго*, чтобы постепенно забыть о них навсегда. Это видно и на примере многих современных «ведантистов», и на исторических примерах «адаптации» христианства и Веданты непросветлённым, глубоко эгоистичным, застрявшим на уровне страстей и ума человечеством. Социально-религиозная элита Индии на протяжении многих веков считала Веданту своей вотчиной, своей интеллектуальной собственностью. Храня «букву», традицию, атрибутику, брахманское жречество постепенно превращало огонь *джняны* в пепел схоластики. Так был создан миф об Адвайта-веданте как об элитарной философии, равнодушной к миру, к страданиям людей, к милосердию и любви. Фанатики-индуисты, подобно всем прочим фанатикам, делают не-двойственное учение основанием для своей гордыни и для превозношения над «нечистыми иноверцами», порой доходя до *ненависти* к мусульманам, христианам, буддистам. Ортодоксы индуизма отвергают преображающую, чудотворную силу Истины, которая, подобно солнцу, посылает свои лучи праведным и неправедным, философам и простолюдинам. Жрецы отвергают непостижимое, Тайну; для них Веданта — это культ санскритской учёности и ритуалы у алтаря. О них с присущим ему юмором говорил Вивекананда: «это те, кто лишь звенит в колокольчик» (*гханта-нара-дал*).

Первоначальная Веданта — это попытка дать всем людям возможность соприкосновения с Богом, это воплощение, претворение, осуществление ¹ Истины в жизни тех, кто решился пойти по этой дороге. Веданта — это не обсуждение «что», а поиск того, *как*. Освобождение, пленённое и заключённое в темницу ума, - что может быть большим абсурдом? В классифицированном, препарированном, изученном умом «откровении» нет ни взрыва сознания, ни прыжка через бездну, ни риска, ни одиночества, ни ответственности, ни искренности, ни сострадания. Учителя Веданты, чьи слова через столетия и тысячелетия доносят до нас пламя *джняны* обращались ко всему миру, к каждой душе, к каждому сердцу, способному искренне отозваться на зов. Они не устраивали элитарных курсов и не пытались жить для себя, выстроив башню из слоновой кости. Они приняли на себя ответственность и, *в буквальном смысле*, сделали свою жизнь служением всему человечеству. Примером тому были Шанкара, Рамануджа, Мадхва, Валлабхачарья, Чайтанья, Рамана Махарши, Вивекананда, Свами Рама Тиртха и множество иных, известных и неизвестных сегодня учителей Веданты. В стихе 26.2 Яджурведы прямо говорится о том, что любой человек, независимо от принадлежности какой-либо *варне* (касте) может через изучение Вед познавать Истину. Писания (*шастры*) сотворены для человека, а не человек к ним бесплатное приложение. Просветлённое Сознание отдаёт себя служению всем, а непросветлённый ум кичится перед людьми и поживает на лаврах. Великие учителя Веданты отвергают элитарную, жреческую, кастовую монополию на «чистое знание», когда служение считается позорным делом «низших каст». Всем принадлежит мудрость древних подвижников, всем принадлежит право на самопознание, всем принадлежит ответственность за всё и служение всему миру. Ни религиозная образованность, ни социальный статус, ни способности к философии не нужны для следования путём Веданты в обитель Освобождения, важны только внутренняя зрелость, сосредоточенность и твёрдость духа. «Мы заставим звучать у всех очагов, на всех рынках, на высотах холмов и равнинах барабаны Адвайты!», пишет Свами Вивекананда.

38

Басава (1131 - 1167), известный также как Басаванна или Басавешвара, был подвижником и социальным реформатором, соединившим

цвайва-бхакти и борьбу с кастовой системой, извратившей древнюю ведическую религию и вызвавшей её последующую деградацию. Придворный чиновник высокого ранга, Басава создал внекастовую и внесектантскую духовную общину «Анубхава Мантапа», объединившую духовно устремлённых и праведных мужчин и женщин, которая стала ядром революционных для того времени идей Басавы, первой демократической организацией Индии. *Вачаны* (изречения) Басавы, утверждавшие единство Бога и равенство всех людей перед Божьим милосердием, распространили это учение далеко за пределы его родной Карнатаки. Джнянадева Махарадж (1275 — 1296), *адвайта-бхакта* из соседней Махараштры, который впервые перевёл Бхагавад-гиту с санскрита на народный язык *маратхи*, автор «Джнянешвари» (знаменитого комментария на Бхагавад-гиту) и поэмы «Амританубхава», прославлявшей Святое Имя, говорил: «Мой дом — весь мир». Приняв знание из йогической традиции *натхов*, Джнянадева, известный также под именем Джнянешвар, стал основателем новой для Махараштры бхактической традиции — *варкари*, — подчёркивавшей единство Бога и религии для всех людей, требовавшей от своих последователей морально-этической чистоты, открытости ко всем и служения миру. Поэзия Джнянадевы и его сестры Муктабаи по-прежнему популярна в Махараштре. Джнянадева был также учителем знаменитого поэта-бхакта Намдева (1270 -1350). Ещё одним гуру Махараштры, который служил и Богу, и людям, был Самартха Рамадас (1608 -1682), великий *рама-бхакта*, духовный лидер индийского сопротивления мусульманским феодалам, стремившимся уничтожить религию Вед. В своей книге «Дашабодха» он объединяет *бхакти*, праведность и служение: «Следует сначала научиться жить по заповедям, посвятить себя служению ближним, и только затем обратить свои помыслы всецело к Богу. Не лентяй, но лишь труженик во имя *дхармы* (закона справедливости) обретает благодать Божию». Им вторит современник Вивекананды, Бал Гангадхар Тилак (1856 — 1920), философ Адвайты и борец за свободу Индии: «Наша ответственность в том, чтобы посадить деревья, плоды с которых будут вкушать наши дети». А бенгальский поэт *кришна-бхакти* Чандидас (XIV-XV вв.), автор Шрикришнакиртана, провозглашает: «В *этом* мире ничто не выше человека» (*шобар-упор-мануш-шотто-тахарупоре-най*).

Нараяна Гуру (1854 — 1928), подвижник и учитель Веданты из Кералы (Малабар - Малайялам), друг Махатмы Ганди, поддержавший его движение *сатъяграха*, посвятил всю свою жизнь борьбе за освобождение индуизма от уродливых извращений, накопившихся в нём за многие века: дискриминация «неприкасаемых», псевдо-религиозные суеверия и предрассудки, бессмысленная жестокость и «нечистый образ жизни» типичный для беднейшего населения Индии. Его знаменитые слова «Независимо от касты и происхождения, свободные от ненависти к иным религиям, все мы — братья. Таков идеал, о котором должен слышать каждый». Движение социальных реформ Нараяны Гуру было направлено против жертвоприношений животных, пьянства, кастовой сегрегации, лишения «неприкасаемых» элементарных человеческих прав и достоинства. Своей реформаторской деятельностью Нараяна Гуру продолжил труд своего гуру и предшественника, знаменитого йогина Кералы - Тхиккада Аййяву, известного также как Аййя Свамикал (1814—1909). После многих лет проповеди и пеших странствий по юго-западной Индии, в 1913 году Нараяна Гуру учреждает Адвайта-ашрам в Алвайе, девизом которого были взяты слова «Все люди равны в глазах Бога» (*Ом Саходарьям Сарватра*). Позже в Алвайе им была также создана Нараяна-Гурукула, школа сравнительного изучения религий Единого Бога (*Брахма Видьялайя*). Уча простоте, милосердию ко всем людям безо всяких различий и пребыванию каждого на изначально избранном духовном пути, без блужданий и переходов в «иную веру», Нараяна Гуру повторял ту молитву, которая объединяет всех истинных учителей Веданты: *сарве джанах сукхино бхаванту* («Да будут все люди блаженны»). Интересно, что, одновременно с деятельностью Нараяны Гуру в Керале, в соседней Карнатаке жил одноимённый *сиддха* (чудотворец) — Нараяна Махарадж (1885 — 1945), также много сделавший для возрождения древней религии Вед. Его учением было: «Всё воспринимайте как Бога, воспевайте имя Божие и служите Ему своей жизнью».

32

Вивекананда так пишет о современном ему индуизме, который поднимает на щит учение о недвойственности, при этом разделяя бытие на «чистое» и «нечистое», классифицируя всё и вся: «кастовая система противостоит религии Веданты, (она является) величайшим разделяющим фактором и корнем *майи*». Ум, *это*, желание присвоить себе и быть выше других, пользоваться властью и принимать

поклонение - вот та стена, которая отделяет сознание личностное от Сознания Единого, страстное, смертное «я» от блаженного, вечного Я. «Весь мир — это великая мастерская Бога. Главное колесо, приводящее в движение все остальные машины и механизмы, неизменно пребывает в движении, и все остальные колёсики и шестерёнки должны вращаться в соответствии со своим предназначением. Каждый человек служит всем остальным, он часть единой «технологической цепочки» и не должен уклоняться от смиренного пребывания частью Целого. Не следуя своему предназначению со смирением, он растрчивает свою жизнь впустую — *коптит небо и обременяет землю*» (Свами Шивананда). Древнее ведическое разделение общества на касты (*варны*) предполагало то, что каждый безупречно исполняет свою часть, своё задание (*свадхарма*) в едином, общем «домостроительстве». Брахманы (жрецы), в частности, должны быть, в первую очередь, заняты познанием Истины и передачей Истины другим людям (наставничеством), их ритуальное служение должно быть лишь следствием, претворением в жизнь их знания Истины и воссоединения с Единым.

38

Современные вожди индуизма, которые объявляют себя законными наследниками учения Веданты, хранителями санскритской премудрости, исторической традиции и текстов, очень часто не являются истинными мудрецами, претворившими недвойственность в собственной жизни и общественной деятельности. Как правило, это лишь фарисеи, законники и книжники, чья эволюционная роль ничтожна или отрицательна, проповедники кастового общества, сторонники превозношения одних людей над другими, выразители личной и коллективной гордыни «касты избранных». «Всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают». Ортодоксы индуизма (как и древние ортодоксы иудаизма, о которых говорил Христос), *используют* откровения Веданты и, как попугаи, повторяют Упанишады и Пураны, цитируя трактаты Бадараяны, Гаудапады, Шанкары, Рамануджи и Мадхвы. Они шлифуют свою книжную учёность не для того, чтобы воссоединить раздробленное в Едином, но чтобы противопоставить себя, «посвящённых», «чистых», всем прочим, «нечистым», недостойным и погружённым в неведение. Человеческий ум всегда проповедует *не* смирение, но самопревозношение и презрение к «низшим». Индуизм как идеология — ради своей эгоистической выгоды

— поддерживает злодеяния и жестокость авторитетом Веданты. Об этой жреческой Веданте Вивекананда пишет: «Это дьявольское проявление старинного варварства».

32

Всякое *откровение* Веданты, от Бхагавад-гиты и Шанкары до Чайтаньи и Рамакришны, незапятнанное схоластикой и догмами, не прошедшее через сито обыденного ума, неизменно утверждает *равенство* всех душ перед Истиной и равную достижимость Бога — всегда и повсюду, — для каждого искренне устремлённого к Нему. Все равны, ибо все одинаковы, ибо всё едино в своей тождественности Единому. Единое Я, Атман — всегда здесь, всегда сейчас, вокруг, рядом и в самом сердце ищущего, будь он брахман или неприкасаемый, эллин или иудей, академик или разнорабочий. Адвайта-веданта — как практика — учит человека опорожнить себя от всего и вся, оставив внутри лишь свободное место — нищету духа: лишь внимание, восприимчивость, открытость, уязвимость, готовность к пониманию. Она учит идти за пределы ума, за пределы «буквенного» знания, туда, где не властвуют эмоции, идеи, концепции, выгода и личные предпочтения. Истинная Адвайта-веданта, учение Свободы — приводит сознание к Невидимому, непостижимому для ума. Здесь окончательное познание равносильно прыжку в бесконечность. Это знание имеет силу любви, это знание готово расточать себя в служении.

В своей книге «На пути к Свободе. Путешествие в Индию» (том 1, стр. 212-218) Свами Параматмананда вспоминает о встречах с Нисаргадатгой Махараджем (1897 - 1981), широко известным бомбейским учителем Недвойственности, преемником Сиддхарамешвара из сампрадаи Навнатх (традиция «девяти натхов»), всегда делавшим особый акцент на реальности *только Единого*. Нисаргадатта считается одним из самых ярких выразителей *атмаджняны*, — идеальным для пытливого европейского ума XX-XXI вв. Мастер духовной беседы, он неизменно настаивал на том, что существующее не умирает, а умирающее не существует, что Истина — в исчезновении чувства «я», в бессмысленности и отсутствии каких-либо различий, действий, усилий там, где речь идёт о не-двойственном пути. Параматмананда прибыл к Нисаргадатте вместе с американкой,

назвавшей себя Ананда, которая гордо провозглашала, что она лишь устремляет свой ум к Единому, отбросив все двойственные «дисциплины, правила и предписания». «Зачем нужна религия и поклонение?», — восклицает она, — «Это всё для слабых духом! Нужно лишь держаться за мысль «Я есть То», и, рано или поздно, вся полнота Истины будет познана».

3*

Услышав об этой её духовной практике, Нисаргататта иронично переспрашивает свою собеседницу: «Так ли это?». Далее Нисаргататта говорит ей: «Вы слышали о Мирабаи? Эта святая - одна из величайших женщин, родившихся в Индии. С детских лет она ощущала, что Кришна — её вечный возлюбленный, она проводила дни и ночи в поклонении и песнопении Кришне. Однажды она увидела Кришну в видении, и её сознание раскрылось в совершенном единении с Богом. Её поэзия и песни отражают сияние и славу её Богопознания. В конце своей жизни она вошла в храм Кришны и навсегда исчезла в алтаре храма. Вам следует идти тем же путём, что достичь совершенства».

32

Затем, видя растерянность своей собеседницы, Нисаргататта добавляет: «То, что я говорил о Веданте, — не для Вас. Книга моих бесед («Я есть То») — это *не* последнее слово моих наставлений. Я лишь отвечал на вопросы конкретных людей. Мои ответы - для них и ни для кого иного. Врач не может всем прописывать одно и то же лекарство. Сегодня люди убеждены в силе своего интеллекта. Они *не верят* древним практикам самопознания, но ждут, что результат им кто-то доставит на серебряном блюде. Путь знания кажется им осмысленным, и они готовы его попробовать. Однако им предстоит убедиться в том, что этот путь требует такой концентрации, о которой они не могут даже помыслить, и, получив урок смирения, они перейдут к более лёгким практикам, например, к мантрам или к поклонению. Так они смогут развить в себе чувство бесконечно превосходящего их Высшего и оживить в своём сердце устремление к Нему. Лишь после этого — им станет доступна необходимая степень чистоты ума и концентрации».

3*

Идущий путём *бхакти* находит в самоотверженности любви — спонтанную (*нисарга*) мудрость непрерывного откровения: взглянул - увидел очевидное — выразил это понимание словами и поступками собственной жизни. Идущий путём знания (*джняни*) обретает в подлинном знании, освободившемся от чванливой самоуверенности, от чувства превосходства над другими людьми, — сладкий нектар любви и горький нектар сострадания. Взирая на всё многообразие знаний как на одно непротиворечивое Единство, *джняни* открывает в себе способность *знать всё, ничего не зная*, он готов отказаться от своей учёности ради служения людям. *Бхакти* - это путь к *джняне*, *джняна* - это путь к *бхакти*. Всегда это путь из скорлупы *эго*, от машины-личности — и внутрь, и наружу, к живой трепетности Сознания, для которого естественно (*нисарга*) ощущение всеобщего единства, первичной невинности, неосквернённости *всего*, ибо это — само его естество (*атма-сварупа*).

38

Конкретное знание и, в частности, исследование истории и философии Веданты — удел учёных-востоковедов. Ум рационализирует, перечисляет, нумерует реальность, подчёркивает отличия и противопоставления. *Для ученика* Веданты — это учение не является совокупностью различных, противоречивых доктрин. Это — единый путь, соединяющий в себе одну многогранную Истину, познаваемую на опыте и освещающую сегодняшний опыт светом накопленной мудрости древних провидцев. Оставление себя — вот та практика, в которой *осуществляется* весь философский Эверест Веданты, к которой несут птицу-душу два её крыла: мудрость и бескорыстное служение, понимание и сострадание, бесстрашие и милосердие, знание и любовь. Когда вместо самодовольного «я» остаётся лишь искорка света, безликий служитель Любви и Истины, раб рабов Единого Господина, никто, немой и безымянный ноль, - *сознание будет исполнено сиянием той Тайны*, которая навсегда останется Тайной.

ЭВОЛЮЦИЯ И ПУТЬ НЕДВОЙСТВЕННОСТИ

Суть всякого истинного духовного учения, будь то философия, богословие или практическая методика, будь то учение словесное или несловесное, будь то внешние, обрядовые формы или невыразимое постижение сущности под покровом обыденности, — может быть сведена к одному единственному слову: *прозрение, интуитивное понимание*. Знание, направленное на что-то, само по себе — лишь отражение, описание. Оно разнородно, разрозненно по предметам (*дхармабхута-джняна*). Выше знания с «примысливанием» (*савикальпа-джняна*) и без «примысливания» (*нирвикальпа-джняна*) стоит *понимание*. Традиционная Адвайтаведанта лишена всякой вещественной, эмоциональной, образной и психофизической атрибутики и целиком, от первой до последней буквы, посвящена одному лишь *пониманию* (непосредственному восприятию, распознаванию, узнаванию, видению Истины): традиция разнообразно именуется это (как состояние и как динамический процесс) — *джняна, брахма-видья, праджня, бодха, пратъябхиджня, прабибха, апарокша-акубхути...*

Зо

Всякая беседа об Истине (*витаңда*), всякое чтение, размышление, исследование и весь внутренний опыт объединяются одной целью - *пониманием*. Понимание может утвердиться во всеединстве Абсолюта (*парамартхика*), где есть лишь Один без иного, но может, оставаясь столь же истинным, открывать нам нечто о «земном», противоречивом, относительном уровне бытия (*вьявахарика*), — и достижение этого «второго» понимания особенно важно для людей двадцать первого века, современных людей, более чем когда-либо связанных и с ног до головы опутанных (*баддха*) «пониманием» совсем уж профанной, обыденной и вместе с тем необычайно сложной, «видимой» реальности (*пратибхасика*). Три уровня понимания — *парамартхика, вьявахарика, пратибхасика* - можно, прибегнув к восточной цветистости речи, уподобить обращённости разума соответственно к небесам, к земле и к преисподней. Утверждая превосходство небесного, абсолютного, недвойственного понимания *парамартхика*, традиционная Адвайтаведанта не позволяет ученику пренебрегать и *вьявахарика*, сознавая, что мы по-прежнему — здесь, в мире Двайты.

Все священные тексты ведической традиции и всякое толкование-наставление Веданта делит на две группы: *парамартхика* и *вьявахарика*. Тексты *вьявахарика* наделены глубоким символическим смыслом, но в то же время являются средствами, костылями, необходимыми до того, как совершенное исцеление от земной слепоты и увечности позволит действовать совершенно, пребывая на уровне *парамартхика*. Развивая своё понимание *вьявахарика* и не впадая в философское чванство, человек обретает способность не совершать ошибок (*вибхрама-вивека*), избегает прельщения и самообмана на нашем пути, не впадает в примитивное упрощение. Уровень *вьявахарика*, превосходя профанность и соответствуя уровню познания современной науки, открывает человеку много важных истин о людях, жителях Земли (*пракрита-джанах*), и о мире (*джагат*). Упанишады и Веданта говорят о едином, скованном одной цепью и целью (*пурушартха*) человечестве, о том, что есть величайшая Цель (*парамартха*), Благо для всех (*нихшрейяса*) и всеобщие Законы (*рита*) пути человека в этом мире и эволюции всего бытия. Учение об эволюции (*паринама-вада* — учение о «развёртывании») составляет суть того, на что Веданта обращает внимание в связи с осязаемым, явленным бытием (уровень *вьявахарика*).

Если радикальная Адвайта проповедует полный отказ от изменчивой природы бытия и игнорирует всю сферу *вьявахарика*, отказывая ей в какой-либо истинности, тем самым отвергая и всю человеческую цивилизацию, все тысячелетия познания и развития науки, религии, культуры и самого сознания, - то классическая Веданта, *санатана-дхарма*, находит место и необъятному наследию прошлого, и спонтанному переживанию Абсолюта «прямо сейчас». С точки зрения великих философов и реформаторов древности, таких как Шанкара, Рамануджа, Мадхва, Познавший Истину не нуждается в «умерщвлению» ума (*манас*), его ум должен из врага стать слугой и другом, прозрачным облачением Души. Ум для Веданты — это одежда истинного Я, в которой оно может явить себя в мире *вьявахары*, чтобы водворить в нём свет *Парамартхи*. Классическая Веданта, как, кстати, и классическая наука, считает ум, разум и аналитические способности — великим даром человека, тем драгоценным прометеевым огнём, который осветил путь из животного

царства в человеческую цивилизацию, привёл к появлению гуманизма, терпимости, ненасильственного сосуществования людей ради взаимопомощи на их общем пути к единой, не-двойственной Истине.

38

Ум, по выражению Бхагавад-гиты, может добрым другом и помощником на духовном пути. К нему необязательно относиться как к аденоидам, считая, что тем раньше он отрезан (умерщвлён), тем лучше, - таков один из постулатов нео-адвайты. Умственно кастрированный искатель Истины не сможет стать идеальным служителем Бога, ибо Бог реализует, претворяет Единство во множественном и противоречивом мире сегодняшнего человеческого сознания. Просветлённый ум позволяет неискажённо выражать абсолютную Истину на языке, понятном обычному человеку, одновременно помогая и самому Просветлённому проходить свой путь среди людей безупречно. Чтобы сегодня выразить Истину и сделать её доступной другому человеку, необходимо не только Откровение Истины, но и совершенство ума, претворяющего Истину о Боге и Его творении в мыслеформы человеческого мышления и человеческого языка. Ибо творение и его законы подобны не камню (с надписью «направо пойдёшь...»), но бесконечной реке, реке в океане. Бог-творец (*Ии/вара*), Владыка (*Пуруша*) творит непрерывно (*парадхина-вшиешапти*). Мир не создан как бессмысленное нагромождение вещей, но подобен совершенному в своей полноте (*пурна*), но, вместе с тем, живому, непрерывно растущему, раскрывающемуся (*паринама*) дереву, поражающему своей целеустремлённостью, красотой и соразмерностью (*саманвайя*). Лишь совершенный ум способен отразить в словах эту сложную простоту, эту явленную в каждом мгновении человеческой жизни Тайну.

38

Сознание нашей цивилизации в целом, — непрерывной нитью проброшенное людям двадцать первого века от иерархичности древних общин, где иной человек всегда либо страшен, либо ничтожен, где каждый попирает другого,—это сознание на протяжении веков возрастает, развивается дальше, меняется. Прежнее построение человеческого общества по принципу «выше-ниже» сменилось сегодня многозначной, многовекторной взаимозависимостью. Обязательное участие в

едином организме коллектива сменилось свободой необязательности и наличием выбора. Человек, незаметно для себя, эволюционирует — уже не как биологический организм, но как сознание. Эволюция — рождение новых форм в результате развития и взаимовлияния существующих — может действовать и среди неживой, и среди живой природы, и среди различных групп людей, и *в отношении сознания как такового*. Из бесконечного множества «выборов» закрепляется и служит отправной точкой для дальнейшего движения тот, что соответствует переходу от бесчувственной косности к некоторой открытости добру, от заблуждения к некоторому пониманию, от вражды к некоторому взаимодействию. За всем этим стоит неизменное, изначальное Добро, Бог. Он - Альфа и Омега, исходная и конечная точка, Хранитель той тайны, которая скрыта за изменчивым миром явлений.

3*

На нынешнем этапе развития, человек — уже не только «венец» эволюции биологической и социальной, он стоит на гребне волны эволюции сознания, отчаянно нащупывая то, за что перед лицом неминуемых испытаний и катастроф он сможет ухватиться. Крошечный отряд первопроходцев должен срочно отыскать те острова в океане — острова неколебимой Истины, - которые уцелеют, когда великая волна обрушится на всех нас. Истина является той нитью, которая соединяет сознание в прошлом, настоящем и вневременном. Эта нить связывает всю ведантическую картину мира воедино. Для всё большего числа людей становится очевидным, что спасение — не в вещах, не в техническом прогрессе, не во власти над природой или людьми. Спасение также — не в *людях*, которые пытаются вести за собой других, не в общинах и не в монастырях, не там, где можно спрятаться от реальности. История многократно доказывала это. Спасение таится в области незыблемых Истин, не новооткрытых, но древних, проверенных на прочность жерновами истории.

32

Спасение не зависит от места и времени, оно — в возмужании души, во внутренней готовности отринуть внешнее и обратиться внутрь, чтобы обрести ясность относительно самых фундаментальных вопросов бытия. Спасение - это решимость встретиться лицом к

лицу с Неведомым и оказаться достойным этой встречи. Нечистота, злодеяния, колебания, двоедушие, эгоизм — преграждают путь к спасению задолго до того, как будут нащупаны первые ступени той *лестницы*, которая ведёт в покои Божии. Освобождение или Спасение всего человечества зависит от Освобождения или Спасения одного человека — такова весть, с которой Веданта обращается к людям сегодня. *Эволюционная лестница* ведёт человека от неистинного (*асат*) к Истинному (*сат*), от бессознательного *эго* к единому Сознанию. Единое Сознание есть одновременно самое сокровенное (*Атман*) и Всеобщее (*Брахман*). Иллюзия личности и эгоистическая направленность ко злу (разделение, вычленение, присвоение себе) являются преградой между сознанием индивидуальным и Всеобщим. Каждый человек способен помочь спасению мира — на том этапе эволюции, когда всё человечество должно осознать преграду *эго* и попытаться преодолеть её.

32

Дух Божий неизменен. Но Дух как единое, всечеловеческое духовное начало, венец творения Божия, стремится явить — сквозь грязь и уродство ума — пока ещё едва заметные черты богоподобного Совершенства. Дух нисходит и пробуждает некую силу внутри человека, в муках *взрывая* изнутри и *освобождая* ум от наиболее низменных его проявлений, *пробиваясь* сквозь ветхую привязанность к форме и кокону, всё более *преображая* и *воссоединяя* изначально раздробленное сознание в единой, неопишуемой Истине. Сегодня нам может казаться и заумным, и наивным то, как воспринималось человеческим умом это постепенное откровение Духа, как наиболее открытые к Истине люди пытались объяснить своим современникам то, сегодня наука называет *эволюцией сознания*. Такие разные мистики, мыслители и философы как Иоахим Флорский и Бонавентура, Май стер Экхарт и Якоб Бёме, Георг Гегель и Фридрих Шеллинг, Владимир Соловьёв и Николай Фёдоров, *Сергий Булгаков* и Павел Флоренский, Ралф Уолдо Эмерсон и Уильям Джеймс, Анри Бергсон и Алфред Норт Уайтхед, Джоэл С. Голдсмит и Уильям Сэмюэл, Ауробиндо и Мира Ришар (Мать), Пьер Тейяр де Шарден и его единомышленники (Анри Брейль, Эдуард Леруа, В. И. Вернадский и русские космисты, Беатрис Брюто и др.) последовательно, шаг за шагом раскрывали идею *эволюции сознания* единой, всечеловеческой цивилизации. Научная европейская мысль, на протяжении полутора тысяч лет развиваясь и расширяя свой «кругозор», вбирая в себя

и интегрируя всё больше аспектов познания, *эволюционировала к осознанию Эволюции* и освободилась, наконец, от своей позитивистской ограниченности — благодаря знакомству и взаимопроникновению с медитативной традицией Веданты и другими древними учениями Востока. Опираясь на фундамент эллинской философии и ранней церковной схоластики, начиная с трудов Дионисия Ареопагита и Иоанна Эриугены, европейская мысль упорно искала и, по мере формирования науки как таковой, познавала мистическую сущность развивающегося мира материи и осязаемое действие в этом мире трансцендентного Бога. Небо и Земля оказались едины в одной, явной и непостижимой, неизменной и эволюционирующей Реальности.

3*

То новое, что было узнано и высказано каждым из упомянутых выше «первопроходцев»,—стало, в своей стране и для своего времени, духовной революцией, не новым откровением, но новым *пониманием смысла* той философии, той религии, той духовности, которая существовала до них. Эти «эволюционеры» ломали скорлупу, открывали неведомое там, где до них всем было всё понятно, совершали прорыв из поросшего мхом, загнивающего вчера — в новое, живое, дикорастущее сегодня. Каждый из них, страницами своих книг или словом проповеди, разрушал в умах людей ту стену, которая всегда разделяла «запад» и «восток», становление и созерцание, движение и неизменность, страдание мира и Божественное совершенство. Именно они, носители опыта безвременного во времени, а не Чарльз Дарвин с Альфредом Уоллесом, сформировали идею той эволюции, которая меняет не только тела животных, но и *сознание людей*. Все они, каждый по своему, приоткрывали тайну той Силы, которая даёт рост дереву мира, но пребывает целиком за пределами мира форм и движений. Это новое понимание стало возможным только в двадцатом веке благодаря *взаимопроникновению* наиболее смелых идей западной науки и древних откровений Веданты. Современные исследователи человека и мыслители, привнесшие Дух в академическую науку, стояли «одной ногой на Западе, а другой — на Востоке»: Мирча Элиаде, Эрнст Фридрих Шумахер, Олдэс Леонард Хаксли, Джон Вудрофф (Артур Авалон), Рене Генон, Фритьоф Шуон, Ананда и Рама Кумарасвами, Титус Буркхардт, Лео Шайя, Уитолл Перри, Хьюстон Смит, Сейед Хоссейн Наср. Последователями знаменитой «Школы Традиционалистов» Генона и Шуона сегодня являются, в частности, такие исследователи Веданты,

как Элиот Дойч, Рохит Далви, Арвинд Шарма, продолжатели линии «одухотворённой ведантологии», которая интегрирует, включает в свой кругозор бескрайние горизонты современной науки, противостоя однобокости псевдо-эзотерической, «кухонной» профанации Веданты, а также старого, академически дистанцированного востоковедения. На более широком поле духовного поиска ту же работу взяли на себя, например, Алан Уотс, Гэри Зукав, Дэвид Фроли, Свами Аджайя, Георг Фойерштайн и Кен Уилбер.

38

Классическая европейская наука, слепоглухонемая по отношению к мистическим откровениям «запада» и «востока», с презрением отвергшая опыт познания Истины христианских святых, отрицающая всякую связь между законами мироздания и этикой, исчерпала свой эволюционный потенциал к началу двадцатого века. Последний глашатай (и яростный критик) её материалистической одномерности — Артур Шопенгауер, саркастичный дилетант и мрачный пророк грядущего крушения самонадеянной европейской Разумности, стал первым в Европе убеждённым ведантистом. Перевернув все постулаты тогдашней философской политкорректности, поставив жирный знак вопроса после всего, что казалось в девятнадцатом веке само собой разумеющимся, вновь соединив учение об Истине с такими понятиями как самоотвержение и бескорыстие, он первым перекинул мост между европейским «познанием мира» и ведантическим «познанием Истины», а точнее «бытием Истины». «Природа идёт, беспрерывно повышаясь от механической и химической деятельности неорганического царства до растительного с его глухим самонаслаждением, затем до царства животного, с которым появляется умственность и сознание. От слабых зачатков она поднимается всё выше, и, наконец, последним и самым широким шагом восходит до человека, в интеллекте которого природа достигает вершины интеллекта — полноты умственности». Так словами Шопенгауера европейское научное сознание определяет *эволюцию сознания* вплоть до той точки, где оно утыкается в свою собственную ограниченность: абсолютизация непросветлённого, непробуждённого человеческого разума, неведение того Сознания, которое сокрыто *по ту сторону* Просветления. Одновременно с этим прозрением прозвучало также *исторически* безупречно верное

мрачное предсказание Фридриха Ницше: «Грядёт время, когда будут вести борьбу за господство над землёй, — её будут вести во имя фундаментальных философских учений».

32

Двадцатый век стал переломным для европейской цивилизации. Наряду с психологией (Фрейд, Юнг и их последователи) и философией, такие науки как физика и астрономия нащупали безграничное и непредсказуемое Неведомое за картонными декорациями видимого, осязаемого, понятного мира. В 1919 году Альберт Эйнштейн совершил свою (бескровную) революцию книгой «Общая теория относительности», которая опрокидывала застывший материалистический взгляд на бытие, безраздельно господствовавший в научном мире Европы. К 1926 году Эрвин Шрёдингер и Вернер Хайзенберг (Гейзенберг), под влиянием ставших широко известными к тому времени в Европе идей Веданты, пришли к созданию квантовой теории. «В непрерывном, взаимозависимом и всеохватывающем мире волновой (квантовой) механики проявилось единство и непрерывность мировоззрения Веданты», — пишет биограф Шрёдингера Уолтер Мур. В 1927 году, на основе общей теории относительности Эйнштейна, Жорж Леметр высказал предположение, что Вселенная расширяется. Изначально спрессованная в крохотный сгусток энергии, Вселенная была «рождена», согласно теории Леметра, в результате Большого взрыва. Это вводило идею Творения в поле изучения европейской науки. В конце двадцатого века Роджер Пенроуз и Стивен Хоукинс, развивая теорию Большого взрыва, пришли к выводу, что наука может говорить о моменте возникновения Вселенной, прежде которого пространство и время не существовали. С теорией постоянного расширения Вселенной в настоящее время соперничает теория колебаний, согласно которой Вселенная попеременно (циклично) расширяется и сжимается. При сжатии Вселенной в точку — галактики будут настолько спрессованы друг с другом, что новый взрыв приведёт к возобновлению процесса. Космогония упанишад и пуран с удивительной точностью соответствует результатам, полученным учёными. Современной науке пора сделать своим международным языком санскрит (вместо средневековой латыни) и начинать пользоваться первоисточниками, чтобы удобнее было готовиться к новым проектам исследований.

В научном мире то здесь, то там вспыхивают огни того *взаимопроникновения*, о котором шла речь выше. Отметая раскрученные рекламой псевдо-академические опусы, вызывающие смех (и слёзы) у серьёзных учёных, отметим лишь несколько имён, чей научный авторитет общепризнан, но революционный эффект их работ, переходящий на все мировоззренческие аспекты человеческого опыта, превосходит многие идеи фантастов двадцатого века. Приводимые здесь примеры затрагивают метафизические, вне-материальные открытия и догадки современной науки, но, будучи взяты произвольно, они дают лишь самое фрагментарное представление о столь обширной теме, непредвзятое исследование которой ещё только зарождается. Имена и открытия этих учёных могут, среди множества других, быть названы одним из аспектов Веданты два л пять первого века. Илья Пригожин — физик и химик, Нобелевский лауреат, известный своими работами по термодинамике необратимых процессов и химических колебательных систем, исследователь диссипативных структур и самоорганизации неустойчивых динамических систем, родоначальник нового понимания законов эволюционной самотрансформации бытия, отрицающего однобокость и *материализм* теорий «слепых случайностей» и детерминизма. Взгляд на мир, математически и экспериментально обоснованный Пригожиным, означает непредсказуемость, нестабильность этого мира в каждый момент «необратимого и нелинейного процесса» и абсолютный приоритет выбора, сознательного нового шага, на который способна система в любой из «точек роста», «точек неопределённости». Это *приоритет волевого акта* (не в антропоморфном, но в космическом смысле), - вспомним описанный в предыдущих главах «диспут» между отрицающей волю неодавайтой и волеутверждающей классической Ведантой.

32

Дэвид Бом — ведущий физик второй половины двадцатого века, наследник Эйнштейна и Шрёдингера, немало сделавший для «дематериализации» пространства, времени и причинности (квантовая физика и теория относительности), занимавшийся также исследованием сознания и популяризацией ведантического взгляда на сознание (его беседы с Кришнамурти, многочисленные устные лекции) — поиск единства бытия по ту сторону множественности объектов и

их мыслеобразов. Исследуя элементарные частицы, Бом приходит к выводу, что «волновая функция, проявляющаяся через форму, более похожа на жизнь и сознание...электрон наделён качеством, подобным сознанию» («Неразделённая Вселенная»). «Наше будущее зависит от того, готовы ли мы ощутить себя частью Единого», — пишет Бом, касаясь социально-этических перспектив человечества и ноосферы. В предложенной Дэвидом Бомом модели реальности каждая частица содержит в себе полноту Целого — научная интерпретация первых стихов Иша-упанишады.

38

Физик Амит Госвами — в значительной мере продолжатель и наследник недавно ушедших от нас Дэвида Бома и Ильи Пригожина — экспериментально и математически развивает квантовое миропонимание, где всё бытие *оказывается нематериальным*. Амит Госвами демонстрирует недействительность законов механики материального мира, времени и причинности в их классическом понимании — как на уровне элементарных частиц, так и в явлениях макромира. Он объявляет всё сущее бесконечным набором возможностей, вероятностей, актуализирующихся только *в сознании Я*. Вселенная Амита Госвами имеет сходство с самосознающим живым организмом, она «растёт», она осмысленна, она имеет Цель, и этот смысл и Цель являются смыслом и Целью человечества. Работа Амита Госвами была названа в 2000 году «научным доказательством Бога». В своих научных публикациях Амит Госвами всегда делает акцент на потрясающих совпадениях своих выводов и экспериментальных результатов с древними постулатами Веданты, обретающими теперь очевидный смысл для всего дальнейшего развития мировой науки. Принятие или отрицание его революционных выводов, — в будущем этот вопрос предстоит решить «научному мейнстриму», который справедливо проявляет величайшую осторожность при соприкосновении науки с Богопознанием: не следует древние мифы менять на новомодные, не следует, однако, уклоняться и от познания неведомых сегодня, но подлинных истин.

38

В области биологии можно назвать имя Руперта Шелдрейка, чьи идеи пока не получили той известности, которой заслуживают. Шелдрейк

исследует высшие, сверхчеловеческие проявления Единого Сознания, в устремлении к которому эволюция выводит *формы* из «биоматерии» в более высокие, «ангельские» уровни многомерного бытия. Идея целенаправленной эволюции, осмысленного совершенствования и постоянной необходимости «выхода за пределы» пронизывает его книгу «Семь экспериментов, которые могут изменить мир», где фундаментальные законы и константы современной науки испытываются на то, насколько они действительно неизменны. Теория морфического резонанса (морфических полей), представленная в более поздних книгах Шелдрейка («Чувство, что на тебя смотрят» и др.), суммирует экспериментальные данные о «нематериальных» аспектах животного и человеческого сознания, которые до недавнего времени оставались за гранью научного исследования. Крупный британский учёный и преподаватель Кембриджа, Руперт Шелдрейк провёл более десяти лет в Индии, посвятив себя целиком изучению и *садхане* Веданты, приняв многие обрядовые практики индуизма (*пуджи*, паломничества, почитание коров и т.д.). В Индии Шелдрейк провёл около полутора лет в ашраме Беде Гриффитса (Шантиванам), уникальном межрелигиозном духовном центре, где органично соединены богослужение и духовная практика индуизма (Веданта) и католичества (орден Бенедиктинцев). Вернувшись затем к научной работе в западных университетах, Шелдрейк соединил в своей личной жизни активное служение науке и смиренное следование *садхане* Веданты.

32

В продолжение этой темы можно было бы подробно рассмотреть концептуальную работу Фритьофа Капра («Дао физики»), работы Н.А. Козырева о физических свойствах времени на основе данных астрономии, эксперименты Дэна Дэвидсона и его коллег по эфиродинамике. Оговорюсь, что не знаю, насколько их научная ценность общепризнанна и что говорит по этому поводу «Комиссия РАН по борьбе с лженаукой». В любом случае, сегодняшние гипотезы *могут* завтра «стать» очевидными истинами. Так развитием теоретических исследований Альберта Эйнштейна и Андрея Сахарова стали эксперименты и гипотезы астрофизиков Бернарда Хейша, Альфонсо Руэды и Х.Э. Путхоффа, приоткрывающие ключевую тайну материи, которая в своей сущности — в соответствии с учением Веданты — может оказаться *нематериальной*, не обладающей неотъемлемыми

характеристиками *массы*. Свойства инерции и гравитации признаются тогда лишь частным случаем взаимодействия полей света, называемых также энергией вакуума или полем нулевой точки. Масса и инерция являются, согласно гипотезе Хейша, *электромагнитными* явлениями, и весь материальный мир, как утверждал и Шанкара более тысячи лет тому назад, оказывается лишь маской, «иллюзорным наложением», за которым скрывается энергия, свет, сознание, Дух. Это открывает гипотетическую возможность безгравитационного движения в пространстве, т.е. позволяет достичь неограниченной скорости перемещения. «По мере того, как наука *интегрирует* всё то знание об окружающем мире, которое было накоплено за последние три столетия, научное исследование превращается в новый, непривязанный к вещественному миру канал познания, где признаётся реальность Сознания как творческой силы бытия, реальность того Духа, который скрыт в сознании человека» (Бернард Хейш, «Теория Бога»).

38

В конце двадцатого века произошло неслыханное для европейской науки и естественное для древней Индии объединение. Наука и духовный опыт *сошлись воедино* — в констатации факта и начале исследования сегодняшней эволюционной фазы многомерно развивающегося бытия: *эволюции сознания*. Среди десятков нынешних исследователей и теоретиков этого нового мирозерцания, чьи выводы часто *противоречивы и небесспорны*, наиболее яркими являются Патриция Норелли-Башле (последовательница Ауробиндо и Матери), Вимала Тхакар (наследница Джидду Кришнамурти), Томас Берри, Брайан Свимм, Джон Стюарт, Дуэйн Элджин, Пол Рей, Барбара Маркс Хаббард, Л. Роберт Кек, Майкл Дауд, Элизабет Сатурис, Эрвин Ласло, Роберт Райт, Джеймс Н. Гарднер, всё тот же Кен Уилбер и Эндрю Коэн. (Из всего этого длинного списка, работа Эндрю Коэна дала автору тот особый импульс, который послужил к написанию данной книги.) Эти и многие другие современные учёные, проповедники и визионеры, провозвестники нарождающегося общего самосознания человеческой цивилизации, делают предметом научного осмысления то, что на Западе всегда было вотчиной схоластики, суеверного оккультизма и «эзотерики». Они соединяют прежде несоединимое: богопознание, познание «мира невидимого», самопознание, философию, психологию и социологию, физику, астрономию и пост-дарвиновскую биологию,

экологию и экономику. Каждое из этих направлений познания выявляет непрерывное движение вперёд, *концентрический рост*, преодолевающий старые формы и ограничения.

Этот *выход за пределы* (трансценденция) охватывает всю совокупность законов бытия и означает необходимость цивилизационного перехода с технократического на *этический, сознательный и апокалипсический* этап — этап «большого прыжка» эволюции человечества. Согласно теории бифуркационных процессов И. Пригожина, «открытые системы могут скачкообразно переходить в качественно иное состояние, меняя траекторию своего становления». «Источником порядка является неравновесность. Неравновесность есть то, что порождает порядок из хаоса. Мы отходим от замкнутой Вселенной, в которой все задано (упорядочено), к новой Вселенной, открытой флуктуации, способной рождать новое. Эволюционная модель должна содержать необратимость события и возможность для некоторых событий стать отправным пунктом нового самосогласованного порядка. В *точке бифуркации* поведение одной частицы может сильно изменить конфигурацию системы на макроскопическом уровне. Творческая личность, а не безликие восставшие массы будет всё сильнее влиять на исторические события на новом этапе эволюции общества» (Илья Пригожин).

«Разум возник в результате эволюции животного мира в направлении цефализации и психогенеза. С появлением человека началось очеловечивание природы, когда в живом веществе инстинкт впервые увидел себя в собственном зеркале. Психогенез привел нас к человеку. Теперь психогенез ступенькается, он сменяется и поглощается более высокой функцией — сначала зарождением, затем последующим развитием Духа — ноогенезом. С появлением человека начинается качественно новый этап развития биосферы — ее самопознание и перестройка в результате сознательной деятельности. Мы еще не имеем никакого понятия о возможной величине ноосферной мощности: это резонанс человеческих колебаний в миллионы раз, целый покров сознания, одновременно давящий на будущность, коллективный и суммированный продукт миллионов лет мышления» (Пьер Тейяр

де Шарден). «Мы изменили свое окружение так радикально, что теперь должны изменять себя, чтобы жить в этом новом окружении» (Норберт Винер). Истинное преображение себя, спасительное для всего человечества, достигается практикой Веданты, т.е. пребыванием в Я, которое равноценно пребыванию в Боге и заключает в себе сокровенный смысл как научного познания мира, так и религиозного познания пути к Богу. «Познать себя и уразуметь Бога — один труд» (Григорий Сковорода).

32

Новая, переворачивающая все прежние представления, *перспектива* всякий раз открывается человеку как завершённое в самом себе, всеохватывающее, безусловное целое, *включающее в себя* старые мировоззрения как частные случаи, ограниченные определёнными условиями. Концентрично превосшедшее их новое миропонимание, воспринятое как откровение и революция, неизбежно таит в себе, однако, какую-то неведомую нам ныне запредельность, которая в будущем, возможно, будет такова, что сегодняшние горизонты покажутся человеку по-детски наивными, игрушечными. То, что, будучи явлено человеку, представляется ему чуть ли не Богом, на будущем этапе эволюции сознания, после очередного прыжка в неизвестность, должно быть в мучительной борьбе преодолено, чтобы в новой трансценденции, в новом откровении узреть неизмеримо более ясный образ Его, — а затем вновь начать движение за пределы познанного. Вспомним, как Иаков, «боровшийся» с Богом (или Ангелом?), услышал от Него вопрос: «Зачем ты спрашиваешь об имени Моем?» (Кн. Бытия, 32, 24-30). Европейская наука и религиозное, аскетическое богомыслие, познание Бога через творение и познание всего сущего в Боге — вышли из одних и тех же монашеских келий. После многих веков противостояния, взаимного отрицания или снисходительного покровительства, наука и богословие вновь осознают неизбежность встречи, ибо теперь им очевиден общий предмет исследования. Наука подошла к границам материального мира и уже прикоснулась к законам невещественного бытия. Наука на границе Земли и Неба становится богословием, а богословие, освящённое подвижничеством, выходит из кельи, из буквализма и схоластических словопрений — на просторы объективного познания сфер человеческих и ангельских, тьмы и света, души и Духа.

«Скудное знание о высшем драгоценнее, чем несомненное знание о низших вещах» (Фома Аквинский). Данные современной науки и медитативно-аскетические прозрения боговидцев Веданты и христианства *впервые*, после их размежевания в раннем средневековье, обнаруживают точки соприкосновения. Они отражают одну и ту же реальность — *тайну* непрерывного исторического и метафизического Откровения, за раздробленностью открывающего единство, *непостижимость* вечного роста в лоне божественной Полноты, *парадокс* совершенствования частиц в уподобление изначальному совершенству Целого. Словами Евгения Трубецкого, ученика Владимира Соловьёва: «Рушится всё то, что не имеет безусловного основания. Уносится временем всё то, что не имеет корней в Сверхвременном. Но вечно пребывает Безусловное, Всеединое...». То, о чём сейчас пишут главным образом на английском языке, русские религиозные философы пытались прозреть сквозь роковые общественные процессы времён заката Российской империи, — спасение уже не индивидуальное, но соборное, всеобщее, основанное на воссоединении всех людей в Боге: Богочеловечество (*теократия*) и *обожение* человека (*теозис*) как смысл истории, путь *духовной эволюции человечества* как узкий путь в Царство совершенной радости. Владимир Соловьёв и другие философы его круга видели в спасительной *Софии* (мудрости) грядущее Богоцентричное всеединство людей, эволюцию мира, движение, во многократном покаянии и мучительном осознании прошлых ошибок, к совершенному владычеству Бога «и на земле, как на Небе», — через примирение противоречивого множества в божественном Целом. Как антитеза официозному обрядоверию, как последний призыв перед революционной катастрофой, — родился этот гимн абсолютному нравственному Началу, непрекращающейся Теофании, возносящей Дух над миром вещей и раскрывающей величие слов блаженного Августина: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом».

ЭЙ

В современном православном богословии эта линия продолжает древнее святоотеческое учение о богочеловеческом воссоединении души и Духа, о неизменной Божественной Любви и возрастающем к этой Любви человеке: Оливье Клеман, Александр Шмеман,

Иоанн Мейендорф, Николай Арсеньев, Павел Евдокимов, Дмитрий Станилое, Никое Ниссиотис, Панайотис Нелос, Кростос Яннарас, митрополит Иоанн Пергамский (Зизиулас), Георгий Пападимитриу, архимандрит Киприан (Керн), митрополит Гор Ливанских Георгий (Ходр), архимандрит Софроний (Сахаров), митрополит Сурожский Антоний (Блюм). Современное религиозное сознание, запутавшееся в межконфессиональных дразгах и противоречиях, с изумлением (а иногда и с возмущением) обнаруживает в их трудах то, что религия — это *не* набор моральных предписаний, *не* слезливая сентиментальность, *не* споры о том, чья вера лучше, и *не* образ жизни. Это соприкосновение временного и Вневременного, души и Духа, это таинство и метафизическая Реальность, недоступная для ума, обращённого вовне. Лицо (Я) человека и Лицо (Ипостась) Бога поднимаются в этом богословии на абсолютную, недвойственную высоту, бесконечно далёкую от того индивидуализма, который обычно подразумевается под «личностью». Встреча «лицом к Лицу» (взаимопроникновение) делает человека *иным*, неспособным к участию в эгоистических играх мира: внутренний вектор меняет направление — не *против кого-то*, но *к Единому*. Богословие Откровения, богословие Пробуждения, богословие Преображения и сегодня сохраняет в чистоте евангельское учение Иисуса Христа, столь чуждое сектантской нетерпимости (ненависти к «врагам») и косности.

Тот же *парадокс* Единения земной изменчивости и небесного постоянства — западноевропейские католические мистики восторженно провозглашали во мраке средневековья, во времена чумы и нищеты, суеверий и костров, пыток и истязаний, варварства и кровопролития. Среди современных католиков немало искренних попыток прикоснуться к «духовному деланию» и к сокровенному, медитативному богопознанию первых веков христианства: Томас Мёртон, Давид Штайндль-Раст, Уильям Менингер, Томас Китинг, Джон Мейн, Лоренс Фримэн, Ричард Харди, Бруно Барнхарт, Беде Гриффитс, Петер Дюкхофф. Помимо обращения к западным боговидцам средневековья, источником их сегодняшней практики, в первую очередь, являются учителя сердечной молитвы египетского и византийского христианства, предшественники исихазма (Макарий Великий, Евагрий Понтийский, Иоанн Кассиан, Иоанн Климакос и др.). Созерцательная жизнь, которую они проповедуют, — не есть уклонение от деятельного служения, но

осуществление буквального смысла этого служения, возвращение к бытию нераздробленного Адама, который один, посреди покорной ему природы, предстоит нетварному свету Абсолюта. Древнее *богословие духовного опыта* неразделённой Церкви, независимо от обрядовых и догматических противоречий последнего тысячелетия, так и осталось неразделённым. С точки зрения внутренней жизни, восток и запад — иллюзорные категории. Где бы и когда бы ни жили те, кто избрал своим путём богопознание и самопознание, свидетельство их жизни и *духовного опыта* приводит того, кто услышит о них сегодня, ко внутренней паузе и открытости, к потребности преображения и перерождения. Обычные *цитаты* мало кого затрагивают, слова затёрты и редко способны прервать рутинный ход жизни обычного человека. Но от живых образов подвижников прошлого исходит *зов* к людям двадцать первого века — изменить внутреннюю доминанту, сбросить доспехи «я» перед лицом бесконечности. Христианские подвижники древности и сегодняшнего дня, следуя путём отвращения от бесчисленных объектов мира, достигая погружения внутрь, обретая постоянство безмолвной молитвы, переживают те же состояния свободы, одиночества, раскрытости, незащищённости, и осознают ответственность за всех людей и упование на Единого. Ощущая Бога, они живут в ежесекундной близости смерти, в глубоком, безмятежном покое и в неистовой борьбе, где сознание одновременно пребывает и в аду, и на Небесах. Именно это Веданта называет сбрасыванием оболочек *эго, садханой*, Пробуждением.

32

Переживание Откровения, переживание Единства — как состояние сознания, как энергия — прорывается из далёкого прошлого в жизнь сегодняшнего человечества, преодолевая всеобщую заикленность на самом себе, ограниченность и эгоизм *личности*, препоны горделивого ума. Тайна, непонятная мирскому рационализму, прорастает то здесь, то там, как трава из-под бетонных плит. Душа (*джива*) и Дух (*Атман*) тянутся друг ко другу сквозь дебри идеологии, исторически обусловленной схоластики и всезнающей фарисейской учёности, не желая оставаться там, где жажду Истины подменяют на привычку к классификации, где из ученика лепят школяра. Прежде — поиск смысла, поиск свежего понимания прочитанных или услышанных истин воспринимался как чей-то личный интерес, энтузиазм пытливого сердца. Ныне обилие уже известных откровений, давно систематизированных и изученных,

— *требует* от человечества собрать всё это воедино и *понять* наконец, что же означают эти 3-4 тысячелетия прошедшей истории, откуда то безумие, с которым наша цивилизация сталкивается сегодня, в двадцать первом веке, и чего Бог хочет теперь от человека: что хотят сказать нам Небо и Земля на пороге надвигающейся эпохи перемен. Мы опутаны с ног до головы узами прошлого, пеленами привычного, личностного, *кармического* бытия. Но *карма* — это не приговор и не фатальная предопределённость. Вивекананда, призывая к эволюционному прорыву, подчёркивает тот потенциал, который всегда заложен в этой пружине: «Карма — это то, что предполагает способность и силу преобразовать сложившееся». Мы все стоим на пороге, на краю, — где дальше возможен либо шаг в пропасть, либо прыжок. Чтобы совершить прыжок, необходима иная мотивация, иная направленность всей совокупности помышлений, побуждений, поступков — всех тех миллионов и миллиардов людей, которых *карма* (судьба) соединяет в единое целое.

38

И к прошедшему веку, и к нашей сегодняшней ситуации применимы слова Достоевского: «Гуманность, отрицающая Бога, логически приводит к бесчеловечию. Цивилизация без просвещения Христова — к одичанию. Прогресс без Христа — к регрессу, где нет Духа Божия, т.е. к деспотизму и тирании». Стремление найти вне Бога «конкретный рецепт» того, как «исправить общество» путём революций и социальных реформ, тот же Вивекананда изящно называет попыткой «выпрямить собачий хвост». Никто уже не верит в социально-экономические преобразования, и мало кто верит в глубинные, сущностные перемены. Но сознание человечества *менялось* на всём протяжении его истории: от агрессивного самоутверждения племени и клана — к деспотизму и тирании единоличной или многоступенчатой власти. Затем от всеобщего подавления или ритуального возвеличивания *личности* — к достоинству, свободе выбора и уважению одного человека другим, — прорывами, редкими вспышками являя возможность *выхода за пределы личности*, в сияние Духа Божия, к которому зывали наши предки от начала истории. Вместе с общечеловеческим сознанием *менялось* и сознание религиозное, превращаясь из общепринятой идеологии в трудный и сознательный личный выбор. Ведантические и христианские богословы, преодолевшие рационализм и косность, которыми обрастает

традиция, пленённая эгоистическим умом жрецов-толкователей, учат сегодня тому, что человек — это автор книги собственной жизни, что он *творит свою жизнь сам*, и в этом его богоподобие. Человек непросветлённый, погружённый в суету мира, быстро и незаметно утрачивает свою божественную творческую энергетику, но человек просветлённый, обретший через опыт *садханы* Знание, если только не предаст, не осквернит это Знание эгоистическим его *использованием* и *гордыней*, становится сотворцом, сотрудником Бога («...сотворим по образу Нашему и по подобию Нашему»). Древние пророки, учителя, мудрецы и сам Господь вдруг объявлялись посреди обычных людей, занятых своими житейскими заботами, и, произнеся лишь несколько простых слов, чудесным образом пробуждали сокрытую в каждом сердце жажду этого Знания, жажду *перемен к лучшему*.

3*

Само обыденное сознание современных нам людей сегодня подошло к первым росткам дружелюбия и терпимости посреди бескрайнего гниющего болота междоусобиц, насилия, всеобщего соперничества, надменности и подчинения. Уроки многотысячелетней истории становятся теперь предметом философского переосмысления, оружием эволюции, перстом, направленным против инерции, всеобщей тупости и эгоизма. После всех социальных, религиозных и технических революций человек приходит к осознанию того, что истинный путь, сознательный путь к Истине — для него только начинается. Теперь это не одно лишь внутреннее делание, не одно лишь самосовершенствование, борьба со страстями и ученичество одного человека, но сознательное участие в «развёртывании» (*паринама*) — в самопознании — всего человечества. Эволюция на Земле уже не происходит сама по себе, как производное законов физики, биохимии и генетики, но с невиданной прежде скоростью меняет своё направление под действием совокупной воли всех мыслящих существ на этой планете. Наша общая судьба формируется у нас на глазах, всё более отягощаясь создаваемой в масштабах всей планеты *кармой* насилия, зла и ненависти, но вместе с тем очищаясь (*нирджара*) аскезой и волей тех, кто сознательно исцеляет самого себя, а точнее — делает себя *уязвимым, доступным* для спасающей всех десницы Божией.

Эволюция движима проявлением сознания (*слово, логос*, передача знания и сознания), а противодействие эволюции — это разрушение сознания и его носителя, органической жизни, это низведение сознания обратно к материи, во прах (в пыль). Распыление и обездвижение, умерщвление и овеществление — признаки активности противников Бога, о которых много сказано в книгах христианской аскетики, а рост и кристаллизация, движение к гармонии не-двойственной любви — это непрерывность Творения. Ибо Бог творит мир *словом Своим* и творит его поэтапно, как утверждает Библия в книге Бытия. Этапы творения («дни») продолжают нынче и устремлены в бесконечность. Мир совершенствуется и возрастает от материальной природы к Сознанию, и это движение не есть совокупность случайностей, но происходит от веления Абсолюта, от Его Воли («...и сказал Бог»), Каждый из «дней» творения вызывает из небытия новую реальность, которая в свою очередь имеет высшее предназначение: создать возможность актуализации следующего, ещё больше охватывающего собой этапа. Мироздание концентрически расширяется, сохраняя на каждом последующем звене полноту круга и оставаясь бесконечным. Сознанию, рождающемуся и возносимому из бессвязно раздробленной и бездушной материи, надлежит уподобиться Богу в не-двойственном совершенстве, надлежит стать неотличимым от Бога. Веданта много веков назад соединила идеи эволюции и трансценденции в учении о вечном творении, вечном созидании (*парадхина-вишешапти*), понимаемом как обретение всё новых и новых качеств тварного мира согласно воле Запредельного, т.е. самосовершенствование сотворённой природы благодаря соприкосновению Одного (Независимого — *сватантра*) и множественных (зависимых - *паратантра*) уровней бытия (*тагтвавада*, учение Мадхвы - XIII-XIV в.в.) Подтверждая единство всех сфер в сверхчеловеческой *Ноосфере*, в непроявленном абсолютном Сознании (*Брахман*), Веданта оказывается не «математическим» монизмом. Веданта даёт иное, «нематериальное» понимание единства и множественности. Подобно тому, как радуга - это не только отражение, но ещё и преломление солнечных лучей, самосознающие сущности (*джива*) по-разному окрашены проникающим в их природу светом своего Первоисточника. (Анувьяхьяна П.3.50 — комментарий Мадхвы к Брахма-сутрам).

Предназначение искры — в том, чтобы вечно пребывать частью пламени, в том, чтобы окончательно утратить чувство *отдельности*. Сияние искры — это неутраченное сияние всего пламени, жар искры — всё тот же жар пламени, но ставший доступным для восприятия. Жизнь вечная — это совершенная прозрачность человеческого сознания, ничем не препятствующего Ед иному действовать в нём и через него. «Тварный мир соединен с миром божественным. В божественной Премудрости небо преклонилось (спустилось) на землю. Мир существует не только в себе, но и в Боге, и Бог пребывает не только на Небе, но и на земле — в мире и в человеке». «Богочеловечество — это зов — как к духовной аскезе, так и к творчеству, как к спасению от мира, так и к спасению мира» (протоиерей *Сергий Булгаков*, «Тихие думы»). Сопричастность сострадательной, жертвенной, всеочищающей и вместе с тем трансцендентной Силе делает каждый наш поступок и помысел достоянием всех, нашим даром всему нынешнему и бесчисленным последующим поколениям. Планета, преждевременно «глобализированная» бессмысленной волей непросветлённых людей, пытается нащупать в этой глобальной темноте руки *добрых виноградарей*, ощутить *соль земли*, увидеть *свет миру*. Духовность вне связи с этой Силой находит себе прибежище в *сентиментальности*, столь активно переносимой теперь на религиозную почву, на почву современного сектантства и разнообразной психотерапии, да и вообще на любую доступную для посева почву. Дальнейшая деградация делает такую «духовность» частью механического функционирования *непробуждённого ума*, который плодит «религии», нью-эйджевские «школы», идеологии и культы, полностью враждебные эволюции, уводящие человека либо в область чистой ментальности — блуждания ума, — либо сферу эмоциональной экзальтации, либо в агрессию и ненависть по отношению ко всякому инакомыслию. *Не зная Бога*, человечество лишь играет в духовность и гуманизм, играет в религию или йогу, создаёт новую *карму* и «говорит слова».

&

Истинная воля в нас — это точка соприкосновения с единой Силой, с единой Волей. Это способность собрать свою бесцельно утекающую, разбросанную энергию *воедино*, умение привнести во все проявления своей жизни *эволюционно направленный*, непротиворечивый

и благодатный *смысл*. Пробуждённая энергия тормозит ум, пытается оторвать его от житейского, животного копошения, зовя «на подвиг долгой и тяжёлой, всё забывающей любви». Она сталкивается с неспособностью ума «удержаться» на гребне волны. Пробуждённая воля становится единственным кормчим корабля Просветления, единственным парусом, способным уловить ветер Духа. Истинная воля подчиняет себе и ум, и эмоции, — оставив им их скромные, служебные функции. Что толку напрягать ум и *думать* о том, что неизбежно, обо всём происходящем во исполнение *кармы* созревшей, уже принесшей свои плоды? Всю энергию, всю волю стоит сосредоточить на «здесь и сейчас», которое — пока — в наших руках. *Во всех обстоятельствах следует сосредоточиться не на второстепенном, но на том, что действительно важно.* Известны случаи, когда даже тяжело больной или умирающий человек совершал или произносил нечто, что оставалось драгоценным камнем в единой сокровищнице человечества. Совсем юные подростки *внезапно* становились святыми и учителями человечества. Все эти случаи необычайного, сверхъестественного сосредоточения Веданта понимает как преодоление господства ума: *п्राбодха* (Пробуждение), *локоттара* (транценденция, выход за пределы этого мира), *праптасья прапти* (достижение изначально достигнутого).

Путь преодоления господства ума (*это*) — это путь подвижничества, путь духовной практики. Тот драгоценный нектар, который человек выщепивает из себя посредством целенаправленного усилия — духовной практики, — орошает древо жизни внутри него, и однажды это древо жизни начинает плодоносить. Путь преодоления *это* предполагает сопротивление привычкам *это* — и своим личным шаблонам поведения, мышления и реагирования, и привычкам коллективного, планетарного *это*, которое со всех сторон окружает нас и пытается извне завладеть нами. «Мы всегда должны держать по мечу в каждой руке. Один меч — для нашего ума, другой — для всеобщего, всечеловеческого ума» (Эндрю Коэн). Перерубив цепь своей личной *авидьи*, человек чувствует свой долг и единственное служение в том, чтобы уменьшить плотность, густоту неведения вокруг себя. Миссия каждого, соприкоснувшегося со Светом, — хоть немного рассеять тьму вокруг себя, чтобы здесь и сейчас «стало всем светлей».

Ощувив в себе мудрость, понимание, силу для того, чтобы делать что-то осмысленное для всеобщего Блага, ученик Веданты должен, не расставаясь со своей традицией, действуя со всей возможной рассудительностью и осторожностью, *подчиниться* этому велению. Как он раньше учился действовать внутренне, идя путём духовной практики, теперь он должен учиться действовать в мире. Так ему надлежит выйти за пределы *личности*, чтобы стать частью развивающегося, растущего целого, частью того невидимого потока, который называют *эволюцией сознания*. При этом конкретная *личность* более не находится в центре всего. В центре оказывается жизнь, единое движение, в котором участвуют все люди и вся природа, где позади бесконечность и впереди бесконечность. Одно непрерывное настоящее, где что-то изнутри повелевает человеку принять участие, выполняя то, что поручено именно ему и действуя прямо сейчас. Ученик Веданты принимает на себя иго, бремя, долг — жертвовать ради этого служения всем, отдать этому служению себя без остатка. Не личное достижение, не освобождение «я», не блаженство, — но *это служение* должно навсегда остаться в центре: всеобщее избавление от страданий, всеобщее Пробуждение, всеобщее Спасение, всеобщая Свобода.

32

Так кому же посвятить жизнь и энергию, освобождающуюся от земных привязанностей, суеты и заблуждений? *Не* идеологиям, *не* организациям и *не* тем личностям, которые их возглавляют, вкладывая силы и средства в саморекламу. *Не* самогипнозу сект, *не* самогипнозу маниакальной увлечённости какой-то идеей или деятельностью: борьба с кем-то или против кого-то, жажда наживы или наслаждений, продвижение наверх или восшествие на пьедестал. И уж точно *не* повторном)' умерщвлению пробудившегося сознания через бессмысленное ничегонеделание: светский, компьютерно-виртуальный, телевизионный, алкогольно-наркотический дурман (это как раз самый частый случай *йогабрашты*). Только Истине и милосердию, только мудрости и добру, очищенным от всякой личностной, персонифицированной оболочки, можно посвятить свою жизнь и энергию, — целиком подчинившись Его (Бога) велениям. Ибо, по выражению Симеона Нового Богослова «Бог естеством благ и хочет всякого блага и добра».

Тот личный опыт познания Непознаваемого, те соприкосновения с Тайной, превосходящей чувства и ум, которыми делятся с людьми двадцать первого века Шанкара, Рамануджа и Мадхва, Симеон Новый Богослов и Григорий Палама, Майстер Экхарт Иоганн ван Рейсбрук, рано или поздно станут доступны многим. Личное знание учителей древности было столь очевидным, столь объективным, что традиция хранила его многие века как догму, как постулат. Этот опыт учит *сегодня* тому, что переживание Истины остаётся возможным, открытым для каждого. И, несомненно, в силах человека сделать те шаги, которые приблизят этот опыт и к нему самому, и ко многим людям вокруг него. Делая прозрачными, ничего не значащими оболочки своей личности, ученик начинает ощущать *в себе* тот смысл, тот *эволюционный импульс*, который связывает воедино события, тексты и имена тысячелетней давности и то, что необходимо делать сегодня. То, что вчера воспринималось как единственно возможное, сегодня может отойти на второй план, открывая простор для нового движения, нового шага, — во исполнение Истин, озвученных, записанных и хранимых традицией тысячелетиями.

Ощувив *эволюционный импульс в себе*, ученик чувствует неотложность, приоритетность, превосходящую всё остальное важность этой задачи. Ибо он не будет жить вечно на этой земле, человечество не будет жить здесь вечно, и то, что не было совершено сегодня, завтра может оказаться невозможным. Ученик может не понимать, что конкретно надо делать, но постепенно внешние события и внутренние проблески «указаний» выталкивают его на правильный путь. По мере того, как он более и более готов пожертвовать личным, чем-то принадлежащим ему одному, приходит мудрость, необходимая, чтобы делать что-то для других. Этой жертвенности нельзя научить, это не удаётся внедрить в ум, что пытаются делать наставники махаянского буддизма или проповедники протестантизма. Ученик должен сам пережить космическое измерение этой жертвенности, он должен сам, в результате собственной духовной практики, спонтанно, непреднамеренно ощутить *эволюционный импульс в самом себе*. Этот огонь должен возгореться внутри, озарение должно, вспыхнув, осветить личную жизнь и сделать видимым, очевидным тот

смысл, который в ней заложен. Многие прошлые страдания, труды и наработки окажутся тогда понятными, необходимыми, неслучайными.

38

С появлением единого, нового смысла множество прошлых сомнений забываются и исчезают. Цель избавляет человека от колебаний, забот и попечений о самом себе. Цель оправдывает не средства (!), но ту боль, те мучительные поиски, то искреннее неведение, которые остаются в памяти каждого настоящего ученика. При всей той ослепительной уверенности, которая может теперь поселиться в душе, ученик должен *неизменно* сохранять совершенную открытость новому, высшему, иному, неведомому: «блаженны нищие духом, ибо им принадлежит Царство Небесное». Познание *эволюционного импульса в самом себе*, подчинение ему своей личной жизни, следование его велениям снова, и снова, и снова — автоматически развязывает узлы, гнетущее действие которых, возможно, ощущалось на протяжении всей предшествующей жизни. Решаются проблемы привязанностей, зависимостей, без следа исчезают психологические проблемы. Одни противоречия обостряются, другие уходят навсегда, ученик начинает чувствовать динамику *садханы*, он засыпает и просыпается с мыслью, что всё не зря и всё неслучайно.

В смиренном искателе эта сила может таиться и быть незаметной, накапливаясь, как пар под давлением в котле, и ожидая своего часа. Но при встрече истинного Учителя и истинного ученика, что едва ли возможно в наше время или, во всяком случае, является величайшей редкостью, *эволюционный импульс* в них обоих воспламеняется и становится единым взрывом Откровения. Так случаются истории, подобные встрече Говинды Бхагаватпады с Шанкарачарьей на берегу реки Нармада, или встрече Рамануджи с Ямуначарьей, уже покидающим своё тело, или встрече Симеона Нового Богослова с Симеоном Благоговейным в Студийском монастыре, или встрече Майстера Экхарта и сестры Катрай, или встречам Чайтаньи с его ближайшими последователями и спутниками, или встрече Джалаледдина Руми и Шемседдина Тебризи, или встрече Вивекананды с Рамакришной, или встрече афонского инока Софрония Сахарова со старцем Силуаном.

Благодаря ясному восприятию *эволюционного импульса в самом себе* человек спонтанно, без умственных усилий, получает ответ на древний вопрос религии: «что такое грех?». Ученик начинает *знать*, что правильно, а что неправильно, что чисто, а что нечисто, он становится способен самостоятельно принимать решения в каждое последующее мгновение своей жизни. Так он обретает внутреннюю убежденность в том, что Истина потребует от него всё, что он имеет, и что он готов расстаться со всем, что имеет, ради Истины. Нет больше никакой предопределённости. Всё оказывается вопросом самостоятельного решения, самостоятельного шага, самостоятельного выбора.

Подчинение себя единому потоку *эволюции*, навик *жить* в этом потоке — помогает ощутить своё единство со всеми подлинными учениками Бога по всей земле, сегодня и на протяжении истории. Этот навик избавляет от низменных причин следования духовной практике, ограждает от её бесчисленных ловушек: инфантильная потребность иметь нежного и любящего маму-папу в роли духовного наставника, потребность в развлечениях, в удовольствиях и в событийном разнообразии. Прекращается или сокращается поток непрерывных побрякушек, самооправданий, извинений, всевозможных «какбы», «но», «если» и «может быть». Уходит за ненадобностью комплекс *лже-смирения* (ничтожества, забитости, убожества), за которым обычно скрываются гордыня и упрямство. Внутренняя неопределённость, неуверенность сменяется равновесием, умением вовремя включиться и вовремя выключиться из ситуации. Подчинив себя единому потоку *эволюции*, ученик знает, когда надо нажать на тормоз, а когда необходима максимальная включённость, максимальная интенсивность. Поставленная цель достигается не суетливой активностью, а нерассеянным, однонаправленным *намерением*, которое не знает эрозии сомнений. Фактор *скуки* либо исчезает совсем, либо становится союзником, помогая лицом к лицу, напрямую, встретится с самим собой, ещё более оторваться от поверхностности и погрузиться внутрь себя. Так достигается *искренность*, которая является некоторой гарантией от того, чтобы однажды начать духовно обманывать себя или других людей. Искренность и серьёзность, по сути, — самое главное на духовном пути.

Обычно Адвайта-веданта считается наиболее абстрактным, сухим, статичным, схоластически неизменным по форме и по существу духовным учением. Не путём, но *философией*, где подчёркиваются покой, *недеяние*, неподвижность провозглашаемой Истины. Считается, что Адвайта-веданта отрицает такие мелочи, как искренность и совестливость. Погружённая в созерцание Абсолюта, утверждая лишь Единое, Адвайта-веданта, как полагают, не беспокоится о спасении и облегчении страданий ближнего, о решении проблем человеческой жизни на Земле. Но в той *практике* Адвайта-веданты, которая изложена в предыдущих и последующей главе, заключена энергия *переосмысления* и *преобразования* человеком самого себя. Это учение предполагает поиск в себе источника ни с чем не сравнимой чистоты, невинности, простоты и силы, которая утверждает Реальность и *не замечает* несвободное, вечное, маленькое «я». Адвайта-веданта провозглашает единство (недвойственность!) не только в глубинах медитации, но и во всей жизни человека, личной и социальной. Это единство требует правдивого видения, правдивого восприятия и правдивого поведения в любых обстоятельствах, что *невозможно* без заботы о спасении и облегчении страданий и ближних, и дальних. Адвайта-веданта привносит вкус Абсолюта — вкус милосердной любви — в ту жизнь, которой живёт человек, и во всё, что его окружает: внешнее должно отражать внутреннее.

Воссоединение индивидуального и всеобщего Сознания означает выход из иллюзии ограниченности, из иллюзии служения самому себе. Воссоединение индивидуального и всеобщего Сознания открывает великий смысл духовного пути - служение другому как самому себе, сущностное единство себя и другого во Всеобщем, Совершенном Целом. Здесь Адвайта-веданта приводит своего искреннего ученика к ничем не обусловленному состраданию, равно обращённому *ко всем*, о котором не так много сказано в классических текстах. Адвайта-веданта оказывается не путём ума, но путём сердца, не набором философских истин, но Тайной. Чтобы войти в эту Тайну, человек должен отдать не часть себя, но всего себя целиком. Не являясь абстракцией, эта Тайна не ограничена никаким учением, никакой концепцией, никакой формой, никакими качествами или определениями. Об этой Тайне нельзя сказать: «вечность», «блаженство», «свобода», «любовь», «величие»,

«личность», «безличное», «бесконечно малое» или «бесконечно большое». Ибо Она — всё это, но не только это. Тайна предполагает безграничную возможность познания, всегда оставаясь непознанной. Столь же безграничная *жажда познания* должна быть в том человеке, который дерзает приблизиться к этой Тайне. Это возможно лишь при утрате им интереса ко всему сиюминутному¹ и личностному.

ZT>

Тайна необъяснима, но постижима — теми, в ком угас интерес к играм *эго*. Она проста и доступна для тех, чей пробуждённый ум и пробуждённое сердце избавлены от самообольщения. Единое парадоксальным образом соединяет в себе завершённость и бесконечное движение вперёд. Это и окончательный покой, и непрерывный взрыв, подобный большому взрыву Творения. Постигание Тайны связано не с изучением, но с самопознанием и самоотречением. Этой Тайной нужно не заниматься, а *стать ею*. Человеческое «я» должно для этого стать цельным, простым и прозрачным, — и в одном конкретном человеке, и во всех людях. Такова не интеллектуальная, но практическая, бытийная Адвайта-веданта, которая способна изменить жизнь человечества к лучшему. Учение об иллюзорности (ограниченного, несовершенного, обманчивого, мнимого) и о Реальности (безграничного, неизменного, Единого) — содержит в себе неисчерпаемую силу преобразования человека, который стоит одной ногой во временном, а другой — в вечности. Это огромный запас взрывчатого вещества эволюции, мощнейший потенциал, актуальный сегодня как никогда прежде.

Эволюция в Адвайта-веданте — это конец личности, которая занята самой собой, и раскрытие сознания — к бескорыстному участию в едином движении всей органической сознательной жизни на Земле к воссоединению с Единым. Это ступени Просветления, новые и новые, всё более глубокие слои личности (*эго*), снимаемые, высветляемые, пронзаемые познающим сознанием, устремлённым к единой Истине. Приняв всю схоластику и догматику исторической Адвайта-веданты, ученик ищет практическое воплощение этому учению в жизни. Ощувив в самом себе то, что сказано в текстах Адвайта-веданты о Тайне Единого, о бессилии материальных, эмоциональных и умственных

ограничений скрыть единство индивидуального и всеобщего Я, человек открывает безграничную перспективу. Он узнаёт, что есть выход, есть надежда, есть куда каждой душе двигаться дальше. Ему становится ясно, что познание Тайны зависит лишь от человеческой решимости, открытости и готовности к самоотречению. Эволюция в Адвайта-веданте — это ступенчатый путь, каждый шаг на котором — это прыжок через пропасть, прыжок с обрыва. Совмещая последние открытия науки и учение Адвайта-веданты, человечество может проторить себе путь из сегодняшней технократической цивилизации ума, личности, цинизма и себялюбия, в новое, преображённое состояние, где во главе угла — не «воля моя», но «Воля Твоя».

САДХАНА

Современный ум недолго готов сидеть на постной диете вечных истин. Ему хочется пищи посущественнее: как увязать то вечное, о чём говорят мудрецы, с обыденными, повседневными проблемами и ситуациями. Человек двадцать первого века не довольствуется провозглашением вечных истин, он хочет всякую абстракцию воплотить, осуществить, перевести в практическую плоскость. Если интерес не был утрачен на самом раннем этапе, рано или поздно встаёт неизменный вопрос: что необходимо *делать*, в чём смысл всей этой теории *для меня*? Как прожить обычную, человеческую жизнь, не теряя того смысла, который открывается в вечных истинах? Что и как думать и говорить, как поступать, чтобы эти вечные истины оставались живыми внутри нас? И второй, также неизменно возникающий вопрос связан с тем, как *эта* теория соотносится со множеством иных, разноголосых, но удивительно похожих друг на друга теорий и учений, о которых люди двадцать первого века слышат чуть ли не ежедневно, с приверженцами которых можно столкнуться на улице, среди знакомых и вообще где угодно.

Прежде, чем переходить к какой-либо *практике*, т.е. к регулярной духовной дисциплине — упражнениям (*йога-юкти*), медитативному исследованию (*вичара*) «кто я?», посвящению себя к какому-то конкретному «адвайтическому» пути или секте, — необходимо *просто разобраться в самом себе*. Стоит задать себе самые простые вопросы и искренне искать на них ответы. Кто я такой, и почему я таков, как я есть? Чем я, по сути, занят в этой жизни, чему я уделяю время, энергию, место внутри себя? Что наполняет собой мою память? Что побуждает меня поступать так, как я поступаю? Что побуждает меня пойти по этому пути, а не по какому иному? Что является для меня самым важным в жизни? Ради чего я терплю «всё остальное»? Что радует меня, а что огорчает, и почему? Что мне очевидно, а что вызывает бесконечные сомнения? Что вызывает во мне интерес, несмотря на все сомнения и «противопоказания»? Насколько я открыт или закрыт для нового и неизвестного? Насколько я открыт самому себе, или же я всё время убегаю от себя? Способен ли я довериться Единому, если сейчас я не доверяюсь никому, включая самого себя?

Если мы искренне поищем ответы на эти вопросы в нашей повседневной жизни и беседе с самим собой, если мы наблюдаем, как протекает наша жизнь, что происходит с нами, что говорят нам и о нас люди, на что зажигается лампочка внутри (или звонит колокольчик), мы избежим нелепых и ненужных конфузов, садясь не в свои сани. Прежде, чем браться за дело, нам нужно научиться быть верными — не какому-то конкретному человеку, но делу спасения, избранному пути, Богу. Необходимо вновь, и вновь, и вновь возвращаться к тем самым простым, самым элементарным внутренним установкам, которые лежат в основе нашего бытия. Когда мы слышим упоминание о них в наставлениях учителей, мы проскакиваем их, считая всё это само собой разумеющимся, самоочевидным. Эти идеи заняли когда-то свою ячейку в нашей памяти, но они не живут там, не вибрируют, не сияют в сознании, не занимают в сердце то место, которое им *должен* отвести ученик. Важнейшие из них — это искренность, вера (*шраддха*), это решимость любой ценой достичь Освобождения (в разных текстах Веданты называемая *мумукшаттва* или *мумукшутва* или *мокша-санкальпа*), это желание познать Реальность, Истину (*брахма-джджняса*).

32

Прахлад Чандра Брахмачари любил повторять: «Вокруг тысячи учителей, но настоящие ученики очень редки». Возможно, многим людям лучше прожить целую жизнь, сознательно обретая те качества, о которых шла речь выше, шлифуя их и доводя до совершенства, прежде чем они раскроют свою первую книгу по практике Веданты. Путь, на который Веданта призывает человека — это не философия, не метафизические споры и рассуждения, не уход из мира в леса или в горы, не полёты в астрал (во сне и наяву). Этот путь — внутри, он носит название духовной дисциплины, духовного подвижничества или духовной практики. Иисус объясняет своим ученикам, воспитанным на фарисейской схоластике и культе внешней праведности: «*Царство Божие усилием берётся*». Среди множества санскритских терминов для обозначения этого пути Веданта выбрала два основных: *садхана* и *абхьяса*. Термин *садхана* подчёркивает обязательность, неуклонность исполнения этой дисциплины, независимо от времени, места и обстоятельств. Термин *абхьяса* подчёркивает постоянство усилия, усердия, огненности,

духовного рвения. Соответственно, человек, регулярно занимающийся духовной практикой Веданты, именуется *садхак* или *абхьяси*.

Духовная практика имеет смысл, когда *все* внутренние противоречия разрешены. Это означает, что этап «внутреннего раздора» пройден навсегда, сменившись на сосредоточенность, стабильность и внутреннюю самостоятельность. Духовная практика — это испытание. Начав её, нужно чувствовать в себе *готовность идти до конца*, необходимую при прохождении сурового испытания. Если мы изначально искали лишь *развлечения*, наш «духовный путь» закончится ничем (в лучшем случае, он останется не более чем смехотворной имитацией, оригинальным и безвредным хобби). Духовная практика имеет смысл, когда устремление к Цели совершенно чисто, просто, беспримесно. Бог будет испытывать на прочность наше понимание: ради чего мы ступили на этот путь, действительно ли мы хотим попасть туда, куда он ведёт, готовы ли мы жертвовать меньшим ради большего, всем ради чего-то одного, наиважнейшего? Полностью ли наша мотивация «обезоружена» от всех уловок эго? Готовы ли мы несокрушимо двигаться вперёд в условиях полной неопределённости, ни к чему не приликая, ни за что не цепляясь по пути? Не осталось ли в нас детской потребности «быть опекаемым», «быть ведомым»? Духовная практика двадцать первого века — требует совершенной убеждённости в правильности выбранного пути и совершенной самостоятельности в сочетании с совершенным смирением. Главное испытание, которое предстоит всякому на любом духовном пути, — это испытание гордыней, желанием обладать и возможностью пользоваться (другими людьми, богатством, властью и т.п.) И второе, столь же неизбежное до самого конца пути испытание — это испытание скукой, апатией, унынием и цинизмом. Угасание огня внутри — это бесславный конец пути, это всё равно, что упасть в яму и не пытаться уже выбраться из неё до конца жизни.

32

Ещё один важный момент, который неочевиден для многих, это - несущественность, второстепенность всего, что связано с особенностями диетических предпочтений, распорядка дня, конкретных упражнений, сферы деятельности, физиологии, сна, одежды и других

внешних атрибутов, для духовной практики как таковой. Абсолютное требование всякой духовной практики — это *ахимса*, ненасилие (физическое и психологическое) как основа всей жизнедеятельности (т.е. взаимодействия с окружающим миром), а более широко — правила *яма-нияма*, приводимые в Йога-сутре Патанджали и в бесчисленных современных книгах по йоге. Второе по своей абсолютности требование — это физическое и психологическое здоровье, здравомыслие и внутренняя устойчивость, чему также способствует соблюдение правил *яма-нияма*, либо того религиозно-гигиенического свода заповедей, которому следует человек. Но всякое *наше яичное своеобразие*, при условии полного соответствия всей жизни требованиям *яма-нияма*, является с точки зрения духовной практики — несущественным и часто отвлекающим от истинной Цели жизненным скарбом. Чрезмерные заботы и расспросы о диете, распорядке дня, методах и упражнениях, согласии и разногласиях с людьми, о физиологии, об ощущениях, о чужих мнениях, советах и т.д. — уменьшают или уничтожают *серьёзность желания достичь высочайшей Цели*. Все проблемы обыденной жизни должны быть решены, чтобы иметь максимум времени и энергии для *достижения высочайшей Цели*: таково золотое правило Веданты. Цельность и последовательность должны достигаться во всём, тогда есть шанс им появиться и в нашей духовной практике. Не следует разжигать *серьёзности* нашей устремлённости к Истине, только к Истине превыше и прежде всего остального. Без цельности и последовательности духовная практика может превратиться либо в очередную забаву, в некий спектакль, в модное экзотическое увлечение, либо в опасные игрища на грани (а то и за гранью) морали, человеческого достоинства и здравого смысла.

Последним вопросом, который необходимо рассмотреть, прежде чем перейти к тому, *что делать*, является: а зачем она (духовная практика) вообще нужна? Бесчисленные «просветлённые» нашего века провозглашают «окончательную Адвайту»: ты есть То, ты уже есть само Просветление. «Всякая деятельность, всякая *садхана*, любое усилие для того, чтобы достичь Просветления, делает само Просветление отдалённым, недоступным, скрытым за попытками его достичь». В текстах классической Веданты и её «священного предания» мы находим бесчисленные аргументы в пользу противоположного утверждения:

безупречная практика есть *свидетельство* (внутреннее и внешнее) о том, что Просветление составляет суть и смысл всей жизни человека. Путь и Цель — одно, но без Пути нет и Цели. Если внутренний (и внешний!) наблюдатель *не свидетельствует*, что все (без исключения!) аспекты нашего бытия — есть само Просветление, есть То и ничто иное, это позволяет предположить, что король — возомнивший себя совершенным — на самом деле голый. А когда король сам убедится в своей постоянной, сущностной наготе (т.е. безраздельной власти *эго*), ему самое время обратиться к усиленной духовной практике. *Отклик* на всё, что внутренний наблюдатель опознаёт (внутри и вовне), позволяет увидеть «местопребывание» сознания: в обители Адвайты или во владениях *эго*. Во втором случае — необходимо *изменить нечто в своём сознании* для его Освобождения, что может означать десятилетия упорной духовной работы; первом случае — Владыка призывает счастливца *бескорыстно послужить* своим совершенством Освобождению несовершенного мира.

Если бы Артуровы рыцари просто уговаривали друг друга, что святой Грааль — в сердце каждого, то им не понадобилось бы вставать из-за своего круглого стола. Но они поднялись из-за стола и отправились в путь до края земли, подвергая себя многолетним лишениям и испытаниям, и лишь один из них — сэр Галахад, сын Ланселота — достиг Цели. В легендах и сказаниях всех народов Земли духовное подвижничество зашифровано в образе пути, борьбы и испытаний, которые закаляют дух для принятия того Лара, который неизменно рядом, внутри, но, увы, вне досягаемости. Оставив активность обыденную, подвижник избирает усилие внутреннее, невидимое со стороны, но поглощающее его настолько, что времени нежиться на солнышке и разглагольствовать у него не остаётся. Как Одиссей, он, привязывает себя верёвками *садханы* к мачте постоянства и не позволяет себе отдаться сладкому пению сирен. Истинный подвижник *не ослабляет этих верёвок* под предлогом того, что всякое действие лишено смысла, и ничто никем не может быть изменено, что нет ни делателя, ни объекта действия, ни Цели, - но, принимая всё как урок, он упорно продолжает свой путь.

В учении Веданты духовная практика (*садхана*) традиционно относится к одному, из трёх «направлений»: молитва, медитация и ритуал, что соответствует трём видам йоги — *бхакти-йога*, *джняна-йога* и *аштанга-йога* (классическая восьмиступенчатая йога, в состав которой входят *карма-йога*, *хатха-йога* и высшие медитативные психофизические практики, объединяемые понятием *раджа-йога*). Это — отточенные тысячелетиями способы реально изменить нечто на уровне самых глубинных, самых труднодоступных внутренних установок, выйти за пределы оболочке-эго, перенести *туда* все взаимодействия и жизненные проявления, обрести взгляд безличностный, безграничный, что равносильно Пробуждению. Безличностное восприятие и безличностный отклик подвижны не амбициями *эго*, но чистым импульсом Я, и при этом все слои личностной оболочки становятся прозрачными, незаметными, светопроницаемыми. Необъятная энергия, которой всегда надделено «я», не растрачивается, не поглощается больше активностью *эго*, но обращается в луч *абхьясы*. Этот луч, если он не угасает и ничем не оскверняется, несёт сознание всё дальше по пути Пробуждения и по пути Служения.

32

Духовная практика — единственный смысл всех философских трактатов и диспутов Адвайта-веданты. *Садхана* — это то, обоснованию, демонстрации, объяснению и совершенствованию чего они *целиком* посвящены. Первое откровение, доступное каждому при чтении таких книг, как «Атмабодха», «Панчикаранам», «Атмаджнянопадешавидхи», «Вивека-Чудамани» и т.д., состоит в том, что «это всё — обо мне». И в равной степени - о каждом человеке, который жил или живёт на этой Земле. Первоисточники Адвайта-веданты в очень утончённой форме объясняют, *как* познать Истину, которая лежит в основе всего, *как* встретиться со своим истинным Я, *как* посмотреть в глаза самому себе. Эти тексты были явлены миру, чтобы помочь *нам* сделать *свою жизнь* достойной своего изначального смысла, своего Первоисточника.

32

Любая серьёзная книга по Веданте написана только для того, чтобы показать, с чем (с каким пониманием, с какой ясностью и целеустремлённостью) можно практически подойти к *той*

недвойственности, которая не лишена своего первоначального смысла. Спасение всей нынешней цивилизации зависит от всеобщего преобразования сознания с помощью *практики недвойственности.* Цель и смысл Веданты в том, чтобы последовательно снять всё более глубоко залегающие слои заблуждений с сознания, однажды *заинтересовавшегося практикой Адвайта-веданты,* начиная со слоёв наиболее дремучего невежества. Путь Адвайта-веданты — это нечто особое, непохожее на то, к чему мы все привыкли в обыденной жизни. Это движение туда, где обычный, классифицирующий, перечисляющий, болтливый и завистливый ум — остаётся не у дел.

38

Практика Адвайта-веданты *не* сводится к зубрёжке санскритских текстов или их современных англоязычных интерпретаций. Практика - *не* ограничена послушанием, обязанностью вылизывать языком ковровую дорожку в своём *ашраме* (монастыре), стать бесплатным сотрудником какой-то организации или рабом какого-то *конкретного человека,* олицетворяющего собой Просветление. Практика также *не* состоит в том, чтобы сидеть в позе лотоса, улыбаясь и изредка произнося загадочные, двусмысленные фразы. И уж однозначно она *не* предполагает того, чтобы делать всё, что вздумается, не ограничивая и не сдерживая себя ничем (версия нео-адвайты). *Садхана* — это *работа,* это подготовка к последнему прыжку, это вся жизнь, направленная на то, чтобы «очистить сосуд». Если человеку посчастливилось найти *истинного* Учителя или духовного друга, основой всей этой работы становится *общение* с живым носителем Истины, мудрости и святости. «Самая лучшая *садхана* — это быть рядом с Учителем. Все остальные виды *садханы* - второстепенны и лишь дополняют эту» (Йоги Рамсураткумар, ученик Свами Рамдаса).

&

Садхаку необходимо искоренить скверные привычки ума (агрессию, зависть, лень, инертность, страх, страсти, *клеши, васаны* и *санскары*), научиться распознавать, отличать Истину от игр ума, а затем выйти из подчинения *эго.* Этой работе он отдаёт всю оставшуюся - после прожитых в неведении лет - часть своей жизни. Ему предстоит (за оставшееся время его земной жизни) успеть поменять самые глубинные, самые труднодоступные внутренние установки. Необходимо желать

только Истины, только Бога, оставляя без внимания весь хаос иных желаний, всё заблуждение и весь самообман, которые постоянно всплывают из недр ума. Чтобы стать чем-то большим, чем простая дисциплина ума, практика Веданты неизменно должна опираться на традицию, на наставления и жизненный пример истинных учителей древности. Иначе *садхана* окажется путём от взлёта к падению, от эврики к ошибке, от озарения в пропасть отчаяния. Едва найдя конец нитки, швея может запутать клубок ещё больше, если заранее не приучит себя к терпению, порядку и внимательности. Едва уволившись с места слуги, человек может *попасть в рабство* к другому, гораздо более кровожадному и безжалостному господину.

32

Неподготовленное практикой (*садханой*) сознание порой внезапно, по неведомой причине, открывается *опыту не dvojственности*. Это может быть мимолётным, неуловимым отблеском или всеокрушающим откровением. Мы знаем имена некоторых людей, кто, оказавшись лицом к лицу с Неведомым, не пошёл на попятную, не сделал «полный назад». Но 99,999...% не смогут выстоять, не пройдя великого испытания *абхьясой*. Проникновение в смысл текстов и ежедневная практика *не dvojственности* — вот тот тренинг, которому Веданта подвергает каждого кандидата в духовные альпинисты (духовные парашютисты, духовные космонавты). Обычный человек, спонтанно открывшись *опыту не dvojственности*, будет постоянно помнить о том, что нужно вернуться обратно, к «нормальной жизни». Или он просто повредится рассудком. Но *садхак* не должен убегать, поджавши хвост. Он не должен всё время «поглядывать на дверь». Ученики, ставшие впоследствии учителями, *прыгнув в Неведомое (взойдя на Вершину)*, не возвращались назад, к *эго*, но вбирали весь свой опыт мирской жизни туда, в своё трансцендентное состояние «не-эго». Это позволило им, уже как «не-эго», жить в мире и нести Истину людям.

3*

Основой духовной практики Веданты для современного человека может стать один из трёх традиционных типов *садханы*: медитативная молитва, чистая медитация и медитативный ритуал. Сознание должно безошибочно избрать заповеданный тебе Богом путь и образ *садханы*, чтобы соединить себя с этим избранным путём единожды и на всю жизнь,

не соблазняясь более разнообразием иных, бесчисленных, западных и восточных «предложений». Твёрдо пребывая в конкретной традиции, необходимо поддерживать общение с теми, кто также принадлежит этой традиции, нужно искать тех учителей и учеников, в ком воплощена эта традиция — сегодня или в далёком прошлом. «Сказано, что у врат Освобождения стоят четыре привратника: спокойствие ума, самоисследование, удовлетворённость и общение со святыми мудрецами» («Йога-Васиштха-сара-санграха» 2, 8).

3ᵁ

Молитва (*пратхана*) включает в себе все формы *активного* обращения души к Богу (*киртана, смарана, вандана, джапа, арчана, према-лакшана, атма-ниведанси*). Молитва успокаивает, освящает ум и учит человека отрешиться от своего эгоизма ради милосердного, сострадательного доброделания, ради соучастия в практическом *служении людям*, в Божьем исцелении разорванного страданием мира. Сердце, возгоревшееся, ожившее от любви Божией (*према-бхакти*) и благодати Его (*анутраха*), наполняет этой любовью все слова и дела человека, идущего по пути служения и молитвы (*Лшвара-арадхана*). Эта практика в наибольшей степени отражает ведантическую линию Мадхвы. Молитва обращена к Богу, который не «где-то там», вне нас, но пребывает в сокровенном храме нашего сердца, как «внутренняя душа» (*шаририн*), будучи и судией нашим, и нашим единственным защитником (*ракшака*). Он - не только опора (*адхара*) всего бытия, но и тайно пребывает внутри (*антар*) нашего тела (*шарира*) как *Антарьямин* (сокровенный Друг - «Царство Божие внутри нас»), всегда отвечающий на искреннюю молитву припадающего к Нему, взывающего о наставлении и помощи. Бог откликается не на догматическую правильность, не на механическое повторение заученных формул, но на *искреннее* обращение к Его имени, — ибо сознание любого человека в своей сокровенной глубине всегда безошибочно различает обращение к Его имени и механическое воспроизведение чужих слов, обычаев или религиозной «манеры поведения». «Кабир, Тулсидас, Сурдас, Аппар, Маниккавасагар - как они подчёркивали величие и спасительную силу имени Божия! ... Когда идёт дождь, мы берём зонт и идём на работу или за покупками: мы продолжаем исполнять всё то, что необходимо, укрывшись под зонтиком. Святое Имя - как зонт под проливным дождём. Держитесь за имя Божие и продолжайте действовать, совершая своё служение в

этом мире. Жалкий попрошайка (Йоги Рамсураткумар) просит вас: не забывайте Святое Имя!» (из обращения Рамсураткумара к Конференции в Камбан-Калаярангам, Пондишерри - 08.05.1988 г.).

38

Не только христианство известно подвигами молитвы, но и среди подвижников ведической религии (*ваидика-дхарма*) были те, кто проводил дни и ночи, обращаясь к Единому Богу со словами раскаяния, плача и хвалы. Сам Шанкара известен многими восторженными гимнами, соединяющими в себе искренний вопль к Богу с поэтикой мудрого рассуждения. Многие последователи Шанкары, активные проповедники Адвайта-веданты, общепризнанные сегодня адвайтические школы - Вивекананды («Миссия Рамакришны»), Шивананды («Общество святой жизни»), Чинмайяланды («Миссия Чинмайя»), Омкарананды, Йогананды (крийя-йога), Атмананды Кришны Менона - уравнивают значение молитвы и медитации, проповедуя *сева* и *бхакти* как путь к *джняне*. «Бог и дарит свою любовь тому, кто предан Ему, и принимает любовь преданного Ему. Бог равно расположен к каждому, но лишь *искренняя молитва* возлюбившего Бога «актуализирует», делает для него *явной* Божью любовь, открывает его Божьему милосердию. Совершайте служение Богу, возлагая на Его алтарь цветы чистоты, самообуздания, смирения, мудрости и преданности. Пусть помышления о Боге станут чёткими вашего ума» (Свами Шивананда). Молитва, насыщенная смыслом, пониманием и состраданием, становится энергетическим импульсом очищения, главным двигателем эволюции. Омывая грехи и спасая от гибели других людей, известных и неизвестных, молитвы подвижников как волю повозку тянут весь мир от распада и саморазрушения к совершенствованию, от ненависти к любви. Молитва, снимающая с ума чёрную вуаль земных забот, страстей и отчаяния, открывает возможность прикосновения к мудрости. Совершенная молитва становится медитацией, медитация же даёт истинное понимание в молитве («Кто чисто молится, тот и богослов»).

38

Медитация (*дхьяна*) — неактивна, это неусилие, невмешательство, неподвижность. Ум не должен принимать в ней никакого участия. Слушание наставлений (*шравана*), несуетное размышление (*манана*),

безмолвное, непрерывное созерцание («гл»)й<Бс-глл>«й») — это три классических ступени к совершенству *дхьяны*. Медитация — это способность внимать неслышимому и видеть невидимое. Внутренняя гибкость, текучесть, чуткость, спокойная бодрость, отсутствие чрезмерной пассивности или активности — состояние натянутой, но не перетянутой струны, которая даёт идеально чистый звук. Подобно молитве, медитация — это уход с поверхности на глубину и терпеливое *пребывание* на глубине (*атманишта*). Путь к *пребыванию* — это не стимулирование галлюцинаций (тем или иным способом), не попытки что-то там увидеть или почувствовать, но покой (*шанти, вишрантй*), чистота и собранность ума (*читта-шуддхи* и *читта-ниродха*) и однонаправленное (*самъямана*) глубокое размышление (*атманусандхана*). *Ахьяна* — это стойкое воздержание от потребности что-либо изменить, обдумать (внутренне обсудить), схватить, удержать или оттолкнуть. *Ахьяна* не противоположна размышлению, она не отрицает важнейшего, ключевого значения мысли на пути *дхьяны*. *Ахьяна* лишь прекращает колебание, неопределённость намерений, сомнение (*сандеха*) и игру ума. Классический термин *манонаша* (уничтожение ума) означает лишь *васанакашайя* — искоренение дурных привычек ума (*санскара, васана, клеша*) и выход из повиновения *эго*.

Ахьяна — это переход от личного к безличному, от ограниченного к безграничному, от понятного к неведомому, от осязаемого к непроявленному, от грубого к тончайшему, от временного к тому, что вне времени, от конкретного к тому, что содержит в себе всё, но не заключено ни в какие границы. Там, где есть само Знание, нельзя знать ничего конкретно, объяснимо и обсуждаемо. Некоторые учителя описывают *дхьяну* как «незнание ничего». *Эго* хочет всегда заранее знать всё обо всём. Соглашаясь на «незнание ничего», сознание учится неповиновению *эго*. В подлинной медитации наше сознание воспринимает *всё* — и бесконечно большое, и бесконечно малое. А обыденное, привычное — становится пустячной, ничего не значащей деталью общей картины, где ничто не является более важным, чем всё остальное, а время останавливается на моменте «сейчас». Совершенство медитации (*дхьяна-сиддхи*) достигается в *самадхи* — непрерывном пребывании в Абсолюте (*нирвикальпа-самадхи* — неопределимое, неопишущее *самадхи*, либо *савикальпа-самадхи* — то, которое возможно описать через некие земные ассоциации). Путь медитации — основная практика Адвайта-веданты, альфа и омега той традиции, которую символизирует Шанкара.

Сознание в состоянии медитации должно быть неизменно обращено к своему Первоисточнику, не впадая в дремоту, ни за что не цепляясь и не прячась ни от чего, не пытаясь прекратить возникающие мысли, но и не увлекаясь ни одной из них. Необходимо *оставить всё как есть*, ни во что не вторгаясь, ни к чему не прилепляясь, ничто не выделяя среди совершенной полноты восприятия. Самосознание не должно ставить себя ни в какое взаимоотношение, ни в какую «позицию» относительно любых объектов, чувств, накопленных знаний и воспоминаний, оставаясь и теряя себя в центре всего, в неопределимой точке покоя и равновесия. Медитация — это пребывание там, где можно пребывать бесконечно. Медитация, в отличие от всех оккультных и психотерапевтических практик, учит нас Свободе: свободе от внутреннего разделения (неискренности) и от навязчивого внутреннего диалога. Медитация учит пребыванию вне мысли, вне ума, вне суеты, но включает также и ум в глубокое постижение, понимание того, что Бог-Учитель хочет от нас и что Он пытается нам объяснить. Медитация и размышление в Веданте — это инструмент познания, прозрения, понимания реальности (*ятхарта*), которому не позволено «воспарять» куда и как вздумается.

38

Сознание в медитации не уклоняется ни от чего. Уныние или восторг, злость или приятные воспоминания — медитация *оставляет их такими, каковы они есть*, среди бесконечного множества иных объектов, идей, воспоминаний, *вритти*, событий, лиц, предметов, наполняющих безграничность вселенной. Медитация означает — не пытаться ничего из этого бесконечного множества изменить, не пытаться где-то зафиксировать или наоборот расплыть внимание, что-то вообразить или вычёркивать из сознания, медитация лишь оставляет сознание наедине с тем пространством, с той безграничностью, которая хранит в себе всё, оставаясь неизменной. Соприкосновение с этой безграничностью предполагает в нас постоянство *внимания, бодрости и покоя* — и ничего более. Никакого наркоза, никаких головокружительных полётов сознания не требуется. Но медитация требует *совершенной свободы* от эмоциональных состояний, перетекающих одно в другое, обычно захватывающих собой и фиксирующих сознание в конкретной эмоции (уныние, восторг, злость, любопытство, скука, раздражение, приятные

воспоминания, взаимоотношения с людьми, ошибки в прошлом, надежды на будущее и т.д.). Медитация требует *внутреннего постоянства*, независимо от любых внешних и внутренних раздражителей. В позе лотоса или в битком набитом автобусе - наше внутреннее постоянство должно оставаться неизменным, мы должны по-прежнему *позволять всему оставаться таким, каково оно есть*, везде, всегда и повсюду. Внимание, бодрость и покой должны оставаться неизменными.

38

Трезвость, постоянство неискажённого медитативного «зрения» (*дивья-чакшу, дивья-дришти, джняна-дришти*), неподверженность фантазиям в медитации — достигается в Веданте опорой на три источника *достоверного* познания (*анупраман*): опыт, непосредственное восприятие (*пратьякша*), выводы, здравый смысл (*анумана*) и свидетельство Писаний (*агама*). Для последователя *дхьяны* не сиюминутные ощущения, но только (только!) *агама, анумана* и *пратьякша* свидетельствуют о том, что он не сбился с пути. Учение Адвайта-веданты подчёркивает, что медитирующим, созерцающим — является не ум (*манас*), но «внутренний свидетель» (*сакшин*), способный к восприятию Божественной Воли и к Её передаче уму, чувствам, речи и т.д. Главным среди источников познания (*прамана*) согласно традиционной Веданте является не *пратьякша* (как в нео-адвайте), а *агама*. Вся совокупность Священных Писаний Веданты признаётся «несотворённой людьми» (*апаурушейя*) и потому единственным источником объективных, подлинных знаний о Боге. Все образы, все откровения, все указания, которые можно найти в *подлинных* текстах Адвайта-веданты, становятся окончательным, ключевым, а, возможно, и единственным критерием правильности, эффективности и истинности медитативного опыта. Тексты приводят нас к пониманию метода, способа, навыка медитации как на пути *дхьяны*, так и на пути *бхакти*. Тексты же приводят нас к пониманию действенности ритуала, как самостоятельного пути духовной практики в лоне авторитетной, древней традиции.

38

Религиозный ритуал в соединении с медитацией (*упасана* — поклонение, *прапатти* — «прип^лни», *пада-севана* — *смир^лтоесАужениеБогу, карма-йога* — йога бескорыстного действия) компенсирует нашу бессознательность

через религиозную практику поклонения, богочитания через служение. Этот путь наиболее ассоциируется с ведантической линией Рамануджи. Ритуал, повторение предписанных обрядовых действий, вовлекает наше суетное сознание в сферу сакрального, освящая ум, чувства и само тело *садхака*. Каждодневная сопричастность Единому, непрерывное «предстояние» Богу — требуют от ученика постоянной внутренней сознательности, сосредоточенности. В наше время этот путь обретает форму не только религиозной обрядности, но и традиционных психофизических упражнений Индии и Китая. Говоря о ритуале, нельзя не вспомнить главного его проповедника — Кун-цзы (Конфуция), величайшего китайского гуру за последние две с половиной тысячи лет: «Почтительность без ритуала приводит к подобострастию; осторожность без ритуала приводит к боязливости; смелость без ритуала приводит к смутам; прямота без ритуала приводит к грубости». К сфере ритуала относятся и аскетическая практика (*тапас*), и *мантра-йога*, и *хатха-йога*, и *раджа-йога*, и боевые искусства, если отсюда полностью убрать дух соперничества и насилия, и цигун, и различные стили индийского танца. Ритуал проникает лучом святости в самую глубь обыденной жизни и открывает «человеку простому, неучённому» возможность очищения, познания Истины и Пробуждения. Это самый доступный, безыскусный, но достойный доверия путь.

С точки зрения Адвайта-веданты, однако, ритуал, *йога*, аскеза—это низшая, несовершенная ступень, по сравнению с медитативной молитвой и чистой медитацией. Ритуал и *йога* предполагают привязанность к определённым идеям, правилам, распорядку, иерархии ценностей, что требует избыточной вовлечённости ума. «Путь солнца (*рави-марга*)

— это *джняна*, путь луны — это *йога*», — говорит Рамана Махарши (Беседы 1936 года — 30.09.1936) и добавляет: «Цель обоих путей — избавиться от концепций (идей) и побудить к пребыванию в неизменности, как изначальное Я, абсолютное (необдумываемое) сознание. Так почему не идти прямо к этой Цели? Зачем добавлять новые помехи к уже существующим?» Но (там же): «Пока есть *вийога* (разделение), должна быть и *йога*». Без ступеней, без лестницы — обоиться едва ли удастся, но лестница не заслуживает того внимания, которого достоин дом и тот, кто обитает в этом доме. «Все ритуалы, предписанные священными текстами на весь период жизни человека, а также особые

ритуалы (совершаемые в исключительных случаях) — не имеют своим плодом Освобождение» (из комментария Шанкары к Брихадараньякаупанишаде, 3, 3,1). «Ибо эти обряды и средства, ношение брахманского шнура и прочее, не имеют прямого отношения к постижению Истины, к единению с *Парам-атманом*» (Шанкара. Упадеша-сахасри, Гадья-бандха 1, 3). «В самой основе своей, всякое обрядовое предписание содержит в себе ограниченность (ошибочность), ибо создано только для тех, кто не видит, что Атман не более связан с телом, чем эфир (*акаша*) с перемещаемыми в нём глиняными горшками» (комментарий Шанкары к Брахма-сутрам 2, 3, 48).

Разделённость поклоняющегося и Того, к кому он устремлён, — являет собой ту ступень *двайты*, за которой должна открыться безграничность совершенной *адвайты*. Это та ступень «неполного единства», на которую нисходят достигшие Абсолюта, чтобы служить Ему в мире людей. Но медитативная молитва и чистая медитация — устремлены к абсолютному видению, где нет мира множественности, где нет даже тончайшей преграды между душой и Богом. Множественность душ относится, согласно Адвайта-веданте, лишь к уровню эмпирического мира (*вьявахарика*), она — часть его эволюции, она содержит в себе предысторию и направлена в будущее. На этом уровне мы довольствуемся признанием богоподобия душ, единства образа-отражения (*пратибимба*) и Первообраза (*бимба*). Смысл (*парамартхика*) устремлённости ученика, со всей его практикой и пониманием, постоянно рядом — в том тождестве, которое мы бессознательно имеем каждую ночь глубоком сне (*сусуптти*). Цель Адвайта-веданты — обрести это тождество в явном, непрерывно-сознательном, четвёртом состоянии (*турия*) и в запредельном состоянии (*туриятита*). В этом состоянии сознания (самосветящемся, сияющем) не действуют *упадхи* (как во сне со сновидениями и в бодрствовании), там нет бессознательности глубокого сна. Там реально, практически осуществимо *сарватха-аикьям* (единство-поглощение души в Едином), ради чего совершается труд *абхьясы*. Об этой абсолютной цели (*парамартха*) говорит Шанкара в своём комментарии к Брахма-сутрам (2, 1, 23): Там «невозможно, чтобы индивидуальная душа, носитель чистой *джняны*, была отдельна от Абсолюта, и чтобы, как следствие этого, существовало множество душ».

В своём комментарии кБрахма-сутрам (3,2,7) Шанкара далее пишет: «Нет времени, когда душа не была бы одно с Брахманом, поскольку природа её неизменна. Но во сне со сновидениями и в бодрствовании создаётся видимость того, что она приобретает иную форму, под влиянием *упадхи* (искажающих восприятие ограничений) .При *утасаштупадхи* в глубоком сне (*сущупти*) душа пребывает в своей *свабхава* (изначальной природе) — в тождестве Абсолюту». В другом месте этого комментария сказано: «Душа (*джива*) — лишь отражение Высочайшего (*Парам-аттман*)». Сон без сновидений — это образ, метафора Освобождения (комментарий Шанкары к Брихадараньяка-упанишаде, 4, 3, 23). *Садхана* имеет целью его практическую реализацию — Освобождение, осуществлённое в этой жизни (*дживанмукти*), позволяющее сознательно действовать, оставаясь свободным от *эго*. Лишь освобожденная душа (*мукта*) или душа, бескомпромиссно устремлённая к Освобождению (*мукти-йогья*), способна к истинному служению и к истинной проповеди. Душа, погрязшая в привязанностях и сомнениях о том, чем ей наполнить свою жизнь, куда стремиться, какой путь избрать, — это обычный обитатель этого мира, блуждающий в *сансаре*. Такая душа не может проповедовать, ей необходимо *учиться* знанию и *садхане*. Ей необходимо избрать свой путь, а затем проходить его «теоретические и практические занятия», начиная от детского сада и до последних курсов института. «Практические занятия» можно начинать, лишь глубоко освоив теоретическую часть, обретя уравновешенный взгляд на путь, на мир, на людей и на самого себя. Основная форма занятий в школе Бога — это *шраванам*. искреннее внимание к проповеди, восприятие учения открытым сердцем и умом. Такова первая ступень; затем этот урок воспроизводится на каждой последующей ступени.

Проповедь молитвы, проповедь веры, проповедь медитативного и философского познания — без отрыва от его реальных исторических корней, с глубоким, неискажённым изучением подлинной традиции и без её профанического опошления, проповедь, совершаемая жертвенно, аскетически, безупречно, — единственная форма служения людям, способная внести лепту в спасение нашей цивилизации. Обрядовое богопочитание особенно важно на начальных ступенях,

как зримая альтернатива разнузданному материализму современности. Ритуал, — будучи очищен от фанатизма и косности, ведёт на следующие ступени — и этим обретает эволюционный смысл. На более высоких ступенях ученик знакомится с медитативной молитвой и чистой медитацией, обретая более «недвойственный» уровень понимания и принимая на себя обеты соответствующей этому пониманию *садханы*. Современные доморожденные культы пытаются выдумать собственные формы ритуала и медитативной практики, но их стилизация обычно не обладает ни энергетикой, ни цельностью, ни преображающей сознание силой подлинной, древней, насыщенной духом традиции *абхьясы*. Спасает не хобби, не мода, не образ жизни, но бремя духовной ответственности за свои помыслы, слова и поступки — бремя святости. Местом совершения избранной *садханы* становится в двадцать первом веке не монастырь (*ашрам*), не уединённая община (*сангха*), замкнутая в рамках своей религии, языка и культуры, но - жизнь как таковая. Истины и постулаты избранного учения, избранного пути — должны заполнить собой каждое мгновение повседневной, обыденной, *личной* жизни ученика — и всеобщей жизни человечества.

Фанатическое поклонение тому, что недостойно поклонения, культ личности гуру или культ фразеологии, внешней формы учения — с чего обычно начинается и чем нередко заканчивается «духовный путь» современного человека, — это самоубийство, духовная катастрофа. Ложный путь оказывается худшим заблуждением, чем обычная «светская» жизнь. Это бацилла мракобесия, смертельно опасная и для совести, и для понимания, и для физического здоровья человека. Приняв учение головой, но не духовным своим существом, обитающим в сердце, встроив это учение во всевластную машину *эго*, которая всегда жаждет власти, поощрения и удовольствий, человек изощряет свой ум на примере фанатизма других людей. Так взращивается не милосердие, не сострадание, но ненависть — ко всему чужому, иному, внешнему, непонятному, ко всему, что отвергает или не может вписать в свою картину мира непомерно раздувшееся *эго*, напавшее на себя тогу духовности, мудрости или ортодоксии. Будучи проекцией личного и коллективного эгоизма, суеверие и фанатизм предельно разрушительны и для духовной практики, и для самого человека, и для тех, кому он «проповедует», с кем он просто соседствует телесно. Фанатизм — это

когда человек решительным, мощным ударом разбивает свою голову о стену — вдребезги. Раз и навсегда.

38

Все методы, ступени и заповеди *садханы* — не принадлежат какому-то конкретному учителю, учению, культуре, эзотерическому кругу, школе, эпохе. Все они — изначально, ничем не окрашены, совершенно безличностны, всеобщы и действенны лишь Благодатью (*прасада* — «милостью») Божией. Наставления и атрибутика отличаются, философские откровения — уникальны. Но любые духовные переживания, психологические состояния, тупики, взлёты, ошибки и заблуждения, плоды подвижничества и плоды потакания греховным страстям — у людей разных культур и разных эпох — одинаковы, подобны друг Другу, независимо от того, в лоне какого из путей постижения Истины человек следует *садхане*. Все виды *садханы* Веданты — молитва, медитация, ритуал — дают каждому искренне подвизающемуся те *адаптированные уровни восприятия*, по которым он может восходить к единой для всех, не-двойственной Абсолютной Истине. По этим ступеням сознание нащупывает себе дорогу за пределы своего маленького, суетного и смертного «я», которое всегда занято лишь самим собой. Эти уровни — не напрямую, но таинственным, необъяснимым образом — ведут из активности в покой и неподвижность, а оттуда — в мир Духа, где покой и активность соединяются между собой в непротиворечивом, ангельском единстве.

38

Тантрическая *абхьяса* сфокусирована на пяти «М». Традиционно Тантра считается антитезой Веданте, хотя в своём высшем выражении Тантра также провозглашает и претворяет Адвайту, недвойственность. Подобно Тантре, *абхьяса* Веданты требует неуклонного исполнения пяти «С»: *сева* (служение), *свадхьяя* (изучение священных текстов и традиции), *садхана* (духовная практика), *сатья* (правдивость и устремлённость к Истине), *самьяма* (самообуздание, самоконтроль). Эти пять «С» ученик Веданты должен крупными буквами написать на всех стенах своей комнаты и *единожды* громко повторять утром и вечером, а также в ситуациях уныния, смущения и сомнения. Выходя из молитвы, медитации, ритуала, самосознание *не должно* возвращаться в привычную будничную активность *эго*, в самозацикленность. Оно не должно покидать ту неопределимую точку покоя и равновесия, откуда

мир виден в его неискажённом виде — как безличный неостановимый процесс, как эволюционный поток, устремлённый к Единому. Сознание должно неизменно пребывать там, в этой точке, в этом Центре, в этом равновесии, т.е. распространиться из точки до бесконечности. Ученик *принимает на себя обет* быть внимательным, *обет* быть доброжелательным, *обет* быть сдержанным и разумным. Пребывая в Центре, — нельзя выйти из себя, нельзя проявить тупость, грубость, ненависть, циничную смешливость, уныние, скуку. Рамана Махарши утверждал, что эта точка имеет связь с телом человека и как проекция локализуется в сердце, не в физическом органе, но духовном центре, упомянутом в некоторых ведических, а также в православных (исихастских) первоисточниках.

32

Это учение следует понимать не в физиологическом (или утилитарно-йогическом) смысле. Сердце — это Центр нашего существа, центр совести. Это образ любви, образ верности, искренности, мужества, совершенной открытости. Если ум — символ соблазна, сомнения, раздвоенности, то сердце — символ Бога. Один и тот же неподкупный Судья, Свидетель (*сакшип*) — в сердце каждого. Заповеди (*дхарма*) этого Законодателя не ограничены нашим внутренним миром, но действуют от края и до края земли. Герой всегда остаётся героем в глазах Бога, предатель всегда остаётся предателем. Предатель неизбежно оказывается соблазнён личной выгодой, личным удовольствием, интимным мирком «я», куда устремлены все надежды и амбиции *эго*. Герой видит тщету, иллюзорность этого уютного гнёздышка, он уничтожает всё личностное на алтаре всеобщего Блага (*яока-санграха*). Герой, мудрец, подвижник берёт на себя бремя ответственности за всё происходящее на земле. Он состраданием принимает в себя всё сущее, не пренебрегая ничем. Забота об *общем* Благе не ограничивается рамками «я», семьи, «ближнего круга», племени, клана, нации. Мудрец не смотрит на «ярлычки» религии, социального класса, пола, расы. Бог принимает каждого приходящего к Нему, независимо от цвета кожи, вероисповедания и интеллектуального уровня. Адвайта (недвойственность) не ограничивает себя принадлежностью чему бы то ни было. Бросая вызов отдельности, межчеловеческой разделённости и раздробленности, стремлению сохранить границы, подвижник бросает вызов эгоистическому началу этого мира. Он бросает вызов и власти *эго* в самом себе.

Горы, леса и моря более не отделяют горстки людей друг от друга. Всё происходящее в мире людей ныне происходит в едином времени и во взаимопроникновении, каждое событие оказывается следствием всего и становится причиной всего, что определяет собой совокупную судьбу человечества. Сознание и милосердие — это всё, что дано нам Богом, чтобы нам не быть унесёнными безжалостным водопадом греха и смерти, куда влечёт нас вся пошлость, цинизм, насилие и психопатическая самозацикленность (*баддха*— «связанность») сегодняшнего человеческого ума, ставшего синонимом *эго*. Понимание и сострадание — залог нашей способности различать (*вивека*) то, что истинно (*прама* — по-русски: «прямо»), и то, что ошибочно (*бхрама*); что — от Любви и что — не от Любви Божией. Мы должны *трезво осознавать* то, что возвращаем в себе устремлённость, способность принимать правильные решения и нести ответственность за них, оставаясь в почти полном властном распоряжении нашего личного, коллективного и всеобщего *эго* — машины, автоматически реагирующей и механически воспроизводящей давным-давно заложенные в неё программы реагирования. Наш ничтожный зачаток Сознания и свободной Воли — как кучка подпольщиков в недрах деспотичного централизованного тоталитарного монстра. Парадокс сознания: несколько пробуждающихся клеток становятся залогом пробуждения огромной бесчувственной многоклеточной машины.

3*

Главной практикой, ведущей к пробуждению — под спудом этих многовековых напластований механического реагирования, — является *очищение, культивирование в себе* неискажённой способности видеть безличную, объективную, всеобщую, непреходящую, совершенную Реальность. Мы должны *видеть Бога, беспредельную любовь, всеобщее благо и ненасытимое сострадание* — там, где сегодняшний человеческий ум видит только личные, важные *для нас*, эмоционально насыщенные переживания, впечатления, выгодные или невыгодные *для нас* изменения в нашем привычном, обжитом, распланированном, ограниченном нашими страхами, амбициями и интересами мире. Практикой, которая делает доступными всё более высокие медитативные откровения, всё большую распахнутость сознания, всё большую близость нашего нормального, постоянного сознательного «местопребывания» к Абсолюту — является

бесстрашие (*вайрагья* или *тьяга*). «Царство небесное есть бесстрашие души (греч. — *афатея*), совокупное с истинным *ведением сущих*» (Евагрий Понтийский). Практикой, ведущей к росту Сознания, к росту свободной Воли является практика *смирения*, практика аскетического отсечения эгоизма и своеволия пред истинным Учителем нашим — Богом. Душа — наше самосознание — подлежит развитию, выходу из замкнутости на *личностном*, выходу из отупелой, циничной инертности. Душа способна стать прозрачной, открытой, уязвимой для всеобщей боли, всеобщей жажды прорыва. Каждая душа может, преодолев собственное оцепенение, встать в число тех бурлаков, которые тянут к Пробуждению всё человечество.

38

В Веданте существует четыре великих изречения [*махавакья*], посредством которых сознание может преодолеть ограниченность мира форм и наименований, выйти за пределы времени и пространства. Это: *таг твам аси* («То есть ты»), *ахам брахмасми* («я есмь Единый»), *айям атма брахма* («сей атман есть Единый»), *праджнянам брахма* («Единый Абсолют есть Сознание»), В Упанишадах, у *ачарьев*, в различных классических текстах — встречаются их многочисленные варианты и толкования, часто их считают «визитной карточкой» Адвайта-веданты. Все они, внешне почти одинаковые, не являются выражением вселенской гордыни и чьих-то личных претензий на Божественность. Так их обычно воспринимают те, кто читает их как текст в книге. Путь истинной Веданты — это путь окончательного, абсолютного смирения и самоотвержения. *Махавакья* — это *формулы практики* Веданты, формулы медитативного постижения. Это не «слоганы» и не цитаты, но *путь как таковой*, символ (образ) и способ достижения Цели.

38

Философия может быть пищей для ума, но не *махавакья*. Смысл этих изречений в том, что *джива* и Единый *сущностно* неотличимы, но этот смысл изначально не предназначен для ума. Здесь нет ни философских постулатов, ни арифметического равенства, здесь не-словесно, на ином уровне языка, выражен тот шаг, тот переход, тот скачок восприятия, который должен быть *практически осуществлён*. В *буквальном* смысле этих понятий, Единый и *джива* различаются как Эверест и горчичное зерно.

Но это отличие само по себе есть привнесённое, «наложенное извне», ограничение восприятия (*упадхи*). Практика Веданты — это преодоление всех и всяческих ограничивающих условий. Кроме того, четыре *махавакья* Веданты — это формулы *эволюции сознания*, к которым всё более приближается современный научный взгляд на дальнейшее развитие всей ноосферы, всей нашей цивилизации. То, что вчера было полным, обобщённым, всеобъемлющим, сегодня оказывается частным случаем, особым проявлением более общих законов. То, что вчера казалось завершённым, диалектическим, передовым мировоззрением, завтра будет «простейшим одноклеточным» среди невообразимого мира вновь обнаруженных закономерностей и явлений.

Мостик подобий перекидывается во всё более многомерную реальность, соединяя воедино и бесконечно большое, и бесконечно малое. Этот новый, с трудом объяснимый и чем дальше, тем более загадочный мир, одновременно неизменный и движущийся вперёд, вечный и конечный, начинает удивительно напоминать ту картину, которую давным-давно нарисовали нам Упанишады и Веданта. Возрождённое учение Веданты может в будущем стать одним из разделов научного учения об эволюции. Наука уже признаёт, что эволюция — рождение новых форм в результате развития и взаимовлияния существующих — охватывает всё происходящее и среди неживой, и среди живой природы, и среди различных групп людей, и *в отношении сознания как такового*. За всем этим стоит и, одновременно, целью этого развития является *единое Сознание* — неизменное, изначальное Добро, Бог. Он — альфа и омега, исходная и конечная точка развития, Хранитель и движущая сила этой единой макросистемы. Он ведёт всю систему, через ошибки, противоречия и самопознание, к переходу на новую, предстоящую ступень, которая ныне скрыта за изменчивым миром явлений. Ступень, где, возможно, само тело потеряет своё нынешнее значение, где сознание, возможно, избавится от своего привычного комплекса телесных ассоциаций, представ *явно* таким, как его описывает Веданта в текстах, многократно цитированных выше.

На нынешнем этапе развития, человек участвует уже не только в эволюции биологической и социальной, он стоит на гребне

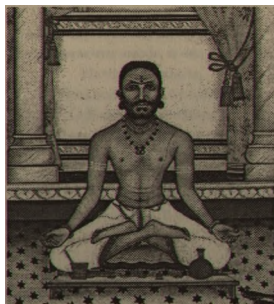
волны *эволюции сознания*, отчаянно нащупывая то, за что перед лицом неминуемых испытаний и катастроф он сможет ухватиться. Крошечный отряд первопроходцев должен срочно отыскать те острова в океане — острова неколебимой Истины, — которые уцелеют, когда великая волна обрушится на всех нас. Для всё большего числа людей становится очевидным, что спасение (*мукти*) — не в вещах, не в техническом прогрессе, не во власти над природой или людьми. Спасение также — не в людях, которые пытаются вести за собой других, не в общинах и не в монастырях, не там, где можно спрятаться от реальности. История многократно доказывала это. Спасение таится в области единой, незаблемой Истины, не новооткрытых, адаптированных истин, но древних, проверенных на прочность жерновами истории. *Мокша* не зависит от места и времени, оно — в возмужании души, во внутренней готовности отринуть внешнее и обратиться внутрь, чтобы обрести ясность относительно самых фундаментальных вопросов бытия. *Мукти* — это решимость встретиться *яйцом к яйцу* с Неведомым и оказаться достойным этой встречи. Нечистота, злодеяния, колебания, двоедушие, эгоизм — преградят нам путь задолго до того, как будут нащупаны первые ступени той лестницы, которая ведёт в покои Божии. Мы находимся на том этапе эволюции, когда всё человечество должно осознать эту преграду и попытаться преодолеть её.

Из привычного мы делаем шаг в Неведомое. Из защищённости винтика внутри отлаженной машины мы делаем головокружительный прыжок в бездну, где нет известного нам мира машин, но есть Жизнь, есть первоначальная нагота, есть абсолютная открытость Единому. Машина в нас — *это* — стучит нам занудную морзянку, постоянно напоминая нам, что мы — это *оно*. И дальше порой вся жизнь уходит на борьбу между жизнью для себя и Вечной Жизнью. Огромное *это* (*ахамкара*) ведёт спор с крошечным самосознающим Сознанием (*джнятри* внутри *антахарана*), вспыхнувшим в сиянии (*сваям-пракаша*) искры Духа (*Атман*). Все законы и побудительные импульсы *это*, весь внутренний опыт и его мотивации, все психологические фазы развития, состояния, силы и слабости *это* — абсолютно безличностны, абсолютно одинаковы у всех людей. Механика всей машины *это* — одна и та же. Вся личностная составляющая жизни *это* — это иллюзия, обман трёх *гун, майя*. Её механическая, безличностная реальность — это также *майя*, но

уже в смысле *праkritы*, *Мшвара-шакти*. Являет себя эта *Мшвара-шакти* человеку через его повседневное, видимое бытие (*дришгья*), через те знаки и свидетельства (*практикам*), из которых оно состоит. Реальность, первоначальная нагота Эдема — безличностна, едина, недвойственна и бесконечна. Это творческий импульс различия, перемены, текучести (*бхеда*), исходящий из безличностной неизменности (*абхеда*), это таинственное единство движения и неподвижности.

Бог истинный, премудрый и всеблагий (*сат-чит-ананда*) — это и Лицо (*сагуна*, Творец-Спаситель-Дух), и Непостижимый (*ниргуна* — неопределимый, безличностный). Бог в нас (*Атман*, *Антарьямин*) тождествен Единому Богу, всеобщему хранителю (*Адхара*) и владыке (*Ниянтри*): Он — вездесущее (*вибху*), всепроникающее (*сарвагата*) Единое без иного, одновременно *ниргуна* и *сагуна*, первоисточник сознания (*чайтангья*), мудрости (*видья*) и сострадательной любви (*крипа*). Он — Первоисточник вечного созидания (*парадхина-вишешаптей*), Владыка (*Мшвара*), Свидетель (*сакшин*), Первопричина (*мулакарана*) и совершенная Свобода (*каиваяья*) от всех причинно-следственных связей. Воля индивидуальной души (*джива*) состоит в принятии решения в недрах самосознания, в свечении *искры*-, раскрыться ли к единству со всеобщим Пламенем или медленно угасать, так и оставшись отдельным, ограниченным, неповторимо уникальным существом — личностью. Совершенно свободный единый Дух (*.Пуруша*) творит или множит себя в подобных себе совершенно свободных (*мукта*) душах, наделяя их, очищенных от всякого зла и эгоизма, богоподобной творческой волей, возможностью не только пребывать, но и действовать богоподобно.

Стихотворение Свами Рама Тиртхи

О смерть, возьми это тело, если хочешь. Мне всё равно, ведь тел у меня миллионы.
Теперь я буду облачаться в лунные лучи как в изысканную одежду.
Свои песни я продолжу в плеске горных рек и ручьёв.
Моим танцем станет танец морских волн.
Я полечу нежным ветерком, приходящим неслышно, или ревущей бурей.
Все те образы, в которых я появлялся во времени, — переменчивы, текучи, непостоянны.
Водопадом низвергался я с утёсов и орошал мучимые жаждой растения.
Я блистал в яркости роз и грустил в соловьиной песне.
Я стучал во многие двери, пробуждая спящих.
Одним утирал я слёзы, другим помогал снять вуаль печали.
Я ободрял и тех, и других. И тебе я помог очнуться.
Теперь я ухожу. Я ухожу, ничего не взяв с собою, и никто меня не удержит.

Свами Рама Тиртха (1873 - 1906) записал это стихотворение (на языке урду) за несколько минут до своей смерти. («В лесах Богопознания», том 2, Лакнау, 1956 г.).

Зерно горчичное

Ты на Единства гору
Взойди легко и без усилий,
О Сознание!
Путь поведёт тебя
Среди неведомой пустыни,
Которая во все концы окрест
Раскинулась неизмеримо.
В пустыне этой нет
Ни времени, ни места.
Всему чужда она, не связана ни с чем.

В той удивительной пустыне
Ни разу шаг не сделала нога,
И разум сотворённый
Ни разу не проник в пустыню эту',
И тут она, и в отдаленье,
И рядом, и вдали отсюда,
И глубина в ней есть, и высота,
И такова она,
Что и не то она, не это.

Она и ослепительно светла,
И тьма в ней всюду непроглядна,
И нет ей имени,
И не узнать её.
Начала нет в ней, нет конца и края,
Всё в ней покой,
Раскрытость, чистота.
Кто знает дом её?
Войди туда.
Скажи нам,
Каков есть его облик, образ, вид.

Стань как дитя,
Стань нем и слеп!
И существо твоё само
В ничто да обратится,
И нечто, и ничто — гони отсюда прочь,
Оставь и время, и пространство,
И всяких образов беги!
Ты без пути иди
По узкому мосту,
Так выйдешь ты на след пустыни той.

Душа моя,
Изьди, чтоб Богу дать войти,
Пусть поглотит «моё», и «я», и «нечто»
Ничто Господне,
Бездонная Его пучина!
О Благо безымянно,
Что над твореньем всем стоит,
Бегу я от Тебя,
Ко мне же Ты всё ближе.
Себя я оставляю
И нахожу Тебя.

Granum sinapis (Зерно горчичное) - анонимный текст, написанный в Германии около 1300 года. Предполагаемым автором текста является Мастер Экхарт (1260 - 1328).

Святой Хуан де ла Крус (1542 - 1591)
Стихи о восторге, порожденном созерцанием

Я очутился в том краю,
вкусив неведенья такого,
что выше знания любого.

Не знаю сам, какой тропею
вошел я в край сей заповедный,
не знаю, где я, но не скрою,
что в этот миг мой разум бедный,
покинув мир немой и бледный,
вкусил неведенья такого,
что выше знания любого.

Объяло истинное знанье
весь мир, Всевышним сотворённый.
Так, в одиночестве, в молчанье,
его узрел я и, пленённый,
стал как младенец несмышлёный,
коснувшись таинства такого,
что выше знания любого.

Был поглощён я столь всецело,
что на вершине отчужденья
любое чувство онемело,
ушло любое ощущение,
когда достиг я постиженья
непостижимого - такого,
что выше знания любого.

Сей пилигрим, по Божьей воле,
сам от себя освободится
и всё, что он узнал дотоле,
во прах и пепел обратится,
столь возрастет, что умалится
вдруг до неведенья такого,
что выше знания любого.

Чем больше познаёт, немея,
ум, тем он меньше постигает
сей пламень, ведший Моисея,
свет, что в полночи сияет,
но тот, кто всё ж его познает,
вкусит неведенья такого,
что выше знания любого.

Сие незнающее знание —
— такую власть оно имеет,
что мудрецы в своем старанье
его постичь — не преуспеют,
ибо их знание не сумеет
достичь неведенья такого,
что выше знания любого.

Его вершина недоступна,
и нет науки, овладевшей
тем высшим знаньем целокупно
иль превзойти его сумевшей.
Но сам себя преодолевший
вкусит неведенья такого,
превыше став всего земного.

И, коль желаешь ты ответа —
— что тайна высшая скрывает? —
скажу: благое знание это
суть Божества собой являет.
Нам Божья милость позволяет
вкусить неведенья такого,
что выше знания любого.

Перевод Ларисы Винаровой (её переводы, статьи и книги можно найти на великолепном сайте <http://www.carmil.ru/>, посвящённом святой Терезе Авильской и святому Хуану де да Крус).

Темница ума и пустота Просветления

Из статьи Эндрю Коэна “Knowledge, Power and Enlightenment”, 1997
Журнал «Что такое Просветление?» № 6/1

«Просветление» всегда символизировало проникновение в ту глубину человеческого сознания, где открывается доступ к Первоисточнику самого сознания и всего сущего. Этот Первоисточник — нераздельная полнота, где нет ни времени, ни пространства, ни материальных ограничений, ни ума. Здесь сокрыто абсолютное *знание*, свободное от власти объектов, памяти и времени, здесь сокрыто непрерывное Откровение. Воссоединение души с этим *знанием* называют Освобождением, выходом из ментальной и кармической предопределённости. Следование этому *знанию* видится из обычного человеческого состояния как неповиновение уму или «незнание ума». Это свобода от ума, которая становится непоколебимой, когда сознание без тени сомнения покоится в этом Первоисточнике, воспринимая, видя, ощущая, что первопричиной и предназначением всего сущего является познание Истины. «Незнание ума» имеет силу преобразовать мир времени и пространства. То, насколько «незнание ума» становится естественным местопребыванием сознания, насколько «ум прозрачен» — это та мера, в которой Совершенство, явленное конкретному человеку, *возобладало в нём* и проникает через него в мир, «исправляя пути» этого мира. Эта степень неосвязаема, неочевидна, она определяется чуткостью к Откровению, неослабным вниманием, смирением, пустотностью и свободой от *эго*. Восприимчивость к Совершенству и способность выразить его вне рамок ума превращают мир явлений, мир ума — из темницы - в бесконечную возможность претворения, воплощения, осуществления абсолютной Истины. Стать проводником и частью Откровения — зависит не от мудрости, не от силы воли, таланта или способности перерабатывать информацию, но исключительно от того, где пребывает внимание — *в уме или за пределами ума*. Осознание того, где мы *сейчас* пребываем, имеет исключительное значение на духовном пути: без него едва ли удастся избежать искушения властью, могуществом, гордыней, которое заключено в знании, не принесённом в жертву пустоте Просветления.

«То Я, о котором многим не удастся даже услышать, которое многие не понимают, даже внимательно слушая, — объясняющий Его удивителен и принимающий Его удивителен, удивителен и тот, кто знает Его, по наставлению мудрых. То Я, безусловно, не познаётся истинно, когда о Нём говорит недостойный; ведь о Нём думают различно. Когда же о Нём учит ставший равным Ему, более не остаётся вопросов. Ведь То, что меньше мельчайших частиц, — вне доказательств. Став просветлённым, ты отверг (всё низшее). Ты познал сияние Истины как венец всех желаний, основу бытия, смысл медитации, свободу от страха, великий путь, достойный восхваления, и то Я, что в тебе пребывает. Я-Сознание не рождается и не умирает. Оно ни из чего не возникло, и ничто из Него не возникает. Никем не рождённое, вечное, нерушимое, древнее, Оно не гибнет, даже когда убито тело. То, что тоньше тонкого и больше великого, в сердцах всех существ сокрыто. Свободный от желаний, пребывая в безмятежности чувств, видит славу Я и оттого свободен от скорби. Сидя, Оно путешествует; во время сна Оно движется повсюду. Кто воистину познал То, что и радуется, и не радуется? Созерцая Я — в окружении тел Бестелесное, среди непостоянства Неизменное, великое и всепроникающее, — ни о чём не печалится мудрый. Это Я не может быть познано ни изучением, ни упорством ума, ни слушаньем проповедей. Оно лишь через Я познаётся. Само Я открывает ему свою тайну, когда ищущий к Нему напрямик обратится. Тот, кто не избавился от греха в помыслах и поступках, чьи не обузданы чувства, а ум не сосредоточен, кто полон сомнений и непостоянства, тот не сможет достичь Я через мудрость. Как человеку узнать, где То пребывает, что и брахмана, и кшатрия поглотит, чему и смерть — лишь приправа?»

Катха-упанишала, часть I, песнь II, 7-11, 18-25.

**Изображения учителей Веданты на обратной стороне обложки
(последовательность перечисления соответствует порядку
размещения: слева-направо, сверху-вниз)**

Кришна-Двайпаяна Вьяса, Ведавьяса («Разделитель Вед»), легендарный автор Махабхараты, большинства пуран и других ведических текстов, которого также ассоциируют с Бадараяной, автором Брахма-сутры.

ЭЙ

Шанкара, величайший ачарья Адвайта-веданты, живший в VIII в., странствующий проповедник, религиозный реформатор и поэт-бхакта, учению которого в основном посвящена данная книга.

ЭЙ

Рамануджа (ок. 1017—1137)—ачарья-проповедник «уточнённой Адвайты» (*вишишта-адвайта*), подчёркивавшей поклонение Богу и благочестие (*Лакшми-сампрадаёя* или *Шри-сампрадаёя*). Ничтожные частицы-души (*дживы*) неотличны сущностно от Единого, но отличаются своей *незначительностью* («количественно»); этим частичкам надлежит обратиться к воссоединению с Целым *в любви*— посредством очищения, *упасаны* и *дхрува-анусмрити* (неуклонного памятования). «Мостиком» между учениями Шанкары и Рамануджи была почти утраченная ныне *Кумара-сампрадаёя* Нимбарки: *двайта-адвайта* (XI в.), последователи которой исповедовали *кришна-бхакти*, их главными местами поклонения были Вриндаван и другие *дхамы* центральной Индии.

ЭЙ

Мадхва (1238 — 1317) — ачарья *таттвавады* или *двайты* (*Брахма-сампрадаёя*), основанной на реальности и сущностном различии Бога, живых существ (*джив*) и материи, из которых Бог — независим, а *дживы* и материя — суть лишь раздробленное отражение Бога, жаждущее Его спасающей благодати. Предназначенные ко спасению души отвечают на зов Бога преданностью, вверением Ему себя. Мадхва оказал значительное влияние на последующих вайшнава-ачарьев (Мадхавендра Пури, Валлабха), став предшественником средневекового экстатического движения *бхакти*.

ЭЙ

Валлабха (1478 — 1530), последний из великих ачарьев Веданты (*Рудра-сампрадаёя*), основатель одного из направлений *кришна-бхакти* (*пушти-марг*), проповедовавший в Гуджарате и Андрха-Прадеше.

Философски Валлабха опирается на учение *шуддха-адвайта*, связанное с именем Вишнусвами (прибл. 1200 — 1250): и Единый, и атомарные дживы, Его вечные слуги, — в равной степени вечны, чисты, совершенны. Последователи Валлабхачарьи подчёркивают семейный и наследственный путь распространения их учения, интимный, домашний характер поклонения Богу, упование лишь на Милость. Аскеза, монашество (*санньяса*) полностью отрицается.

32

Чайтанья Махапрабху (1486 - 1534), величайший из проповедников *кришна-бхакти* в Индии, известный как Кришна Чайтанья или Гауранга, возглавивший движение *санкиртаны* (экстатическое воспевание имени Божия) в Бенгалии и Ориссе. Учение Чайтаньи (*ачинтья-бхедабхеда*) и *санкиртана* — наиболее распространённая форма *бхакти* в настоящее время, после возрождения её в XIX-XX вв. (Бхактивинода, Бхактисиддханта и другие Гаудия-вайшнав в Бенгалии, Муралидхара Свамигал в Тамилнаду, последователи Прабхупады по всей Индии и в странах Запада).

33

Рамакришна Парамахамса (1836 — 1886), бенгальский святой (*адвайтин* и *кали-бхакта*), учивший на основе своих экстатических Откровений о единстве *джнянг* и *бхакти*, о равноценности всех истинных путей к Богу. Простота объяснений, спонтанность и живой опыт богообщения Рамакришны вызывали яростные нападки и презрение брахманов-фундаменталистов, но восхищало всех, кто жаждал обновления индуизма. Имя Рамакришны стало символом духовного возрождения Индии в XIX-XX в.в., призывом к преодолению межрелигиозных ушибов, сектантской гордыни и предрассудков.

32

Свами Вивекананда (1863 - 1902), любимый ученик Рамакришны, положивший начало распространению Веданты в странах Запада, основатель «Миссии Рамакришны». Необычайно популярен в Индии, особенно в родной Бенгалии, как духовный лидер и реформатор, сделавший более чем кто бы то ни было для духовного пробуждения своей родины.

32

Свами Рама Тиртха (1873 — 1906), пламенный проповедник Адвайта-веданты в Индии, в Японии и в США, неизменно пребывавший в

экстазе недвойственности. Родом из бедной брахманской семьи в Пенджабе (ныне Пакистан), он с детства отличался необычайной целеустремлённостью и усердием, шаг за шагом продвигаясь к совершенству. Отказавшись от лавров одарённого учёного-математика и преподавателя, он целиком посвятил себя богопознанию, служению и прославлению Единого.

ЭЙ

Рамана Махарши (1879—1950), отшельник, в юности переживший откровение Атмана и пребывавший затем на горе Аруначала (Тамилнаду), где, после длительной уединённой аскезы, явил уникальную способность передачи *джняны* другим людям — как в молчании, так и в беседе. Любопытство, сентиментальность или книжную учёность своих собеседников Рамана обращал к первоисточнику всякой активности ума, призывая найти и познать исходное Я, первопричину всего. Ответы Раманы отличались необычайной ясностью и глубиной, дав рождение целой плеяде ярких учителей Адвайта-веданты, среди которых наиболее известен Хариванш Лал Пунджа, Пападжи (1910 — 1997), племянник Свами Рамы Тиргхи.

ЭЙ

Шри Юктешвар Гири (1855-1936), учитель Веданты в традиции Бабанджи (*крийя-йога*), наследник знаменитого *сиддха* и наставника Шьяма Чарана Лахири Махасайя (1828 — 1895). В число учеников Лахири Махасайя входили также Панчанан Бхаттачарья, Брахмачари Кешавананда, Кебалананда, Пранабананда, Бхупендранатх Саньял, Тинкори Лахири и др. Среди учеников Юктешвара наиболее известны Иогананда (1893 - 1952) и Сатьянанда (1896 — 1971), которые оставили после себя несколько небольших, но серьёзных традиций (школ) *крийя-йоги*.

ЭЙ

Ауробиндо Гхош (1872 — 1950), просветлённый революционер, поэт и философ; создатель нового ведантического пути, в котором оказались соединены волевое, медитативное восхождение, ступенчатое освоение сверхсознания и эволюционное учение о человеке будущего. В 1926 году возник ашрам в Пондишерри, обитель безмолвного уединения, где духовный опыт Ауробиндо и Матери обрёл форму «интегральной йоги» — всецелой самоотдачи сходящей свыше благодатной Силе, очищающей, преображающей и глубины сознания, и саму клеточную структуру тела.

ЭЙ

Шивананда Сарасвати (1887 — 1963), оставив успешную карьеру врача, прибыл в Ришикеш, где, после десятилетия аскезы, йогической практики и личного служения людям, основал школу, которой суждено было стать крупнейшей и наиболее уважаемой йогической традицией современности, укоренённой в Веданте. Ученик Вишвананды Сарасвати. В учении Шивананды воссоединились все традиции Веданты: философия Адвайта-веданты, *аштанга-йога*, служение людям (*самадж-сева*), *акханда-махамантра-киртана* (экстатическое воспевание имени Божия) в традиции Чайтаньи

Свами Чинмайянанда (1917 — 1993), подвижник и апостол Адвайта-веданты, ученик Шивананды и свами Тапована из Уттаркаши, самоотверженный проповедник, трудившийся по 18 часов в день и основавший множество центров «Миссии Чинмайя» в Индии и в странах Запада. Автор более 35 книг по Адвайта-веданте, инициатор бесчисленных социальных проектов в области образования и здравоохранения, посвятивший себя распространению истинной *джняны* по всему миру.

ЗЙ

Кришна Менон (1883-1959), принявший от учителя имя Атмананда, долгое время совмещал труд правительственного чиновника и духовную практику. Пройдя по указанию своего таинственного учителя, известного как Йогананда из Калькутты, путём *бхакти* и йоги, Кришна Менон обратился к пути *джняны*, и его совершенство в *джняна-садхане* привлекало к нему учеников со всей Индии и из Европы. Его безупречность и пунктуальность, как в мирских делах, так и в передаче *джняны*, его неизменное пребывание в не-двойственном сознании Атмана, его совершенное смирение в семейной жизни и в наставничестве, - снискали ему славу одного из величайших учителей Адвайты XX в.

ЗЙ

Свами Рама (1925 - 1996), один из известнейших проповедников Адвайта-веданты и йоги в США, родом из северной Индии, провёл детство и юность в общении с наставником Бенгали Баба (гималайская традиция Бабаджи). В течение трёх лет пребывал в монастыре Карвирпитхам (Шанкарачарья Шрингери Матх на юге Индии), после чего вновь вернулся в гималайские пещеры, откуда по указанию

наставника направился для проповеди в Японию и США. В конце жизни, имея множество центров и учеников на Западе, вернулся в северную Индию, где направил все усилия на осуществление масштабных социальных проектов (больничный комплекс и медицинский учебно-исследовательский центр в районе Ришикеша и Харидвара).

32

Нисаргадатта Махарадж (1897 — 1981), известнейший мастер Адвайтаведанты, поражающий своей безупречной передачей того недвойственного сознания, в котором пребывал постоянно. Мелкий лавочник из Бомбея воспринял от своего учителя Сиддхарамешвара (традиция «девяи натхов») *видение Истины* вне всякой зависимости от тела и переменчивых внешних обстоятельств. Записи его диалогов, полные афористично метких, всегда простых и безошибочных ответов на любые вопросы, стали классикой современной Адвайты.

32

Бхаджан (Харибхаджан) Брахмачари (1925 — 1992), с детства был окружён чудесами и предзнаменованиями. В дальнейшем он всячески принижал и скрывал свои сиддхи, о которых сохранилось множество упоминаний в рассказах учеников, но подчёркивал значение *бхактисадханы* — воспевание (*бхаджан*) и повторение (*джапа*) имени Божия. В видениях, на тонком плане, Бхаджан Брахмачари пребывал в контакте и под опекой Махайоги Баба Локенатха (1730 - 1890), одного из самых удивительных святых-чудотворцев Индии XIX в., обретшего Просветление в Гималаях в девяностолетнем возрасте и совершившего после этого множество пеших путешествий, чудес и аскетических подвигов. Учение Локенатха соединяло в себе проповедь любви и преданности Богу с призывом к сознательности к поступкам, к развитию в себе совести и здравомыслия.

32

Эккирала Бхарадваджа (1938 - 1989), преподаватель в области английской литературы, агностик, обратившийся к Богу и к духовной практике после Откровения, пережитого на месте упокоения (*самадхи-мандир*) Ширди Саи Баба (г. Ширди, Махараштра) в 1963 г. Ревностный последователь Ширди Саи Баба, Эккирала посвящал свою жизнь песнопению (*бхаджан*), беседам со всё возрастающим множеством учеников, публикации книг. Участие во многих гуманитарных, благотворительных проектах, забота о приходивших к нему людям,

безупречная семейная жизнь, серьёзное исследование духовного опыта с точки зрения современной философии и науки — всё это сделало жизнь Эккиралы Бхарадваджа образцом служения, которое приводит к совершенству и на пути *джняны*, и на пути *бхакти*. Ширди Саи Баба (1838 — 1918) — ещё один почитаемый святой-чудотворец и целитель Индии XIX в., живое воплощение *брахма-джняны*, не столько словами, сколько своей жизнью проповедовавший смиренное служение тем, кто страдает и нуждается в помощи.

ЗЙ

Прахлад Чандра Брахмачари (1900 — 1982), бенгальский наставник *бхакти*, простотой и отсутствием книжной учёности, а также искренней любовью и вниманием к каждому собеседнику очень напоминающий Рамакришну. Брахман, прошедший в детстве и в юности через крайнюю нищету, Прахлад Чандра провёл длительное время, занимаясь в лесах и на берегу Ганга йогической практикой, где получил наставление от неведомого *садху*, которого почитает своим Гуру. *Кали-бхакта*, подобно Рамакришне, он обрёл наконец место храмового жреца в маленькой деревушке, где постепенно начали собираться ученики и сложился небольшой *ашрам*. До последних дней Прахлад Чандра вёл скромную и естественную жизнь, беседуя с проходящими к нему людьми и не считая себя чем-то особенным. Все окружающие наблюдали в нём проявления *бхакти-бхавы*, хотя сам он утверждал, что лишь совершает предписанные ритуалы и обычное поклонение.

Майкл Момот

Адвайта-веданта для двадцать первого века

Текст публикуется в авторской редакции

Компьютерная верстка - О.А.Новикова

Сдано в набор 15.06.06. Подписано в печать 04.07.06.
Формат 60x90_{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Garamond.
Печать офсетная. Усл.печ. л. 16,25
Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО “Издательство “Левша. Санкт-Петербург”
193736, СПб, Аптекарский пр., д.6
тел.234-54-36, тел./факс 234-13-00
e-mail: levsha@levshaprint.ru

ISEN 593356047-2

91785933 560470